

X628.1
T19

2/8 N1

С.А.Тарарухин

Квалификация преступлений

в судебной
и следственной
практике

ЮР-ИНКОМ

ураць

С.А.Тарарухин

Квалификация преступлений

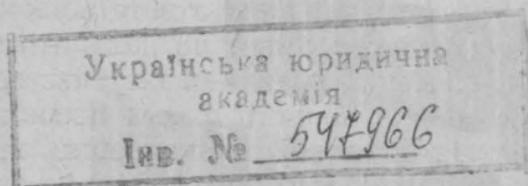
в судебной
и следственной
практике

КИЕВ
“ЮРИНКОН”
1995

628.1
T19
ББК X 628.1
T19

Тарарухин С.А. Квалификация преступлений
в следственной и судебной практике. —
Киев: "Юринком", 1995. — 208 с. Научно-
практическое издание.

Рецензент — П.Г. ЦУПРЕНКО, Первый заместитель председателя
Верховного Суда Украины в отставке, Заслуженный юрист Украины.

Тарарухин С.А. Квалификация преступлений в следственной и
судебной практике. — Киев: "Юринком", 1995. — 208 с. Науч-
но-практическое издание.

ISBN 5-7707-4573-8

В монографии рассматривается процесс уголовно-правовой оценки
преступного деяния, анализируются научные основы и методические
правила проведения этого процесса, определяются логико-правовые
закономерности установления состава преступления. Наряду с об-
щетеоретическими в работе выделены конкретные вопросы квали-
фикации единичного преступления, а также разграничения и ква-
лификации отдельных видов преступлений, вызывающих затруднения
на практике.

Книга предназначена для работников следствия, суда, прокуратуры,
адвокатуры, научных работников, преподавателей и студентов юри-
дических вузов.

1203021100-000
Т "Юринком"-95 Без объявл.

ББК X 628.1

ISBN 5-7707-4573-8

© С.А.Тарарухин, 1995
© "Юринком" — редакция
"Бюллетеня законодательства
и юридической практики
Украины", 1995

ВВЕДЕНИЕ

Одним из центральных вопросов при разрешении любого уголовного дела по существу является установление того, какое конкретно преступление совершено и кто в этом виновен. В правильности юридической оценки совершенного преступления (квалификации) заинтересованы, как правило, все участники уголовного процесса: преступник (если он раскаялся в содеянном и ожидает справедливого наказания); жертва преступления (потерпевший), требующий воздаяния причинителю вреда по закону; адвокат, защищающий интересы обвиняемого или потерпевшего; судья, постановляющий обоснованный приговор; прокурор, призванный обеспечивать соблюдение законности.

Однако виновность лица в совершении конкретного преступления должна быть доказана, а избранная уголовно-правовая норма как предусматривающая ответственность за него — соответствовать установленным по делу фактическим обстоятельствам. Процессуальная (доказательственная) и уголовно-правовая оценка данного факта представляют собой два взаимосвязанных и обуславливающих друг друга процесса познания одного и того же социально-правового явления — преступления. Их раздельное рассмотрение в теории объясняется лишь необходимостью более углубленного научного анализа, а также тем, что соответствующие науки давно стали самостоятельными. В следственной и судебной практике оба подхода сливаются воедино. И если такая интеграция не всегда приводит к положительному результату, то причины, очевидно, следует искать прежде всего в невыполнении требований уголовно-процессуального закона о всестороннем, полном и объективном исследовании фактических обстоятельств преступления и в ошибочности принятого решения о применении соответствующих (адекватных) ему уголовно-правовых норм.

Расследовать преступление практически невозможно без установления основного (главного) факта, подлежащего доказыванию, — наличия состава преступления, предусмотренного уголовным законом. Так же оказывается беспредметным и вывод о квалификации, если среди фактических обстоятельств установленного и как бы доказанного события не выявлены признаки, свидетельствующие о том, что совершено именно такое преступление.

Но в этой плоскости проблема квалификации в уголовном праве обычно не ставится. Фактические обстоятельства, устанавливаемые по делу, здесь зачастую как бы презюмируются (считаются имеющимися в наличии), ибо

вопрос о том, что конкретно и в каких случаях они характеризуют, к чему относятся, что непосредственно объясняют или доказывают, переводится в сферу практического решения. В уголовно-процессуальной литературе в свою очередь речь идет о составе преступления как о главном факте, подлежащем доказыванию, без дальнейшей конкретизации признаков, относящихся к уголовно-правовым определениям, применительно к данному случаю. Между тем одни и те же фактические обстоятельства могут характеризовать несколько элементов и признаков как одного и того же преступления (соответствующего состава), так и разных. Преступления нередко совпадают между собой по основным внешним признакам, различаясь по их внутреннему содержанию (например, направленности умысла и т.п.). Разграничение преступлений в таких случаях становится невозможным без более дробной конкретизации признаков до уровня их логической неделимости с последующим синтезированием в соответствующий состав преступления, выступающий в качестве логико-юридической формы выводного знания.

Общие положения и принципы квалификации, имеющие силу для любого вида преступлений, определяющие основания и порядок выбора статьи уголовного закона, подлежащей применению, наиболее полно впервые разработаны В.Н. Кудрявцевым¹. Им рассмотрены в теоретическом плане и возможности использования при квалификации логических схем, программ и т.п.

В общем виде применение законов логики при квалификации рассматривалось и другими авторами². Однако решение данной проблемы сводилось к упорядочению самого процесса квалификации, обозначению ее возможных форм и принципов либо носило постановочный характер, нуждалось в раскрытии³.

¹ Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. — М., 1963; *его же*. Общая теория квалификации преступлений. — М., 1972.

² Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм. — Волгоград, 1973; Наумов А.В., Новиченко А.С. Законы логики при квалификации преступлений. — М., 1978; Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. — М. 1967.

³ В юридической литературе было даже высказано суждение, что данная проблема должна решаться в рамках курса логики, а не уголовного права (См.: Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. — М., 1984. — С. 5), с чем согласиться нельзя, ибо в таком случае может быть утрачено само юридическое содержание квалификации.

В предлагаемой читателю книге этому аспекту квалификации уделяется особое внимание. Логический анализ признаков преступления проводится наряду с юридическим, сопровождает его. Это создает дополнительные возможности для раскрытия содержания объективных и субъективных признаков преступления и позволяет предложить на этой основе для следственной и судебной практики соответствующую логико-правовую методику квалификации и разграничения преступлений.

Любая наука представляет собой систему определенных понятий, терминов, определений и т.п., более или менее адекватно обозначающих предметы и явления, которые она изучает. Развитие науки всегда связано с совершенствованием понятийного аппарата, с уточнением смысла категорий, образующих ее содержание. Не составляет исключения из этого и уголовное право. Используемые здесь термины в одних случаях являются общеправовыми, в других — присущими только данной отрасли права, в третьих — заимствованными из других, неправовых наук с привнесением в них своего собственного содержания. В научный оборот постоянно вводятся новые понятия либо им придается иной смысл. К тому же терминология нередко используется в несвойственном ей значении, что затрудняет понимание сущности рассматриваемых вопросов, а следовательно — и правоприменительную деятельность в целом.

Особая роль принадлежит понятийному аппарату самого уголовного закона, который при любых условиях должен пониматься однозначно. Его толкование не может быть произвольным. Существует презумпция знания закона, но нет презумпции, что закон всегда ясен. В этой связи расшифровка содержания понятий и терминов, употребляемых законодателем, приобретает особое значение. В уголовном праве признаки конкретного преступления и все, что к ним относится, оформляются в понятия. Юридические определения (их смысловое значение), так или иначе относящиеся к учению о преступлении и наказании — предмету данной науки, являются лишь введением к анализу содержания данных явлений. Предметное изучение теории квалификации преступлений непосредственно связано с уголовно-правовыми понятиями и категориями. Без них оно просто невозможно. Именно поэтому автор пришел к выводу о необходимости разработать понятийный словарь в виде приложения к данной монографии.

Закон (форма) и содержание регулируемых им явлений, процессов и т.п. — постоянно изменяющиеся категории. Подвергаются изменению и негативные явления в жизни общества, которые нередко приобретают общественно опасный характер и потому нуждаются в соответствующей регуляции и уголовно-правовом запрете. В этой связи трудно претендовать на исчерпывающее освещение рассматриваемых вопросов. Поэтому при изложении материала используются прежде всего устоявшиеся точки зрения, ставшие традиционными, что, конечно, не исключает авторских трактовок.

Работа написана на базе лекций по специальному курсу “Теоретические основы квалификации преступлений”, которые автор на протяжении ряда лет читал в Киевском университете им. Т.Г.Шевченко и Киевской высшей школе МВД СССР (ныне Украинская академия внутренних дел), а также переосмысливания и развития положений, недостаточно полно раскрытых в прежних публикациях¹ либо потребовавших иного подхода. Иллюстративным материалом в ней являются наиболее типичные ошибки в работе следственных и судебных органов Украины по отдельным категориям уголовных дел, указанные в соответствующих постановлениях Пленума Верховного Суда Украины². Такой подход, по мнению автора, обеспечивает единообразие трактовок спорных в теории положений на основании обобщенной практики и избавляет его от цитирования ошибочных решений по конкретным делам, которые, оказавшись случайными, сами по себе ничего ни подтвердить, ни опровергнуть не могут.

Монография состоит из четырех глав. Первая глава посвящена общетеоретическим вопросам квалификации, ее основаниям и предпосылкам; вторая — квалификации единичного преступления (понятию, признакам, особенностям отграничения от множественности преступлений, квалификации при конкуренции норм, соучастии); третья — разграничению единичных преступлений по от-

¹ Тарарухин С.А. Установление мотива и квалификация преступления. — Киев, 1977; *его же*. Теория и практика квалификации преступлений. — Киев, 1978; *его же*. Понятие и значение квалификации преступлений. — Киев, 1990.

² В работе использованы постановления Пленума Верховного Суда Украины по состоянию на 25 апреля 1994 г. (См.: Постанови Пленуму Верховного Суду України в цивільних та кримінальних справах // Бюлетень законодавства і юридичної практики України. — 1993. — №6. Далее — Бюлетень ...).

дельным элементам и признакам их составов (объективным и субъективным); четвертая — квалификации и разграничению отдельных видов преступлений, вызывающих затруднения на практике (некоторых преступлений против жизни и здоровья, общественного порядка, собственности и др.).

Книга предназначена для работников следственных органов, суда, прокуратуры, адвокатуры, научных сотрудников. Она может быть использована при изучении в юридических вузах специального курса “Теория и практика квалификации преступлений”.

Глава I ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. Понятие квалификации и ее юридические основания

В уголовно-правовой литературе термин “квалификация” употребляется в двух основных значениях: 1) как единовременная правовая оценка содеянного, которая заключается в выборе соответствующей нормы и фиксации принятого решения в официальном юридическом акте (судебных, следственных и прокурорских органов); 2) как процесс, направленный на установление юридической природы совершенного преступления.

Квалификацию можно определить и несколько иначе — как установление признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законом, в действии (бездействии) лица и констатацию тождества признаков совершенного деяния составу соответствующего преступления. Это — две стороны одного и того же явления: формулирования вывода, что деяние конкретного лица общественно опасно и противоправно, и определения, в чем оно конкретно выражается (какая норма закона им нарушена)¹.

Различается официальная квалификация, находящая отражение в процессуальных документах, влекущих правовые последствия, и неофициальная, научная (доктринальная), не имеющая обязательного значения. Хотя в принципе они связаны между собой и не должны противостоять друг другу, поскольку наука опирается на практику и служит ей, а практика не должна противоречить собственным достижениям, проверенным временем и обобщенным в науке.

При квалификации применяется не только норма Особенной части Уголовного кодекса, предусматривающая ответственность за совершение преступления (собственно квалификация), но и нормы Общей части УК, содержащие отправные положения и категории, относящиеся к

¹ При этом предполагается, что преступление имело место и факт его совершения именно данным лицом доказан, так как в противном случае постановка вопроса о квалификации исключена (если нечто не доказано процессуально, то оно не может быть и квалифицировано в материальном смысле — по уголовному закону).

правосубъектности¹, стадиям совершения преступления, соучастию и т.п., имеющие непосредственное отношение к этому вопросу.

В.Н. Кудрявцев определяет квалификацию преступления как “установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой”², что довольно точно отражает ее сущность, если иметь в виду, что под составом преступления понимается более обширное образование, чем норма, включающее не только указанные в ней, но и подразумеваемые признаки, о чем, собственно, говорит и сам автор³. В теоретическом плане принято выделять шесть этапов (стадий) квалификации, начиная от возбуждения уголовного дела и кончая приговором, вступившим в законную силу. Этот вопрос подробно освещен в литературе⁴, и поэтому вряд ли необходимо его рассматривать. Отметим лишь, что в практической деятельности вопрос о том, что фактически совершено и имеется ли в содеянном состав преступления, возникает уже при осуществлении первоначальных следственных действий, а приговор, формально вступивший в силу, может содержать ошибочный вывод о квалификации и подлежать отмене (изменению) при рассмотрении уголовного дела в порядке надзора, что и должно быть выявлено и осуществлено. В то же время для каждой стадии уголовного процесса существуют свои пределы и возможности установления с необходимой полнотой фактических обстоятельств дела, а следовательно — и квалификации содеянного. Приговор, вступивший в законную силу, как бы завершает юридическую оценку содеянного. Однако правильный вывод о квалификации может быть сделан только тогда, когда по делу собраны соответствующие доказательства факта совершения преступления виновным и есть достаточные основания и предпосылки для такого вывода. *

Оценка события преступления является формой выражения юридической значимости данного факта. Но поста-

¹ Под правосубъектностью в данном случае понимается способность лица нести уголовную ответственность, быть субъектом преступления (вменяемость, достижение соответствующего возраста).

² Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. — С. 7—8.

³ Там же. — С. 11, 12.

⁴ Там же. — С. 238. См. также Тарарухин С.А. Теория и практика квалификации преступлений. — С. 8—25.

новка вопроса о квалификации является беспредметной, если отсутствуют общие признаки преступления (общественная опасность и противоправность)¹. В то же время о совершении преступления можно говорить, очевидно, лишь тогда, когда применительно к данному случаю избрана соответствующая уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за данный деликт.

В теории выделяется ряд этапов применения нормы: 1) анализ фактических обстоятельств дела (точнее — происшедшего события); 2) выбор (отыскание) соответствующей нормы; 3) удостоверение в правильности (подлинности) текста юридического источника, содержащего нужную норму, и установление ее силы; 4) уяснение смысла и содержания нормы; 5) ее толкование; 6) принятие решения и издание акта, закрепляющего это решение. Квалификация, в собственном смысле слова, является завершающей стадией применения уголовно-правовой нормы, когда для юридической оценки совершенного преступления созданы соответствующие предпосылки.

Формулировка обвинения по содержанию в любом уголовном деле состоит из двух взаимосвязанных частей — фактических данных, относящихся к преступлению, и квалификации. Если уголовно-правовым основанием привлечения лица к уголовной ответственности является наличие в его действиях состава преступления, то процессуальным основанием — наличие достаточных доказательств, свидетельствующих об этом.

Уголовно-процессуальный закон не определяет, какая совокупность доказательств может быть признана достаточной для предъявления обвинения, ибо это зависит от особенностей расследуемого преступления. Но взаимосвязь указанных вопросов представляется несомненной.

Состав преступления — уголовно-правовое понятие (юридическая абстракция), которым принято обозначать совокупность признаков общественно опасного деяния, определяющих его согласно уголовному закону как преступное и

¹ Входят ли виновность и наказуемость в понятие преступления — вопрос спорный. Виновность — элемент противоправности совершенного деяния, закон признает преступными только виновные деяния. Без вины нет и не может быть самой ответственности. Наказуемость — следствие совершения преступления, а не его признак, свойство. К тому же уголовный закон предусматривает за содеянное и иные меры воздействия (например, воспитательные меры в отношении несовершеннолетних, вообще не являющиеся наказанием).

уголовно наказуемое¹. Состав преступления представляет собой упорядоченную структуру, систему признаков, характеризующих известные четыре элемента (объект, субъект, объективную и субъективную стороны), которые необходимы и достаточны для вывода, что лицо совершило соответствующее преступление, и для отграничения последнего от других преступлений.

В юридической литературе давно отмечалось, что для правильной квалификации “решающее значение имеет не только установление фактических обстоятельств, но и выделение именно тех фактов, которым присущи объективно определенные, предусмотренные законом правовые признаки, конкретизация таких признаков”². Несколько иначе конкретизацию рассматривает Я.М. Брайнин. По его мнению, конкретизация представляет собой уточнение отдельных признаков предусмотренного законом состава преступления или отдельных содержащихся в нем понятий. Такая конкретизация предполагает применение различных приемов толкования уголовно-правовых норм, а это в свою очередь связано с использованием законов и категорий формальной логики³. Однако сам логико-правовой аспект этой темы в комплексе им не рассматривается.

Признаки, характеризующие какой-либо состав преступления, в равной мере входят и в понятие об этом преступлении. Если элементы состава преступления — необходимая составная часть его единой структуры и обладают рядом признаков, то сами признаки состава характеризуют и таким образом индивидуализируют элементы состава. Понятия “элемент состава” и “признак состава” нередко отождествляются из-за недооценки их логического соотношения.

Под содержанием понятия в формальной логике подразумевается вся совокупность основных существенных признаков⁴. В этом смысле признаки конкретных преступлений в уголовном праве приобретают форму понятий, становятся ими. Причем уголовно-правовое понятие, принятое для обозначения тех или иных видов преступлений, при квалификации расчленяется на составные части — признаки, представляющие собой более дробные понятия, а затем членение продолжается до уровня неделимых

¹ Уголовное право Украинской ССР на современном этапе. Часть Общая. — Киев, 1985. — С. 56.

² Шляпочников А.С. Толкование уголовного закона. — М., 1960. — С. 45.

³ Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. — С. 215, 222, 224.

⁴ Войшвилло Е.К. Понятие. — М., 1967. — С. 102.

признаков. Именно на этом уровне и появляется возможность сопоставить признаки преступления с признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой, выводится умозаключение об их совпадении или, напротив, — различии.

Правильность и обоснованность любого следственного, судебного решения (вывода) о квалификации содеянного зависит прежде всего от соблюдения незыблемого требования конкретизации фактических признаков совершенного преступления и самой уголовно-правовой нормы (закона), в которой находит свое выражение соответствующий состав преступления.

Ошибки при квалификации так или иначе связаны с этим — идет ли речь о неправильном избрании уголовно-правовой нормы, ее неверном понимании (раскрытии содержания) либо о неполноте данных о самом событии преступления, не позволяющей соотнести фактические признаки деяния с соответствующим составом преступления.

‡ Преступление и состав преступления соотносятся между собой как определяемый предмет и его юридическое определение. Материальная сущность преступления (его фактическое содержание) и юридическая форма выражения (состав) неотделимы друг от друга.

§ В.Н. Кудрявцев считает, что состав и понятие преступления различаются по их внутренней структуре, по степени упорядоченности одних и тех же признаков. Он говорит о том, что состав — система признаков, необходимая и достаточная для признания, что лицо совершило соответствующее преступление, называя состав информационной моделью преступления определенного вида, закрепленной в уголовном законе¹. Для квалификации весьма важен именно данный аспект рассмотрения действительного содержания противоправности содеянного — в чем конкретно она выразилась применительно к отдельному (единичному) факту и какими конкретно объективными признаками характеризуется и отличается от других преступлений.

‡ Состав преступления выступает в роли промежуточного звена подведения единичного деяния под общее (закон), раскрывая содержание уголовно-правовой нормы и обеспечивая ее правильное применение.

‡ Когда утверждается, что в содеянном имеется состав преступления, это означает, что фактические обстоятельства происшедшего (внешняя сторона деяния) свидетель-

¹ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. — С. 72.

ствуют о том, что оно совершено конкретным лицом, обладающим всеми признаками субъекта применительно к данному факту, действовавшим виновно (умышленно или по неосторожности) и мотивированно¹. Состав преступления представляет собой единство, взаимосвязь и взаимозависимость его элементов. Ошибки в определении какого-либо отдельного элемента влияют на правовую оценку состава преступления в целом и могут привести к признанию наличия состава преступления там, где его нет.

В работах криминалистов постоянно подчеркивается различие между составом преступления и конкретным преступлением. Как бы полно и разносторонне не был сконструирован сам состав преступления, выраженный в законе, он не может включать в себя все без исключения признаки, характеризующие само преступление. Это невыполнимо, так как они неисчислимы.

Известно, что любое определение не может отразить все содержание определяемого предмета. Имеются различия и между отдельными частями (признаками) предмета юридической оценки — преступления и его юридическим определением — составом. Объем и границы преступного деяния характеризуются не только юридически значимыми признаками, находящими свое отражение в составе, но указанное понятие (в качестве операционального) вполне достаточно для квалификации и разграничения преступлений, для решения вопроса об уголовной ответственности в целом.

В принципе содержание понятий, в том числе рассматриваемых, может быть раскрыто только двумя способами: путем определения через ближайший род и видовое отличие в единой системе или через перечисление элементов, его составляющих (образующих). При квалификации применяется и то и другое. Само понятие не может охватить всех сторон, качеств определяемого явления, отражая лишь наиболее существенные признаки, позволяющие раскрыть его сущность и отграничить от других явлений, относящихся к той же категории (роду, виду), либо осуществить межродовые (межвидовые) разграниче-

¹ Специфика мотивации любого преступления в общем виде включает осознание виновным общественной опасности деяния и избрание, несмотря на это, для удовлетворения своих потребностей именно данного, а не иного поведения (более подробно по данному вопросу см.: *Тарарухин С.А.* Установление мотива и квалификация преступления. — С. 30—35; *Тарарухин С.А.* Преступное поведение, социальные и психологические черты. — М., 1974. — С. 57).

ния, если речь идет о более высоких уровнях обобщений. При этом должно соблюдаться одно незыблемое правило — иерархии (соподчинения) понятий.

♦ Для раскрытия содержания конкретного состава преступления и его признаков необходимо прежде всего определить относительно его конструктивных особенностей — является ли он материальным или формальным (усеченным)¹, общим или специальным, простым или сложным и какие признаки должны быть ему присущи в идеальном смысле, в чем конкретно они могут и должны выражаться, а затем уже — как фактически проявились и т.п.

• Выведение признака состава нередко требует обращения не только к самому уголовному закону, но и к его официальному толкованию, разъяснениям Пленума Верховного Суда Украины по отдельным категориям уголовных дел, где зачастую осуществляется конкретизация таких признаков, к подзаконным актам, например, различного рода правилам — определения степени тяжести телесных повреждений, техники безопасности, дорожного движения и т.п.

Определяемый состав преступления, предусмотренный конкретной уголовно-правовой нормой, сопоставляется (сравнивается) с другими составами, что и позволяет выявить различия между ними и те конкретные признаки, которые присущи только искомому составу (выводному).

✓ Общеизвестным является подразделение признаков состава на обязательные и факультативные, основные и дополнительные². К обязательным признакам состава пре-

¹ В уголовном праве существуют различные, порой противоположные суждения по поводу упомянутых градаций составов преступлений. Но применительно к квалификации всегда имеется в виду, что момент окончания некоторых из них сдвигается на сами действия (оскорбление, клевета, разбой и т.п.), в чем проявляется их формальность, либо на предшествующую стадию, что свидетельствует об усеченности состава (например, посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника, а также военнослужащего в связи с их деятельностью по охране общественного порядка — ст. 190¹ УК — охватывает как убийство, так и покушение на него).

² Обязательные признаки иногда называют “необходимыми”, “общими”, “основными”, а факультативные — “дополнительными”, “специальными”. Вряд ли есть необходимость входить в дискуссию по поводу употребления отдельных слов, но дело в том, что под факультативностью иногда понимается необязательность установления указанных признаков, что приводит к ошибочным выводам. Нуждается в поправке практика, когда к таким признакам относятся в качестве возможных те свойства и качества фактически совершенных преступлений, которые ими не являются, например, должностное положение лица, совершившего кражу (см. Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений.—С. 96).

ступления относятся признаки, характеризующие действие или бездействие в виде причинения вредного результата, причинную связь между ними, вину в форме умысла или неосторожности, а также общие признаки субъекта (вменяемость, достижение определенного возраста). Все остальные признаки состава: время, место, способ, обстоятельства совершения преступления, мотив, цель и т.п., — относятся к факультативным. Это вовсе не означает какой-то их второстепенности или необязательности установления. Применительно к конкретному составу преступления все признаки необходимы. Особенностью факультативных признаков является то, что они включаются в состав в виде возможных признаков. В некоторых случаях они утрачивают самостоятельное значение для квалификации и именно в этом проявляется их факультативность.

В качестве основных признаков состава выступают те, которые присущи всем преступлениям определенной категории (вида), дополнительными — конкретизирующие их и отражающие особенности, специфику содеянного.

Основные и дополнительные признаки могут характеризовать как конкретный состав преступления, так и целую группу преступлений определенного вида или рода. Признаки, относящиеся к целой группе преступлений, позволяют определить, к какому роду (виду) относится содеянное, и отграничить данную группу преступлений от других групп. В качестве основных признаков здесь выступают те, которые свойственны данной группе преступлений всегда (например, характеризующие родовой объект в преступлениях против собственности, наличие специального субъекта и причинение существенного вреда при совершении должностных преступлений и т.п.). Дополнительные признаки могут относиться к любому элементу состава преступления, подчеркивая специфику совершаемых преступлений определенного рода или вида либо конкретных преступлений.

С помощью дополнительных признаков состава нередко раскрывается содержание основных признаков. Они используются также для обоснования и мотивировки квалификации.

Признаки состава подразделяются также на позитивные и негативные. Первые выражены положительными понятиями. Они указывают на наличие определенных качеств, свойств преступления, которые обязательно должны присутствовать в нем.

Вторые — отрицательными понятиями, указывающими

на отсутствие каких-то качеств, свойств (например, в ст. 226 УК говорится о занятии незаконным врачеванием лицом, не имеющим надлежащего медицинского образования, в ст. 228 УК — о загрязнении водоемов неочищенными и необезвреженными сточными водами).

Не менее важным для квалификации является подразделение признаков состава на постоянные и переменные. К постоянным признакам относятся те, содержание которых не изменяется на протяжении действия закона. Переменными называются признаки бланкетных норм (отсылающих к различного рода правилам и т.п., которые могут изменяться на протяжении действия закона), а также такие, содержание которых не является стабильным (например, различного рода оценочные категории, обозначающие размер причиненного вреда, ущерб и т.п.).

Ошибочные выводы о квалификации наиболее часто связаны с применением бланкетных норм, содержащих переменные признаки, что характерно, в частности, для квалификации автотранспортных преступлений, различных нарушений правил охраны труда и техники безопасности и т.п., когда нередко не выясняется, какие конкретно правила нарушены обвиняемым, какие изменения вносились в них, недостаточно исследуются причинные зависимости между допущенными нарушениями и наступившими общественно опасными последствиями, имеет место неправильное толкование правил и т.п.

Необходимо особо подчеркнуть, что выделение признаков состава в указанных значениях носит скорее всего ориентировочный характер. При квалификации преступления они нуждаются в наполнении конкретным содержанием применительно к данному случаю на логико-правовой основе. По мнению В.Н. Кудрявцева, признаком состава следует считать такое качество (свойство, черту, особенность) преступления, которое удовлетворяет следующим требованиям: вместе с другими признаками определяет общественную опасность, виновность и наказуемость деяния; выражает его отличие от других преступлений и правонарушений; прямо указано в законе или однозначно вытекает из него при толковании; не является производным от других признаков; присуще всем преступлениям данного вида¹. К этому следует добавить, что сами признаки преступлений отражаются в законе то весьма обобщенно, то более конкретно. Различные уровни их

¹ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. — С. 112.

детализации в законе соответственно изменяют и возможности разграничения преступлений. Обобщенные признаки приводят к многовариантности правовой оценки, поскольку ими могут быть обозначены различные составы преступлений или они могут охватывать более широкий круг деяний, именуемых преступлениями. Конкретизированные признаки, напротив, это исключают, но создают дополнительные затруднения при их отыскании в содеянном, не отличающемся строгой определенностью или четкостью объективного (внешнего) выражения.

При квалификации и особенно при разграничении преступлений возникает необходимость в раскрытии содержания самого признака состава, что фактически возможно либо через отличительные черты, либо через расчленение на составные части (элементы) и их перечисление с последующим сравнением и интеграцией в единое целое.

Вот здесь-то и проявляется необходимость обращения к логической характеристике признаков самого предмета исследования — преступления, совершенного конкретным лицом. Под признаком в логике понимается все то, в чем предметы сходны между собой или в чем различаются. Это — показатель, сторона предмета или явления, по которой последние можно узнать, определить или описать. Признаки отражают качество, свойство предметов или явлений, дают возможность в каждом конкретном случае установить их принадлежность к определенному классу, группе, отождествить их с данной совокупностью или отграничить от чего-либо¹. Некоторые исследователи обоснованно подчеркивают, что “структура” состава преступления на уровне элементов — это правовая структура состава. Она выражает специфически юридическую природу содержания уголовно-правовых понятий. Структуру состава на уровне признаков можно рассматривать как логическую структуру². Причем предлагается различать два вида признаков: фактические (или эмпирические) и выводные (имплицитные). К первым относятся те, наличие или отсутствие которых устанавливается непосредственно материалами дела. Вторые выводятся из фактических признаков, содержатся в их совокупности. В составе преступления ими являются признаки родового понятия “преступление” — “общественная опасность” и “противо-

¹ Кондаков Н.И. Введение в логику. — М., 1967. — С. 291.

² Жеребкин В.И. Логический анализ понятий права. — Киев, 1976. — С. 93—112.

правность". Они не могут быть установлены и доказаны непосредственно как самостоятельные, рядоположенные с признаками видового отличия. Процесс выявления и доказательства фактических признаков состава преступления означает и наличие (доказанность) последних¹. Однако указанное — только одна сторона рассматриваемой проблемы. Не менее важное значение имеет анализ указанных признаков: от видовых — к конкретному составу преступления и от низшего уровня конкретизации фактических признаков — к самому составу.

Строго говоря, юридический состав преступления является выводным как в целом, так и в частях и признаках, их обозначающих. Он отражает лишь юридическую сущность преступления, совершенного в действительности (его форму). Наличие элементов (объекта, объективной стороны, субъекта, субъективной стороны) характеризует специфику юридической природы содержания состава преступления. Выделение элементов состава (так же, как расчленение на объективное и субъективное — личностное, фактически содеянного конкретным лицом) осуществляется для более глубокого анализа самого явления — преступления. Элементы состава как таковые не выполняют отграничительных функций, в таком качестве выступают признаки, относящиеся к ним, свидетельствующие о них, хотя и принято говорить о разграничении преступлений по объекту, объективной стороне и т.п. Здесь проявляется специфика юридических понятий и категорий, которым присущи некоторые внелогические черты, учет которых дает возможность лучше понять природу этих понятий, в том числе состава преступления². Применительно к теме важное значение имеет подразделение признаков на существенные и несущественные, основные (родовые и видовые) и производные (так называемые выводные), собственные и несобственные. Основные существенные признаки составляют суть исследуемого явления. Они принадлежат только данным предметам или явлениям, но не относятся к выводным признакам. Несобственными признаками являются те, которые свойственны всем вещам (явлениям) данного класса, а не только рассматриваемым. Они не могут быть выведены из существенных

¹ Там же. — С. 111, 112.

² Жеребкин В.И. Цит. работа. — С. 149.

признаков путем раскрытия их содержания, хотя и могут быть присущи всем вещам данного класса¹. Иначе говоря, основные существенные признаки характеризуют элементы конкретного состава преступления в целом. Производные (выводные) признаки, собственные и несобственные, раскрывают содержание основных признаков состава — объективных и субъективных. Вот почему особо важное значение имеет максимальная конкретизация устанавливаемых фактических обстоятельств преступления с их последующим соотношением с соответствующими признаками состава и определением действительного значения последних. †

† По степени упорядоченности признаков, структуре и специфике их выражения (описания) в законе составы преступлений подразделяются на определенные группы. Прежде всего принято различать простые и сложные составы преступлений. Под простыми понимаются те, которые состоят из одного действия, посягающего на один объект. К сложным составам преступлений относятся: составные, с двумя действиями, с двумя формами вины, с двумя объектами, длящиеся и продолжаемые преступления².

† Составные сложные преступления охватываются одной нормой, различаясь между собой по характеру совершаемых действий. Например, ст. 84 УК предусматривает ответственность за присвоение, растрату и хищение путем злоупотребления служебным положением.

† Иногда в законе указываются более общие признаки сложного состава преступления. Например, бандитизм (ст. 69 УК) определяется как организация вооруженных банд, участие в них и в совершаемых ими нападениях. Любое из названных действий образует состав оконченного преступления. Таким образом, составными являются преступления, включающие в себя два и более преступных деяния, в других случаях представляющие самостоя-

¹ Войшвилло Е.К. Понятие. — С. 159, 160.

² По степени общественной опасности также выделяются составы: основной (или простой) — без отягчающих и смягчающих обстоятельств (например, состав умышленного убийства — ст. 94 УК); квалифицированный, включающий различные отягчающие обстоятельства (например, убийство из корысти, хулиганских побуждений и т.п. — ст. 93 УК); так называемые “привилегированные”, включающие смягчающие обстоятельства (например, убийство в состоянии сильного душевного волнения — ст. 97 УК и др.). Эти же понятия нередко употребляются для обозначения составов преступлений, предусмотренных частями одной и той же нормы.

тельные преступления, но в данных составах рассматриваемые как единое целое. Причем в одних случаях указанные преступления посягают на один и тот же объект, в других — на разные объекты. Например, квалифицированный состав превышения власти или служебных полномочий (ч. 2 ст. 166 УК) условно можно разделить на два деяния — собственно превышение власти или служебных полномочий и причиненное при этом насилие. Однако при этом сразу возникает вопрос: перерастает ли причиненное насилие в самостоятельный состав преступления и когда именно это имеет место. В данном случае о таком перерастании, очевидно, можно говорить лишь тогда, когда законодатель не предусматривает повышенной общественной опасности тех или иных форм фактически примененного насилия, караемых более жестко. В рассматриваемом случае ими могут быть: убийство при отягчающих обстоятельствах — ст. 93, простое убийство — ст. 94, умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть, — ч. 3 ст. 101, — т.е. когда объект одного посягательства (основного) является частью его состава, а дополнительное деяние, взятое само по себе, направлено на иной, не менее важный объект.

↓ Квалифицированный вид превышения власти или служебных полномочий понятием насилия как отягчающего обстоятельства охватывает незаконное лишение свободы, легкие телесные повреждения без отягчающих обстоятельств, средней тяжести телесные повреждения, а также неосторожное убийство.

Сконструировав ответственность за совершение составного преступления (как в данном случае, так и в других), законодатель сам учел повышенную степень общественной опасности основного и дополнительного деяния в их сочетании (единстве). Причем степень общественной опасности самого составного преступления всегда выше, чем охватываемых им дополнительных деяний, что видно по санкциям.

∖ Сложное преступление с двумя действиями (например, спекуляция) характеризуется тем, что каждое из них, взятое отдельно, представляет собой лишь часть единого целого, направленного на общий результат.

∖ Двубъектные сложные составы преступлений (например, разбой) отличаются тем, что одним действием осуществляется посягательство на разные общественные отношения, охраняемые законом. Одни из них являются определяющими (при разбое в качестве такого объекта

выступает собственность), другие (в данном случае — здоровье) играют подчиненную роль.

Сложные составы преступлений с двумя формами вины (сложной формой вины) “не укладываются в рамки” ни умысла, ни неосторожности, представляя собой промежуточное звено между ними. Например, тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть потерпевшего (ч. 3 ст. 101 УК), характеризуется умыслом по отношению к действиям и неосторожностью — к последствиям в виде смерти потерпевшего¹. √

Продолжаемые преступления представляют собой ряд однородных или тождественных действий, объединенных единством умысла (направленных на единый результат). Это характерно для некоторых многоэпизодных хищений, совершаемых из одного источника, одним и тем же способом (например, вынос отдельных деталей для последующей сборки одного изделия; изъятие денежных сумм из кассы в несколько приемов с прикрытием одним документом на их списание в целом и т.п.). В принципе продолжить можно только то, что не завершено, и, напротив, любое оконченное преступление не может быть продолжено. Оно лишь может быть повторено заново. В этом смысле отдельные эпизоды продолжаемого преступления можно рассматривать как этапы начатого, но еще не оконченного преступления. Достижение заранее определенной цели — размера хищения, стоимости, объема похищенного — за счет совершения последовательных однородных действий дает возможность говорить об одном хищении, а не о повторности. Об этом могут свидетельствовать различные действия виновного на разных этапах совершения преступления: при его подготовке, совершении и его сокрытии, когда преступление фактически окончено (завершено). “Неоднократное изъятие имущества (или завладение им) у одного и того же потерпевшего, если оно состояло из ряда тождественных действий, охватывалось с самого начала единым умыслом на завладение конкретным имуществом и совершено одним способом, надлежит рассматривать как одно продолжаемое преступление”².

¹ Указанный вопрос как заслуживающий особого внимания при квалификации рассмотрен более подробно в § 3 гл. III данной работы.

² См. п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 12 от 25 декабря 1992 г. “О судебной практике по делам о корыстных преступлениях против частной собственности” // Бюлетень ... — С. 103.

Длящееся преступление (незаконное хранение оружия, побег и т.п.) характеризуется непрерывным осуществлением посягательства, которое начинается одним действием и продолжается до ликвидации данного состояния.

Изложенные общие вопросы юридической специфики составов преступлений являются отправными при раскрытии рассматриваемой проблемы.

✓ Квалификацию преступления можно представить как мыслительную деятельность (логический процесс) по соотношению деяния с уголовно-правовой нормой, выделив три ее этапа: 1) установление фактических обстоятельств дела с последующим анализом объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние и субъект преступления; 2) установление уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за данное деяние, и ее конкретизация (детализация) применительно к данному случаю путем раскрытия содержания понятий, терминов и т.п.; 3) определение тождества признаков общественно опасного деяния признакам определенного состава преступления, предусмотренного соответствующей уголовно-правовой нормой. Однако для того, чтобы это осуществить, необходимо с надлежащей полнотой установить фактические обстоятельства совершенного преступления, что позволит конкретизировать признаки содеянного и получить возможность такого сопоставления на логико-правовом основании.

§ 2. Установление фактических обстоятельств содеянного — общая предпосылка квалификации

Правильность квалификации обеспечивается полнотой исследования фактической стороны совершенного и определением правовой значимости установленных обстоятельств (содержат ли они признаки преступления и какого именно). Причем юридическая оценка установленных фактов не только не отделима от признания их соотносимости с исследуемым событием преступления, но и должна совпадать с фактической оценкой самих обстоятельств, их достоверностью и доказанностью.

Особенностью формирования мысленной модели преступления является прежде всего то, что она носит правовой характер, так как в данном случае определяется, насколько ставшие известными факты и обстоятельства соотносятся с определенным составом преступления, его элементами и признаками (есть ли субъект преступления,

имело ли место посягательство на соответствующий объект, в чем выражаются объективная и субъективная стороны преступления и т.п.).

Строго говоря, употребление в данном случае понятий “соответствие”, “тождество”¹ или другого, близкого по значению весьма относительно, поскольку речь идет о сопоставлении материального, проявившегося вовне человеческого поступка, представляющего общественную опасность, и юридической формы его выражения (абстракции) — состава преступления. К тому же речь идет, во-первых, только о юридически значимых признаках, указанных в законе или вытекающих из него при толковании, во-вторых, само сопоставление становится возможным лишь при соответствующей конкретизации фактических обстоятельств до требуемого уровня. Особое значение приобретает характеристика выводных признаков: в чем они выражаются, к чему относятся, что определяют, подтверждают и т.п. Функциональная связь может прослеживаться даже между разными признаками самого деяния (собственно состава). Например, в таком соотношении находятся мотив и цель преступления (определенному мотиву соответствует своя цель); цель и содержание умысла (конкретизация цели позволяет установить его направленность); способ совершения преступления и форма посягательства, определяющие друг друга, и т.п. В то же время, если отказаться от такого соотношения, то исчезает сама возможность правовой оценки содеянного, поскольку действующее законодательство исключает непосредственное сравнение деяния с законом без промежуточного звена — состава преступления из-за специфики конструирования уголовно-правовых норм.

Состав преступления шире диспозиции уголовно-правовой нормы, содержащей только типичные, строго определенные, чаще всего объективные признаки преступления, но в то же время он уже всей совокупности фактических признаков самого деяния, включающей как юридически значимые признаки, так и не имеющие самостоятельного значения, но могущие быть использованными для подтверждения наличия (доказывания) первых либо обоснования принимаемого решения.

Важной стадией правоприменительного процесса, его юридической основой является правильный выбор уголовно-правовой нормы, характеризующей содеянное. Однако

¹ Наумов А.В., Новиченко А.С. Законы логики при квалификации преступлений. — С. 11, 12.

по существу речь идет о сопоставлении признаков фактически совершенного с юридическим составом преступления, адекватно отражающем данный процесс и его результат в виде избрания соответствующей нормы.

Различные преступления одновременно имеют и какие-то общие черты, сходство. Поэтому при квалификации преступления важно проследить зависимость между каждым фактическим признаком и определяемым им (соотносимым с ним) существенным признаком состава, имея при этом в виду, что отдельный элемент и даже признак состава могут определяться не одним, а несколькими фактическими признаками одновременно либо относиться и к объективной и к субъективной стороне (использоваться для их характеристики или непосредственно раскрывать их содержание), что лишний раз подчеркивает условность выделения известных четырех элементов состава, да и в целом его самого.

Короче, все фактические обстоятельства, устанавливаемые по делу, должны рассматриваться во взаимосвязи. Однако для правильной квалификации в каждом конкретном случае необходимо четко представлять их действительную роль и значение. Если не соблюдать это требование, может получиться, что основной предмет доказывания — состав преступления не будет установлен вообще либо собранные данные окажутся недостаточными для соответствующего вывода.

В процессуальном отношении, любое уголовное дело содержит три группы фактических обстоятельств (данных о них): 1) обстоятельства, подлежащие оценке с точки зрения норм уголовного или гражданского права (юридически значимые факты, составляющие предмет доказывания, его основное содержание); 2) обстоятельства, способствующие совершению преступления и подлежащие устранению; 3) обстоятельства, не имеющие самостоятельного значения, но необходимые для установления первых двух (это — так называемые доказательственные факты или, иначе говоря, доказательства).

В.Н. Кудрявцев считает, что “доказательственные факты по делу, не являющиеся признаками состава преступления, имеют вместе с тем важное вспомогательное значение для квалификации, ибо благодаря им устанавливаются те факты, которые относятся к составу преступления”¹. С этим

¹ Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. — С. 135.

нельзя не согласиться, но различие между указанными группами фактических обстоятельств весьма относительно, поскольку один и тот же факт в одной ситуации может явиться предметом, подлежащим доказыванию, в другой — оказаться доказательством. В такой роли часто выступают даже отдельные элементы и признаки самого состава преступления. С их помощью нередко можно установить другие элементы и признаки либо доказать их. Более того, состав преступления в целом — главный факт, подлежащий доказыванию, может служить доказательством совершения иного преступления. В таком качестве, например, выступает иногда служебный подлог (ст. 172 УК), используемый при совершении хищений государственного или коллективного имущества путем злоупотребления служебным положением (ст. 84 УК)¹.

В соответствии со ст. 64 УПК Украины к обстоятельствам, подлежащим доказыванию по уголовному делу, относятся: событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); виновность обвиняемого в совершении преступления и мотивы преступления; обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого, а также иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; размер ущерба, причиненного преступлением.

Вполне очевидно, что для квалификации важны далеко не все фактические обстоятельства, устанавливаемые по делу, а только те, которые так или иначе соотносимы с элементами и признаками состава преступления, т.е. факты, имеющие юридическое значение именно в этом, более узком смысле.

Единство объективных и субъективных свойств деяния является основанием для их познания. Однако то, что конкретно и с помощью чего устанавливается, подтверждается и т.п., при квалификации приобретает свой собственный смысл и значимость.

Собранный по делу комплекс фактических данных должен позволить мысленно воссоздать событие преступления в полном объеме и определить его юридическую природу — состав преступления, а также отграничить от других составов, в том числе относящихся к тому же виду. В качестве основания достоверного суждения о квалификации служат такие фактические обстоятельства

¹ Вопросы квалификации хищений рассматриваются в § 1 гл. IV данной работы, поэтому здесь они опускаются.

(данные о событии преступления), которые позволяют с достаточной полнотой и обоснованностью соотнести установленное с соответствующей уголовно-правовой нормой.

Процесс доказывания по делу, по сути, является средством установления состава конкретного преступления. Если не доказан состав преступления, то само уголовное дело перестает существовать. В этой связи решающее значение имеет не только установление фактических обстоятельств события преступления, но и вычленение среди них именно тех, которым присущи строго определенные, предусмотренные законом правовые признаки, относящиеся к составу именно данного, а не иного преступления.

Квалификация, безусловно, не может быть сведена только к собиранию, исследованию и оценке собранных по делу доказательств, но взаимосвязь рассматриваемых вопросов очевидна. Однако есть еще один аспект квалификации и ее предпосылок — логический, точнее логико-правовой, позволяющий соединить ее фактическую и юридическую основу в единое целое. В.Н. Кудрявцев справедливо отметил: “Логичность рассуждений, строгое соблюдение законов правильного мышления при расследовании и разрешении дела — элементарное и необходимое требование для каждого юриста”¹.

Квалификация преступления — сложный познавательный процесс, сущность которого состоит в отражении в сознании лица, применяющего закон, объективно существовавшего в прошлом события преступления. При этом осуществляется переход от одного знания (исходного) к другому — выводному. В качестве исходного выступает знание, полученное в результате анализа фактических обстоятельств совершения преступления и содержания уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за него. Выводным знанием является сама квалификация в виде установления в содеянном составе преступления, суждение об этом.

Любой познавательный процесс (не составляет из этого исключения и квалификация преступления) реализуется в таких естественно сложившихся формах мышления, как понятие, суждение, умозаключение и применяемых в логике приемов выдвижения версий и формирования доказательств.

Под логико-методологическим основанием квалифика-

¹ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. — С. 61.

ции в данном случае понимается совокупность общетеоретических (философских и логических) положений о сущности квалификации как специфического познания юридического содержания социально-правового явления — преступления и его правовой оценки на основе соотношения общего, особенного и единичного.

Конечно, законы формальной логики нельзя абсолютизировать. Сами по себе они не гарантируют истинности выводного знания о событии преступления. В этом проявляется ее ограниченность (известно, что изучая формы мысли, их построение, структуру и т.п., логика абстрагируется от содержания исследуемых явлений), но это нисколько не умаляет ее значения.

Логическая сторона квалификации заключается прежде всего в выявлении общих понятий как ее оснований. В данном качестве выступают такие юридические категории, как преступление, состав преступления, его элементы и признаки, стадии, соучастие и т.п. Под категориями логическая наука подразумевает “предельно широкие понятия, в которых отражены наиболее общие и существенные свойства, признаки, связи и отношения предметов, явлений объективного мира”¹.

Каждая наука имеет свою систему понятий, терминов, категорий, обозначающих изучаемые явления, процессы и др. Познание сущности составляет их главную задачу. Это полностью относится и к преступлению — предмету уголовного права. Применительно к квалификации нас интересует логико-правовое содержание данного явления, обозначаемого термином “состав преступления”, который имеет свою собственную логическую структуру — объективную и субъективную стороны, характеризующиеся соответствующими признаками.

Юридическая оценка содеянного основывается на логическом построении умозаключения в форме категорического силлогизма, где в качестве большей посылки выступает уголовно-правовая норма, меньшей — суждение о фактических обстоятельствах конкретного проявления тех или иных действий индивида. Последние выступают в качестве реальных оснований для логических выводов о характере совершенного преступления и его квалификации.

Квалификация непосредственно связана с выдвижением следственных и судебных версий. По существу — это два

¹ Кондаков Н.И. Введение в логику. — М., 1967. — С. 143.

взаимосвязанных процесса, обуславливающих друг друга. Доказывание по делу представляет собой процесс установления одних фактов (неизвестных), выступающих в качестве тезиса, с помощью других, ставших известными (аргументов). Чем больше исходных данных, тем, как правило, меньше версий о совершенном преступлении и тем более они обоснованны. Отсутствие необходимых фактических данных влечет множество версий о характере совершенного преступления, а следовательно — и о его квалификации.

Применительно к квалификации версию можно определить как результат сложного мыслительного процесса по сопоставлению ставших известными фактических обстоятельств содеянного с элементами и признаками состава преступления и выдвижению на этой основе предположений о юридической оценке содеянного, подлежащей дальнейшей проверке.

При выдвижении версии мы следуем от фактов к предположительному объяснению того или иного обстоятельства. При проверке версии мысль развивается как бы в обратном направлении — от выдвинутого предположения к фактам, подтверждающим или опровергающим это объяснение. По существу, версия — только предположение, выдвигаемое в целях его подтверждения или, напротив, опровержения в ходе дальнейшей проверки. Причем если то или иное обстоятельство допускает только одно объяснение, то постановка вопроса о построении версии отпадает, поскольку, очевидно, найдено правильное решение. Однако такой вывод нуждается в обязательной проверке во избежание ошибки.

Версии различаются по объему. Одни из них относятся к составу преступления в целом, другие — к его элементам и признакам. В первом случае выдвигается общая версия, во втором — частная. Но можно рассуждать несколько иначе. Если по делу выдвигается версия по отдельным элементам состава и по отдельным признакам, относящимся к ним, то первые можно отнести к общим версиям, а вторые — к частным.

Отбор из множества обстоятельств (фактических данных) совершенного преступления тех, которые необходимы для вывода о его юридической природе, не может осуществляться произвольно. Он должен быть подчинен строго определенным логическим закономерностям — с одной стороны, а с другой — основываться на общих понятиях отдельных видов преступлений по схеме: род —

вид — конкретный состав. Если в каком-то явлении (предмете) отсутствуют родовые признаки, то бессмысленно выяснять принадлежность этого явления, предмета и к какому-то виду данного рода, тем более отыскивать какие-то индивидуальные признаки (в данном случае конкретного состава преступления). Эта известная истина нередко игнорируется при квалификации, затрачиваются усилия на установление набора элементов и признаков “предполагаемого конкретного состава преступления”, когда видовые или родовые признаки отсутствуют.

Построение версии складывается из двух этапов: 1) анализ отдельных фактов и обстоятельств совершенного преступления, причинных зависимостей между ними с целью обнаружения типичных признаков определенного вида преступлений; 2) синтез фактов и обстоятельств в единую систему, их обобщение и построение на этой основе мысленной модели состава предусмотренного законом преступления. Познавательный переход от установленных к неустановленным фактам происходит на основании предположений, что они должны быть в действительности, если большая часть видовых признаков преступления имеется налицо. Поскольку отсутствие видовых признаков свидетельствует и об отсутствии конкретного состава преступления, относящегося к данному виду, то дальнейшая конкретизация признаков становится излишней. Правовая оценка на этом этапе, конечно, носит вероятностный характер, так как именно недостающие факты (признаки) и могут оказаться решающими для правильного вывода. К тому же установление даже всех видовых признаков еще не означает точного определения конкретного состава. Неопределенность квалификации сохраняется до тех пор, пока фактические обстоятельства не будут характеризовать конкретный состав преступления в полном объеме.

В связи с выдвижением версий о совершенном преступлении речь идет о возможных (вероятностных) признаках, фактических данных, относящихся к нему. И лишь по мере установления их действительного существования, увеличения их числа (объема, охвата) вероятностные суждения становятся все более определенными, достаточными для вывода о юридической природе содеянного.

Однако независимо от объема информации о произошедшем событии выдвижение частных версий о субъективных и объективных признаках преступления все же является основой для выдвижения общих версий о квалификации. Причем степень обоснованности версии зависит не от

источника сведений, используемых для ее построения, а от того, насколько выдвинутое предположение реально связано с установленными по делу фактическими обстоятельствами. Чем надежнее основание для выдвижения версии, тем она реальнее.

Вероятностное суждение лишено целостного восприятия явления. Оно нуждается в установлении дополнительных сведений о фактах, обстоятельствах, в раскрытии их взаимосвязи. Только тогда создается возможность перейти к достоверному, истинному знанию. Поэтому процесс квалификации можно представить как постепенный переход от вероятности к достоверности. Объективным основанием достоверного суждения о квалификации служит установление таких фактических данных о событии преступления, которые позволяют с достаточной полнотой и обоснованностью соотнести его с соответствующим составом преступления. Однако было бы ошибочным познание события преступления и установление истины по делу сводить лишь к фактическим обстоятельствам, прослеживанию их логической связи с составом преступления. Правильное понимание и раскрытие необходимо и самой уголовно-правовой норме, предусматривающей ответственность за данное преступление. Поскольку закон абстрагирован от индивидуального, он каждый раз нуждается в конкретизации применительно к данному случаю. При этом не допустимо ни применение закона по аналогии, ни субъективное усмотрение того, чего нет в действительности в его содержании.

Определить заранее круг фактических обстоятельств, необходимых для квалификации содеянного, в уголовном деле невозможно. Нельзя заранее наметить и объем данных, которыми придется затем оперировать, доказывая или аргументируя вывод о правовой оценке совершенного преступления. Преступление — сложное социально-правовое явление, которое характеризуется каждый раз своими собственными, неповторимыми качествами, свойствами и т.п. В то же время любое преступление представляет собой видовую совокупность типичных, строго определенных признаков, которые позволяют не только указать наиболее существенные из них в законе, но и наметить пути их установления. Первичным ориентиром для этого служат прежде всего общие понятия отдельных видов преступлений, разработанные в теории. Именно они дают возможность наметить круг основных фактических обстоятельств, подлежащих установлению по конкретному делу

на первоначальном этапе квалификации, и отобрать из множества фактов и обстоятельств непосредственно относящиеся к событию преступления, определяющие его видовую характеристику, а при дальнейшей конкретизации — юридическую оценку содеянного. Именно на этой основе и должен решаться вопрос об относимости обнаруженных фактов к исследуемому событию. Причем, как только станет известным вид совершенного преступления (его основные признаки), все обстоятельства, устанавливаемые по делу, начинают восприниматься более определенно и их сопоставление с признаками соответствующего состава преступления упрощается.

В качестве видовых признаков, входящих в общее понятие преступления, могут выступать разнообразные свойства и качества преступления. Например, общее понятие должностного преступления (независимо от формы проявления) характеризуется тем, что должностное лицо нарушает возложенные на него обязанности по службе, причиняя существенный вред государственным, общественным интересам или правам и охраняемым интересам граждан из корыстной или иной личной заинтересованности. Вполне очевидно, что если в содеянном отсутствуют указанные признаки и даже любой из них, то нет необходимости в последующем установлении элементов и признаков конкретного состава преступления, входящего в данную видовую группу (злоупотребление служебным положением, должностной подлог и т.п.), так как состав отсутствует. Указанные признаки затем конкретизируются по содержанию.

Существенным вредом государственным либо общественным интересам или охраняемым законом правам и интересам отдельных граждан, причиненным при превышении власти или служебных полномочий, могут признаваться прямые материальные убытки, упущенная выгода, нарушения охраняемых законом политических, трудовых, жилищных, личных, имущественных прав и интересов граждан, подрыв престижа представителей государственной власти и управления, создание обстановки, затрудняющей учреждению, организации, предприятию осуществлять основные функции, нарушение общественного порядка и др. (п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 12 от 27 декабря 1985 г. “О судебной практике по делам о превышении власти или служебных полномочий” // Бюлетень ... — С. 132, 133).

В этом же постановлении подчеркивается, что для

превышения власти или служебных полномочий является характерным явным, т.е. очевидным, выход должностного лица за пределы предоставленных ему законом прав и полномочий: совершение действий, являющихся компетенцией вышестоящего должностного лица данного ведомства или должностного лица иного ведомства; совершение действий единолично, когда они могли быть осуществлены лишь коллегиально; совершение действий, которые разрешаются только в особых случаях, с особого разрешения и с особым порядком проведения, — при отсутствии этих условий; совершение действий, которые никто не имеет права выполнять или разрешать (п. 4).

Предлагаемый путь исследования позволяет сконцентрировать внимание на установлении именно тех фактов, обстоятельств, которые в первую очередь необходимы для квалификации, и своевременно пересмотреть ошибочно занятую позицию по данному вопросу. При этом имеется в виду, что каждый рассматриваемый вид преступлений входит в соответствующий род (например, преступления против различных форм собственности, личности и т.п. относятся к разным главам УК). Если нет родовых признаков, то нет и видовых, а следовательно — и характеризующих конкретный состав преступления. Напротив, если установлены (проявились) родовые и видовые признаки, то уместно предположить и наличие признаков конкретного состава преступления, входящего в данную совокупность. Это само по себе не предопределяет квалификации, так как составы преступлений, относящиеся к одному и тому же виду, всегда различаются между собой по другим признакам. Но определить более предметно с правовой оценкой внутри одного и того же вида преступлений все же намного легче. Конечно, и при таком подходе затруднения при квалификации не исключены. Например, преступления, которые условно можно отнести к одному и тому же виду, иногда расположены в различных главах Уголовного кодекса. Это, в частности, относится к различного рода злоупотреблениям, совершаемым должностными лицами. Одни из них отнесены к должностным (статьи 165, 172, 168 и др.), другие — к преступлениям против правосудия (статьи 173, 174, 175 и др.), третьи — к хозяйственным (ст. 147). Некоторые из них давно приобрели самостоятельное значение (например, хищение государственного имущества путем злоупотребления — ст. 84 УК, видовая характеристика которого

определяется общим понятием данного преступления, а не злоупотребления, выступающего в качестве его способа).

Во всех этих случаях видовая общность рассматриваемых преступлений, выраженная в злоупотреблении, каждый раз дополняется новыми чертами, подчеркивающими специфику совершаемых при этом преступных действий. Межродовые отличия рассматриваемых преступлений обычно не вызывают особых затруднений — они относятся прежде всего к объекту посягательства, реже — к другим элементам.

Конечно, не всегда необходимо проследивать все родовые и видовые различия. Гораздо чаще сравнение ограничивается моделью вида и конкретного состава. К тому же представление об отдельных фактах, составляющих в своей совокупности и общее представление о содеянном, вовсе не обязательно формируется за счет рассмотрения всех преступлений определенного вида. Например, если преступление совершено военнослужащим, наличие такого субъекта обычно сразу ограничивает путь установления искомого состава только группой воинских преступлений. Если речь идет о нарушении специальных правил, то в качестве субъекта выступает лицо, ответственное за их соблюдение, и т.п.

В распоряжении следователя, судьи, прокурора нередко оказывается лишь часть фактов, необходимых для квалификации, поэтому познавательный процесс в данном случае идет не только от сущности к конкретному явлению, от общего — к отдельному, но и от отдельного — к общему. Иначе говоря, дедуктивный метод мышления дополняется индуктивным. Однако в любом случае вывод о квалификации должен с необходимостью вытекать из достоверно установленных фактов о событии преступления, подтвержденных соответствующими доказательствами. Только всестороннее и объективное исследование всех обстоятельств события преступления, выяснение подлинных логических связей между устанавливаемыми фактами может привести к пониманию его юридического содержания.

Поскольку собственно квалификация предполагает, по крайней мере, что преступление имело место и совершено данным лицом, особое значение в этом случае придается только фактам, которые имеют непосредственное отношение к составу преступления или связаны с ним. В противном случае вопрос о квалификации отпадает вообще.

С точки зрения логики, основу квалификации составляет процесс вычленения из отдельного (совершенного дея-

ния) особенного (состава преступления) и отождествления его с общим (применяемой нормой).

Непосредственное соотнесение фактических признаков деяния с уголовно-правовой нормой оказывается невозможным: во-первых, из-за того, что это — разнопорядковые явления, между которыми отсутствует функциональная связь, о чем уже упоминалось; во-вторых, из-за того, что уголовно-правовая норма содержит указание лишь на типичные (наиболее существенные) признаки преступлений определенного вида, тогда как не меньшее значение имеют и другие признаки, подразумеваемые в ней.

Всякое отдельное так или иначе связано с иным отдельным. Эта связь обуславливается их материальной природой и вытекающим из нее комплексом общих черт, свойств, особенностей. В то же время связь и взаимодействие материальных образований (явлений, предметов, процессов и т.п.) накладывают на них определенный отпечаток. Изменения как результат воздействия одного отдельного на другое носят особый, неповторимый характер и становятся индивидуальными, единичными свойствами тех или иных материальных образований. Поэтому единичное (неповторимое) и общее (повторяющееся, типичное) тесно связаны между собой, взаимопроникают друг в друга и могут быть выделены лишь как моменты отдельного в абстракциях, в понятиях.

В принципе общее не может соотноситься, связываться с отдельным без промежуточного звена. Таким опосредующим звеном всегда выступает особенное. Оно и есть взаимодействующее единство двух указанных совокупностей — общего (в данном случае уголовно-правовой нормы) и единичного (совершенного деяния).

В качестве опосредующего звена между применяемыми уголовно-правовыми нормами и конкретным деянием (единичным) и выступает состав преступления (особенное), включающий в себя юридически значимые признаки, определяющие квалификацию содеянного, в полном объеме, достаточном для такого вывода.

Роль особенного (состава) при квалификации заключается в том, чтобы преломить в своем содержании общее (уголовно-правовую норму) и требуемые для квалификации признаки единичного. Вычленение особенного — это познавательно-оценочная деятельность, включающая исследование фактических признаков конкретного преступного посягательства, раскрытие необходимых связей между ними, определение их юридического значения. При

этом сопоставление фактического материала с содержанием уголовно-правовой нормы осуществляется с использованием состава преступления. Процесс вычленения из отдельного особенного и сопоставления его с общим (нормой) и составляет основу квалификации. В качестве отдельного выступает конкретное преступление, совершенное виновным. В качестве единичного — общие повторяющиеся, присущие всем преступлениям данного вида признаки. Каждое из преступлений данного вида совершается при самых различных обстоятельствах. Но общим, что их объединяет, выступают присущие всем им объективные признаки, что отражается в понятии данного вида преступлений. Конкретные формы проявления каждого из них неповторимы, но любое преступление содержит видовые признаки. В своей совокупности признаки содеянного составляют характеристику отдельного, позволяющие отграничить его от других преступлений.

Разграничение преступлений выступает обратной стороной квалификации, ее необходимым компонентом, и именно здесь вновь проявляется роль и значение состава преступления, его элементов и признаков.

Для того чтобы сказать, что совершена кража, надо отграничить данное деяние от других видов хищений — грабежа, мошенничества и т.п. В качестве особенного, позволяющего это осуществить, выступает тайный способ изъятия имущества у собственника (или из фондов государственного, коллективного предприятия, учреждения и т.п. — субъектов управления и распоряжения таким имуществом). Именно данный способ является определяющим по отношению ко всем кражам, и потому он указан в соответствующей норме Особенной части УК (ст. 140, ст. 81), а также входит в общее понятие хищения, подчеркивая специфику изъятия имущества, как наиболее типичный признак.

Состав преступления “кража” характеризуется и другими признаками, но указанный является основным. В своей совокупности признаки состава, характеризуя его в качестве особенного, позволяют отграничить от других составов преступления, в том числе названных.

Изложенные общетеоретические суждения о юридических и фактических предпосылках квалификации на логико-правовой основе позволяют перейти к более предметному раскрытию данной проблемы применительно к единичному преступлению.

Глава II

КВАЛИФИКАЦИЯ ЕДИНИЧНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. Понятие единичного преступления и его общая характеристика

С точки зрения юридической формы единичное преступление обозначено в каждой статье Особенной части УК, представляя собой состав одного преступления. Но такое, в целом правильное утверждение оказывается мало пригодным для решения поставленных задач, поскольку единичное преступление по своим внешним признакам нередко совпадает с их множественностью (совокупностью, повторностью, рецидивом), что осложняет квалификацию. В этой связи возникает необходимость в раскрытии фактического (материального) содержания единичного преступления, каждое из которых характеризуется общественной опасностью и противоправностью, соответствующая ст. 7 УК, и в то же время чем-то отличается от других преступлений.

В юридической литературе предпринимались попытки раскрыть содержание единичного преступления прежде всего за счет конкретизации отдельных элементов состава. Так, последнее определялось как единичность действий и последствий в их различном сочетании, как единичность действий, вызывающих определенный результат, как причинение единого ущерба одному объекту посягательства, через внутреннюю взаимосвязь элементов состава и их соотнесение между собой как формы и содержания и т.п.

В.Н. Кудрявцев, критикуя указанные точки зрения, справедливо отметил, что по отдельным элементам состава отличить единичное преступление от множественности преступлений невозможно. По его мнению, единичное преступление характеризуется социальной природой в виде "сочетания таких противоправных действий, которые в реальной действительности совершаются вместе, обычно имеют ряд общих объективных и субъективных признаков, находящихся между собой в тесной взаимосвязи и по своей антиобщественной сущности характерны для преступного поведения определенной категории субъектов"¹.

На этой основе он и проводит отличие единичных

¹ Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. — С. 284.

преступлений от их множественности. Однако из предложенного В.Н. Кудрявцевым определения не видно, что же представляют собой общие объективные и субъективные признаки противоправных действий, совершаемых вместе и представляющих единое целое (единичность преступления), что их объединяет помимо самого субъекта. В этой связи более перспективным представляется социально-психологический (точнее — психолого-юридический) подход к рассмотрению данной проблемы. Раскрытие психологической сущности преступления еще не получило надлежащей разработки в теории, хотя ее важность представляется несомненной.

Любое единичное преступление совершается конкретным лицом, обладающим сознанием и волей, что наряду с возрастом определяет его способность быть субъектом преступления и нести ответственность. Вне сознания и воли индивида не может быть преступления, не может быть и ответственности за него.

В то же время наличие воли в поведении лица еще не предрешает вопроса о вине и ее форме. Преступление — сложный волевой акт человеческого поведения, но единичное преступление не равноценно единичному поступку. Оно может состоять из одного действия, повлекшего одно последствие, из двух и более действий с одним результатом или одного действия с несколькими последствиями, наступающими то одновременно, то друг за другом, либо растягиваясь во времени. Оно может даже содержать, по сути, ряд самостоятельных преступных актов, ответственность за которые предусмотрена одной нормой закона.

Квалификация единичного преступления осложняется и тем, что в уголовном законодательстве они обозначены то в качестве общей нормы, то специальной (конкурирующей с первой). К тому же одно волевое действие субъекта может вызвать несколько преступных последствий, представляющих собой идеальную совокупность деяний, а два и более преступных действий — расцениваться то как реальная совокупность преступлений, то как единое продолжаемое преступление. Перечисленные вопросы требуют при квалификации особого внимания. Наибольшее затруднение вызывает правовая оценка единичных преступлений, совершаемых повторными действиями и поэтому представляющих повышенную общественную опасность. В качестве конструктивных признаков рассматриваемых составов преступлений выступают различные виды повторности: а) повторность в широком смысле слова (повторность поступ-

ка, правонарушения, преступления независимо от того, привлекался ли виновный к ответственности за их совершение или нет); б) видовая повторность правонарушения (неоднократность, систематичность, промысел); в) административная и иная преюдиция (обязательность привлечения к ответственности за аналогичное правонарушение, предваряющего уголовную ответственность).

Повторность в указанных случаях устанавливается законодателем в качестве необходимого условия уголовной ответственности за действия, единичный факт которых не представляет большой общественной опасности.

Понятия "множественность преступлений" и "множественность составов преступлений" между собой не совпадают, поскольку последнее относится только к совокупности преступлений, потому что повторность в данном случае охватывается одним квалифицированным составом.

Квалификация повторности преступлений. В отличие от повторности действий, присущей отдельным видам единичных преступлений, здесь речь идет о повторности деяний, предусмотренных различными нормами Особенной части УК в качестве самостоятельных. Юридическими признаками повторности преступлений являются: 1) наличие факта совершения двух или более единичных преступлений в разное время; 2) самостоятельный характер каждого из них; 3) их тождественность или однородность; 4) отсутствие обстоятельств, погашающих правовые последствия совершенных преступлений. Применительно к первому признаку следует учитывать важное условие, исключаящее повторность. Если одно из совершенных деяний не представляет общественной опасности в силу малозначительности, то совершенное затем уголовно наказуемое деяние не может рассматриваться как повторное. Исключение из этого общего правила представляет административная преюдиция, когда для наступления уголовной ответственности необходимо предварительное привлечение к административной ответственности за аналогичное деяние (ч. 3 ст. 192, ч. 1 ст. 196¹ и др.).

Самостоятельность совершенных преступлений (второй признак) определяется объективными и субъективными признаками деяний. Не будь указания на повторность, каждое из них могло бы рассматриваться как самостоятельное. В то же время при повторности совершаемые преступления не должны быть эпизодами, приемами или способами совершения другого, более тяжкого деяния. Они также не должны представлять собой единую цепь дейст-

вий, объединенных единством умысла, характерных для единичного продолжаемого преступления или растянутого во времени длящегося деяния.

Повторность могут образовать как тождественные, так и однородные преступления (третий признак). Под первыми понимаются деяния, полностью совпадающие по основным признакам состава. Однородность преступлений определяется сходством их отдельных элементов. Однако в некоторых случаях законодатель придает значение квалифицирующего признака не формальной, а фактической однородности преступлений, совершаемых впервые. Например, в соответствии с примечанием к ст. 81 ряд преступлений против собственности следует квалифицировать как повторные, если они имеют корыстный характер и направлены на завладение любым имуществом (государственным, коллективным или индивидуальным), независимо от способа посягательства, если этому предшествовало совершение тех же преступлений, а также бандитизма, хищения оружия и т.п. В то же время разбой (статьи 86, 142) квалифицируется как повторный, если ему предшествовало такое же преступление (независимо от формы собственности на похищенное имущество) либо бандитизм. Таким образом, значение для квалификации иногда приобретает даже последовательность совершения преступлений. Если лицо сначала совершает более опасное преступление (например, разбой), а затем менее опасное (кражу), то последнее расценивается как повторное и может повлечь более строгое наказание по сравнению с тем, когда сначала совершается кража, а затем разбой. То же самое отмечается при совершении разбоя и бандитизма.

Четвертый признак повторности требует обязательного выяснения, нет ли в данном случае обстоятельств, погашающих правовые последствия совершенных преступлений и исключающих повторность (истечение срока давности, амнистия, помилование, изменение закона, устраняющее уголовную ответственность или ее основания).

Особой формой повторности является рецидив — совершение преступления лицом, ранее судимым (судимость не должна быть снята или погашена).

Непосредственное отношение к квалификации имеют понятия специального и особо опасного рецидива. Специальный характеризуется совершением лицом после осуждения нового тождественного или однородного преступления. Так, получение взятки лицом, ранее судимым за взятку, квалифицируется по ч. 2 ст. 168, а не по ч. 1

той же статьи. Действия виновного, ранее судимого за хулиганство и вновь совершившего это преступление, квалифицируются по ч. 2 ст. 206.

Аналогично решаются вопросы квалификации и при совершении преступлений особо опасным рецидивистом (например, п. "з" ст. 93), с той лишь разницей, что субъект преступления предыдущим приговором уже должен быть признан таковым. Если этот признак в качестве квалифицирующего в диспозиции нормы не указан, то он рассматривается только как отягчающее обстоятельство при назначении наказания.

Квалификация преступлений по совокупности. В следственной и судебной практике зачастую возникают затруднения в решении вопроса, один или несколько составов преступлений содержится в действиях виновного. Поэтому представляется необходимым рассмотреть некоторые общетеоретические положения, относящиеся к совокупности преступлений и ее отграничению от единичного преступления¹.

Различаются две формы совокупности — идеальная, когда одним действием совершается несколько разнородных преступлений, квалифицируемых по разным статьям УК, или однородных деяний, относящихся к разным частям (пунктам) одной и той же статьи, и реальная совокупность в виде совершения лицом двух и более разнородных преступлений, ответственность за которые предусматривается самостоятельно. Совокупность преступлений исключается, если такой признак является конструктивным для основного состава или для квалифицированного в виде отягчающих обстоятельств (учтенная законом совокупность)².

Применительно к квалификации особое значение имеют принципы образования самой совокупности преступлений (простых и сложных) в их различном сочетании.

Практически квалификация по совокупности преступлений возникает тогда, когда ни одна из норм, взятая отдельно, не охватывает содеянного с надлежащей полно-

¹ В общей теории уголовного права вопрос о совокупности преступлений обычно рассматривается применительно к назначению наказания в виде комментирования ст. 42, тогда как прежде, чем решать эти вопросы, надо определить, совершено одно или два преступления, и правильно квалифицировать содеянное.

² Этот непреложный принцип за последнее время стал неоправданно нарушаться при квалификации бандитизма и изнасилования, сопровождающихся убийством, по совокупности преступлений из-за отмены смертной казни за указанные деяния и сохранения ее в санкции ст. 93.

той, не отражает степени общественной опасности содеянного в целом и личности виновного.

Обязательным условием образования совокупности при несовпадении признаков составов совершенных преступлений или при их частичном совпадении является прежде всего то, что ни одно из них не должно быть признаком (компонентом) другого преступления. При этом возможны два варианта: 1) когда один состав преступления есть формой, способом, средством или последствием совершения другого, более опасного преступления; 2) когда один состав преступления выступает в качестве квалифицирующего признака другого преступления. Оба варианта совокупность преступлений исключают. Например, хищение путем злоупотребления служебным положением (ст. 84) внешне состоит как бы из двух преступлений: одно из них является основным (в данном случае хищение), другое (злоупотребление служебным положением) играет роль способа его совершения, выступает в качестве конструктивного признака данного преступления, утрачивая самостоятельность. При квалифицированном разбое (нападении с целью завладения имуществом) насилие, опасное для жизни и здоровья потерпевшего, играет роль средства совершения разбоя, не требуя отдельной квалификации.

При этом следует иметь в виду, что степень общественной опасности преступлений, играющих подчиненную роль способа или средства совершения основного преступления, всегда менее значительна по сравнению с ним самим. Как только это правило нарушается, возникает необходимость квалификации по совокупности преступлений. Например, когда объект одного преступления не составляет части объекта другого преступления либо часть признаков объективной или субъективной сторон преступления не охватывается одним составом и приобретает самостоятельное значение. Совокупность преступлений налицо даже когда имеет место совпадение всех признаков составов совершенных преступлений, кроме одного — квалифицирующего, если он не указан в качестве конструктивного признака единичного преступления. Наиболее часто это встречается в связи с наличием более тяжких последствий, выходящих за пределы одного преступления. Поэтому разбой, сопряженный с убийством потерпевшего, квалифицируется по ч. 3 ст. 142 и по п. "а" ст. 93, поскольку убийство не охватывается квалифицирующими признаками разбоя, а квалификация содеянного только по п. "а"

ст. 93 оставляет вне правовой оценки посягательство на собственность (основной объект разбоя) данным способом.

“Действия должностных лиц, которые незаконно использовали с целью незаконного занятия рыбным промыслом, незаконной охоты, незаконной порубки леса находящийся в их распоряжении государственный или общественный транспорт, должны квалифицироваться по статьям, предусматривающим ответственность за нарушение законодательства об охране природы и злоупотребление властью или служебным положением, когда этими действиями причинен существенный вред” (п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 1 от 26 января 1990 г. “О практике рассмотрения судами дел об ответственности за нарушения законодательства об охране природы” // Бюлетень ... — С. 176). В данном случае ни одна из норм, взятая отдельно, не охватывает совершенного в полном объеме.

Преступления, образующие совокупность, должны отвечать и некоторым другим требованиям. Во-первых, совокупность образуют разнородные преступления (однородные образуют повторность, если в состав преступления входит такой квалифицирующий признак), но сама по себе однородность не исключает реальной совокупности двух и более преступлений, совершенных в разное время. Разнородность преступлений определяется тем, что они различаются между собой по непосредственному объекту (родовые объекты у них иногда совпадают). Совпадение преступлений, входящих в совокупность, по непосредственному объекту встречается редко. В таком случае они различаются по степени причинения вреда объекту посягательства. Во-вторых, такие преступления не должны полностью совмещаться по действиям. Все другие признаки состава, в частности, субъективные, могут совпадать, но именно здесь проявляются различия между реальной и идеальной совокупностью. Если для идеальной совокупности является обязательным совпадение формы вины, мотива и цели совершаемых преступлений, так как иначе они не могут быть совершены одним действием, то для реальной — это не обязательно, поскольку речь идет о совершении двух и более единичных преступлений.

Идеальная совокупность имеет место при отклонении действия (например, преступник, желая убить одно лицо, стреляет в него, но попадает в выбегавшего из-за угла другого человека). Такие случаи, как известно, квалифицируются как покушение на умышленное убийство и неосторожное причинение смерти.

При идеальной совокупности преступление, начавшись одним действием, затем как бы расщепляется: одно действие приводит к двум разным последствиям, не охватываемым одной статьей Особенной части УК¹.

При идеальной совокупности составы преступлений должны быть в принципе таковыми, чтобы могли совершаться одним действием, выступающим необходимым элементом двух преступлений. Причем последствия, которые наступили в результате такого рода действия, в любом случае причиняют вред двум разнородным непосредственным объектам, ни один из которых не подчинен другому и не является его частью. Каждый из объектов (в отличие от единичного преступления) имеет самостоятельное правовое значение. Разнородность их определяет и специфику целей совершаемых при идеальной совокупности преступлений. Эти цели относятся к разным сферам общественных отношений. Стремление к достижению одной механически ведет к достижению другой. Не исключена ситуация, когда субъект ставит перед собой сразу несколько целей, отражающих различные последствия, представляющие собой посягательства на разнородные объекты. Поскольку цель, с одной стороны, связана с объектом посягательства (по характеру цели мы можем установить непосредственный объект), с другой, — с мотивом совершаемых действий, ее специфика проявляется в способе и средствах достижения преступного результата. При идеальной совокупности способ совершения преступлений должен быть таков, чтобы одно и то же действие могло привести к наступлению различных последствий, а средства достижения цели могли вызвать их появление. Указанные последствия не охватываются одним составом преступления, но в то же время характеризуются определенной общностью.

По форме вины преступления, образующие идеальную совокупность, как правило, однозначны. Вместе с тем это не ведет к механическому совпадению остальных субъективных признаков состава совершаемых преступлений — мотива и цели. Они могут иметь различия, но по характеру и направленности содержания всегда совместимы. Руководствуясь ими, преступник стремится к достижению какого-то результата, избирая для этого опреде-

¹ Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. — С. 290.

ленную форму действия, ведущую к совершению нескольких преступлений одновременно.

При идеальной совокупности одно преступление, обладая собственной юридической природой, нередко является средством или способом совершения другого. Например, получение взятки за счет государственного или коллективного имущества (при осведомленности виновного о его принадлежности) — это вместе с тем и средство совершения хищения данного имущества путем злоупотребления служебным положением. Содеянное должно квалифицироваться одновременно по статьям 168 и 84. Служебный подлог (ст. 172) может быть одним из средств, обеспечивающих замаскированность (сокрытие) способа хищения государственного имущества, совершаемого путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением (ст. 84). Действия виновного квалифицируются по двум упомянутым статьям, поскольку сам по себе служебный подлог не является способом (средством) хищения. В такой роли выступает злоупотребление служебным положением, о чем указано в ст. 84, а совершаемый подлог выходит за пределы данной формы хищения.

В отличие от идеальной совокупности единичные преступления обычно характеризуются одним непосредственным объектом. Остальные общественные отношения, затрагиваемые при совершении преступления, играют подчиненную роль и не влияют на квалификацию. Последствия совершения преступления относятся к одному составу. Постановка цели и соответствующие мотивы, а также остальные признаки состава представляют собой внутреннее единство, присущее единому преступному акту.

Изучение судебной практики показывает, что чаще всего идеальная совокупность ошибочно усматривается при сочетании таких преступлений: убийство из хулиганских побуждений и хулиганство; изнасилование и причинение средней тяжести и тяжких телесных повреждений; изнасилование и половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости; хищение государственного и коллективного имущества путем злоупотребления служебным положением; хулиганство и посягательство на честь и достоинство работников милиции или народных дружинников. Это объясняется тем, что совокупность преступлений отождествляется с понятием единичного преступления, когда в состав одного из них входят элементы другого, а типичность связей объективных и субъективных признаков учтена законодателем в одной конкретной норме, охваты-

вающей содеянное полностью¹. Ошибки противоположного характера возникают главным образом потому, что не учитываются принципы совместимости форм вины, мотивов и целей совершения преступлений.

Вопрос об отграничении единичного преступления от идеальной совокупности преступлений осложняется и тем, что в ходе выполнения преступного акта виновный, руководствуясь одним и тем же мотивом или иным, заменившим прежний доминирующий мотив, нередко совершает какие-то дополнительные действия, изменяющие правовое содержание содеянного. Поскольку вначале совершается одно преступление, а затем другое, содеянное в целом внешне напоминает совокупность преступлений. Однако фактически здесь может иметь место и перерастание одного единичного преступления в другое, представляющее большую общественную опасность. Происходит изменение направленности действий (менее значимый объект посягательства замещается более значимым) либо способа посягательства на один и тот же объект, когда последний способ является более опасным. Наглядно это проявляется при перерастании кражи в грабеж или разбой. В некоторых случаях преступник, будучи застигнут на месте кражи, применяет насилие с целью удержания похищаемого. В зависимости от степени и характера насилия или угрозы его применения содеянное надлежит квалифицировать как грабеж или разбой. При этом неоконченная кража утрачивает самостоятельное значение и на квалификацию не влияет, поскольку речь идет о совершении в конечном итоге более тяжкого преступления при перерастании одного преступления в другое. Правда, с одной оговоркой — если первоначальное преступление, в данном случае кража, не было завершено (преступник не получил первичной возможности распорядиться похищенным по своему усмотрению), а общая направленность цели и мотивации осталась прежней. Перерасти не может то, что уже окончено. Изменение мотивов и цели действий, совершаемых дополнительно помимо кражи, ведет к изменению квалификации в другом смысле. Например,

¹ Данное положение относится и к так называемым двухобъектным преступлениям (например, разбой, когда определяющими признаются отношения собственности, а причинение телесных повреждений и т. п. не отражается на квалификации). В тех же случаях, когда разбой сопровождается убийством потерпевшего, возникает идеальная совокупность преступлений, характеризуемая разнородностью и значимостью объектов.

если застигнутый на месте совершения преступления или при преследовании вор применяет насилие к окружающим не с целью удержать похищенное, а избежать задержания, содеянное надлежит квалифицировать как кражу или покушение на кражу и преступление против порядка управления (статьи 188, 188¹, 190), т.е. по совокупности преступлений.

Вопросы квалификации единичного преступления приобретают особую сложность при конкуренции норм, когда одно и то же деяние подпадает под несколько норм одновременно, не образуя совокупности преступлений. Данная проблема нуждается в особом рассмотрении.

§ 2. Квалификация единичного преступления при конкуренции норм

Квалификация единичного преступления зачастую осложняется тем, что оно иногда подпадает под несколько норм одновременно или несколько частей одной и той же нормы, вступающих между собой в конкуренцию, когда применяется одна из них. В основе конкуренции норм лежит их логическая соотносимость по объему и содержанию. На основании соотносимости по объему определяются принципы конкуренции общей и специальной нормы, а также двух специальных норм. Соотносимость по содержанию определяет конкуренцию норм как части и целого либо частей одной и той же нормы. Рассмотрим наиболее важные отправные положения, относящиеся к данному вопросу.

Конкуренция общей и специальной нормы. Анализ уголовно-правовых норм показывает, что одни из них раскрывают содержание отдельных видов преступлений в обобщенном виде и поэтому объем их применения весьма широк (так называемые общие нормы), другие предусматривают ответственность за частные случаи этих же видов преступлений, конкретизируя ответственность (подчеркивая степень их общественной опасности), выступая в качестве специальных норм. Помимо общих признаков, свойственных всем преступлениям данного вида, специальные нормы содержат присущие только им специфические признаки, относящиеся к способу посягательства, особенностям непосредственного объекта, характеру последствий и т.п.

В уголовно-правовой теории разработаны общетеоретические предпосылки квалификации преступлений при кон-

куренции норм¹, однако многие вопросы этой темы еще нуждаются в решении.

При квалификации применяется специальная норма, так как она охватывает содеянное с наибольшей полнотой. Общая норма фактически выступает в качестве резервной для тех случаев, когда ответственность за данный вид преступления специальными нормами не предусмотрена. Например, среди должностных преступлений в качестве общей выступает ст. 165 (злоупотребление служебным положением), специальных норм — все остальные (ст. 172 — служебный подлог, ст. 168 — получение взятки должностным лицом — и др., предусматривающие ответственность за разновидности должностных злоупотреблений).

В п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 12 от 27 декабря 1985 г. “О судебной практике по делам о превышении власти или служебных полномочий” обращено внимание судов на то, что “преступления, предусмотренные статьями 130, 173, 174 и 175 УК, представляют собой специальные виды превышения власти или служебных полномочий, ответственность за которые могут нести лишь точно указанные в этих случаях должностные лица (специальные субъекты). Соучастие в этих преступлениях других лиц влечет ответственность по указанным статьям и ст. 19 УК. Квалификация действий исполнителей и соисполнителей указанных преступлений еще и по ст. 166 УК возможна лишь при наличии реальной совокупности деяний” (Бюлетень ... — С. 133, 134). Дополнительными признаками по сравнению со злоупотреблением служебным положением (ст. 165) обладают такие составы, как неоказание помощи судну и лицам, терпящим бедствие (ст. 203), выпуск недоброкачественной продукции (ст. 147), хищение путем злоупотребления служебным положением (ст. 84).

В качестве конкурирующих могут рассматриваться даже нормы, помещенные в разных главах Уголовного кодекса. Например, в главе о преступлениях против правосудия законодателем выделены специальные виды злоупотреблений. Объект этих преступлений — интересы правосудия — является лишь элементом правильной деятельности государственного аппарата (объекта злоупотребления

¹ См. Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. — С. 240—278; *его же*. Общая теория квалификации преступлений. — С. 240—277; Тарарухин С.А. Установление мотива и квалификация преступления. — С. 109—124.

служебным положением). Преступления против правосудия характеризуются также спецификой субъекта.

Конкурирующие нормы встречаются и внутри многих глав Уголовного кодекса: о преступлениях против личности — умышленное убийство без отягчающих обстоятельств (ст. 94) — общая норма и убийство при превышении пределов необходимой обороны (ст. 97) — специальная норма; о преступлениях против порядка управления — сопротивление представителю власти или представителю общественности при исполнении ими обязанностей по охране общественного порядка (ст. 188) и такое же сопротивление работнику милиции или народному дружиннику (ст. 188¹), оскорбление представителя власти или представителя общественности, охраняющих общественный порядок (ст. 189), и оскорбление работника милиции или народного дружинника в связи с исполнением ими обязанностей по охране общественного порядка (ст. 189¹) и т.п.

Норма, предусматривающая ответственность за убийство, совершенное в связи с выполнением потерпевшим служебного или общественного долга (п. “в” ст. 93), конкурирует со ст. 190¹ (посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника в связи с их деятельностью по охране общественного порядка), выступающей в качестве специальной.

Возможно и другое соотношение общего и специального составов, когда последний включает в себя элементы состава другого преступления. Например, ложное показание может оказаться одной из форм укрывательства преступления, совершенного другим лицом, но поскольку ложное показание предусмотрено отдельно в ст. 179, содеянное должно квалифицироваться по этой статье, а не на общих основаниях как заранее обещанное укрывательство преступления или прикосновенность к нему (если оно не было заранее обещано). Статья 179 в данном случае рассматривается как специальная.

Одним из вариантов конкуренции общей и специальной нормы является конкуренция основного и квалифицированного состава одного и того же преступления. Любой квалифицированный состав выступает в качестве специального, что учитывается, когда действия виновного подпадают одновременно под разные части или пункты одной и той же статьи.

Например, если действия виновного содержат признаки и основного состава (ч. 1 ст. 140 — простая кража) и квалифицированного (ч. 2 или ч. 3 той же статьи), то

применяется последний, выполняющий роль специального. Наряду с общими признаками, присущими любой краже (тайное похищение имущества), квалифицированный состав может содержать такие признаки, как повторность, совершение преступления по предварительному сговору группой лиц, причинение потерпевшему значительного ущерба.

Иногда содеянное подпадает под несколько квалифицирующих признаков одной и той же нормы (например, ч. 2 и ч. 3) одновременно. Более тяжкий квалифицирующий признак поглощает менее тяжкий, что вполне объяснимо логическим толкованием закона, принципами его применения в отношении единичного преступления.

Пленум Верховного Суда Украины по данному вопросу дает следующие разъяснения: “В случае совершения лицом нескольких преступлений, предусмотренных одной из указанных статей (статьи 140, 141, 143, 144 УК), его действия, при отсутствии иных квалифицирующих признаков, надлежит квалифицировать по части второй той или иной статьи. Дополнительно квалифицировать первое преступление еще и по части первой данной статьи не требуется.

При совершении нескольких посягательств на частную собственность разными способами первое преступление (при отсутствии иных квалифицирующих признаков) надлежит квалифицировать по части первой соответствующей статьи, а другие, как совершенные повторно, по частям вторым соответствующих статей УК (п. 23 постановления № 12 от 25 декабря 1992 г. “О судебной практике по делам о корыстных преступлениях против частной собственности” // Бюлетень ... — С. 103).

В п. 32 этого же постановления сказано: “Если виновное лицо совершило кражу, грабеж, разбой, мошенничество или вымогательство и в его действиях имеется несколько квалифицирующих признаков, предусмотренных разными частями той или иной статьи, совершенное надлежит квалифицировать по той части, которая предусматривает более суровое наказание. При этом все квалифицирующие признаки должны быть указаны в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении и мотивировочной части приговора” (Бюлетень ... — С. 106).

Действия виновного иногда содержат признаки составов со смягчающими и отягчающими обстоятельствами одновременно (например, убийство в состоянии сильного душевного волнения или при превышении пределов необходимой обороны иногда сопровождается причинением мно-

жества телесных повреждений, что при иных обстоятельствах расценивается как один из признаков особой жестокости). Предпочтение должно быть отдано той норме, которая охватывает содеянное с наибольшей полнотой — в данном случае составу убийства, совершенного в состоянии аффекта или при превышении пределов необходимой обороны, поскольку направленность умысла, мотивы и цели совершения преступления здесь иные, они непосредственно не связаны с особой жестокостью. В п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 1 от 1 апреля 1994 г. “О судебной практике по делам о преступлениях против жизни и здоровья человека” подчеркивается, что признаки особой жестокости закон связывает как со способом убийства, так и иными обстоятельствами, свидетельствующими о проявлении виновным особой жестокости, и далее отмечается: “Умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения, внезапно возникшего в результате противоправного насилия или тяжкого оскорбления со стороны потерпевшего, или при превышении пределов необходимой обороны, хотя оно и было совершено с признаками особой жестокости путем причинения большого количества телесных повреждений либо в присутствии близких потерпевшему лиц следует квалифицировать соответственно по ст. 95 или ст. 97 УК” (Бюлетень ... — С. 78)¹.

Общее правило о применении специальной нормы при конкуренции сохраняется до тех пор, пока речь идет о совершении одного, а не нескольких самостоятельных преступлений, образующих совокупность, когда, например, фактически совершенные действия выходят за пределы специальной нормы, не охватываются ее признаками. Указанное имеет место в частности, когда должностное лицо, получив взятку, совершает в пользу взяткодателя незаконные действия вопреки интересам службы. Они должны быть квалифицированы самостоятельно по ст. 165.

В п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 1 от 1 апреля 1983 г. “О практике применения судами Украины законодательства об ответственности за взяточничество” подчеркивается: “В соответствие с ч. 1 ст. 168 УК ответственность должностного лица наступает в случае получения взятки за выполнение или невыполнение в интересах взяткодателя любого действия, которое

¹ Более подробно вопросы квалификации и разграничения преступлений против жизни и здоровья рассматриваются в гл. IV данной работы.

должностное лицо должно было или могло совершить с использованием своего служебного положения. Поэтому совершенные должностным лицом в связи с получением взятки деяния, которые сами являются преступными (служебный подлог, злоупотребление властью или служебным положением и т.п.), образуют самостоятельный состав преступления и должны квалифицироваться по совокупности преступлений” (Бюлетень ... — С. 135).

В п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 4 от 27 марта 1992 г. “О судебной практике по делам об изнасиловании и иных половых преступлениях” сказано: “При совершении двух и более изнасилований, ответственность за которые предусмотрена разными частями ст. 117 УК, а также при совершении в одном случае покушения на изнасилование или соучастия в этом преступлении, а в другом — оконченого изнасилования, действия виновного следует квалифицировать по совокупности указанных преступлений.

Изнасилование потерпевшей без отягчающих признаков этого преступления, а потом повторное изнасилование при наличии признаков ч. 3 или ч. 4 ст. 117 УК должны квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 117 УК и соответственно ч. 3 или ч. 4 этой статьи. В таких случаях квалификация действий виновного по ч. 2 этой статьи не требуется. Однако упомянутое обстоятельство должно быть указано в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительном заключении и в приговоре” (Бюлетень ... — С. 85).

В данном случае налицо сочетание *конкуренции частей одной и той же нормы* и совокупности преступлений, поскольку в ч. 2 ст. 117 предусматривается ответственность за изнасилование, совершенное лицом, ранее совершившим такое же преступление, что формально имеет место, а части 3 и 4 этой же статьи по своему содержанию не только выходят за пределы объективной стороны основного состава преступления, но и представляют собой, по сути, самостоятельные деяния с иными признаками. Ведь в ст. 117 в качестве объединяющего признака фактически выступает лишь физическое или психическое насилие над потерпевшей.

Уголовно-правовые нормы никогда не совпадают полностью между собой, так как иначе было бы невозможно их различать. Однако разграничение нередко можно проводить по их логическому соотношению. Соотносимость норм по объему и содержанию придает закону гибкость,

позволяя квалифицировать в его пределах содеянное, избегая его применения по аналогии и нагромождения норм при правовой оценке совершенного преступления.

На основании соотносимости норм по объему определяются принципы квалификации при конкуренции не только общей и специальной, но и двух специальных норм. В любом случае применяется та специальная норма, которая в большей степени конкретизирует содеянное, охватывая специфику предусмотренного ею состава преступления. Например, такого рода конкуренция возникает между ст. 187³ (организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок) и ст. 187⁴ (нарушение порядка организации и проведения собраний, уличных шествий и демонстраций).

Конкуренция части и целого. В отличие от конкуренции общей и специальной нормы и двух специальных норм при конкуренции части и целого нормы находятся между собой в отношении подчинения не по объему, а по содержанию.

Конкуренция норм как части и целого возникает как по отдельным элементам и признакам состава, так и по нескольким одновременно.

Для того, чтобы определить, какая из норм должна применяться, необходимо установить, содержание которой из них с наибольшей полнотой охватывает содеянное. Когда говорят, что тот или иной состав полностью охватывает содеянное и в дополнительной квалификации нет необходимости, речь идет о конкуренции норм по содержанию. Например, по объекту в подобной конкуренции находятся такие нормы, как убийство по неосторожности (ст. 98) и нарушение правил охраны труда, повлекшее человеческие жертвы (ч. 2 ст. 135). Применяется вторая норма, так как объект этого преступления шире, чем объект неосторожного убийства, и включает в себя не только жизнь человека, но и условия безопасности и безвредности труда, обеспеченные определенными правилами, которые нарушаются виновным.

Конкуренция по объекту обычно сочетается с конкуренцией составов по объективной стороне. Например, по этому признаку различаются хулиганство (ст. 206) и массовые беспорядки (ст. 71), характеризующиеся совершением толпой погромов, разрушений, поджогов и другими подобными действиями, которые могут быть совершены и при хулиганстве. Однако при массовых беспорядках они выступают в роли способа совершения этого более опасного преступления, посягающего на общественную без-

опасность, и потому в самостоятельной квалификации по ст. 206 УК не нуждаются.

Конкуренция норм как части и целого по объективной стороне встречается в трех вариантах: 1) когда действия, предусмотренные одной нормой, являются лишь частью действий, предусмотренных другой; 2) когда преступные последствия, указанные в одной норме, представляют лишь часть последствий, предусмотренных другой; 3) когда одна норма предусматривает только противоправные действия, создающие возможность наступления общественно опасных последствий, а другая — и указанные последствия. Первый вариант конкуренции имеет место, например, когда циничные действия, характерные для хулиганства, представляют собой только часть объективной стороны изнасилования. Второй отмечается при совершении хищений, когда хищение в значительном размере представляет лишь эпизод хищения в крупном или особо крупном размере. Третий вариант имеет место, например, при применении частей 1 и 2 ст. 77, предусматривающей ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Конкуренция норм как части и целого возможна и по субъективной стороне состава. В таких случаях применяется та норма, которая предусматривает более тяжкую форму вины в такой последовательности: прямой умысел, косвенный умысел, преступная самонадеянность, преступная небрежность. В пределах одной и той же формы вины решающее значение имеет более широкая направленность умысла, а при неосторожности — возможность полнее предвидеть последствия, которые фактически проявились и обозначены в той ли иной норме.

При конкуренции мотивов и целей совершения преступления следует иметь в виду, что виновный может руководствоваться одновременно несколькими не противоречащими друг другу мотивами и преследовать ряд целей при совершении одного преступления. Когда цели и мотивы имеют самостоятельное значение, может возникнуть вопрос о конкуренции норм по этим признакам состава. Однако он не решается изолированно от формы вины в содеянном, от конкуренции норм в целом.

Избрав преступный путь удовлетворения своих потребностей или интересов, субъект может ставить не одну, а несколько целей, руководствуясь при этом соответствующими им мотивами. Одни из них становятся мотивами действия — доминирующими, другие выступают в

роли побочных. В ходе развития преступного акта основные и побочные мотивы могут меняться местами и заменяться новыми, но в конечном счете выбор одного или нескольких ведущих мотивов стабилизируется, что приводит к целенаправленности поведения и принятию решения действовать определенным образом. Мотивационная сфера человеческой деятельности динамична. Однако изменение мотивов в момент совершения преступления обычно значения для квалификации не имеет, поскольку правовая оценка содеянного зависит от характера совершенных действий и наступивших общественно опасных последствий, отражающих конечную цель и соответствующую ей доминирующую мотивацию. Не исключено также, что в ходе осуществления преступления могут измениться другие признаки состава, влияющие на квалификацию, а мотив преступления остаться прежним.

Правильность установления доминирующего мотива, который фактически привел к наступлению общественно опасных последствий, имеет важное значение, поскольку именно от этого зависит квалификация содеянного. Его отыскание осложняется тем, что в случае изменения мотивов в момент реализации принятого решения (замещения одного ведущего мотива другим при совершении тех или иных действий) первоначальный замысел может оказаться выполненным, но преступник тут же совершает другое преступление, обусловленное иным побуждением, что вызывает необходимость квалифицировать его действия по совокупности. Вместе с тем, в некоторых ситуациях прежний мотив может продолжать действовать наряду с новым, параллельно с ним, осложняя оценку направленности (предметности) содеянного, свидетельствуя о перерастании одного преступления в другое.

При этом следует иметь в виду, что наименование мотива может и не раскрывать содержания совершенного преступления: во-первых, потому, что в законе он нередко обозначен обобщенно; во-вторых, предметность зависит прежде всего от цели совершения тех или иных действий, отражая осознанное стремление (мотив) к достижению определенного результата (его мысленной модели). Именно цель придает преступному акту конкретный смысл и значение. При прямом умысле, как уже отмечалось, цель и результат совпадают. При косвенном и при неосторожности такое совпадение отсутствует, хотя сама по себе целенаправленность действий не исключается.

В принципе каждому мотиву соответствует своя цель,

которая может быть вызвана как одним мотивом, так и несколькими одновременно, если они не противоречат друг другу (являются совместимыми). Преступный акт становится возможным, когда мотивы согласуются с целью совершаемых действий. При квалификации цель, имеющая самостоятельное правовое значение, исключает другие, не имеющие такого смысла. При постановке субъектом двух целей преимущество должно быть за той из них, которая относится к более важному объекту посягательства и наиболее тяжким последствиям. Причем такие последствия могут относиться к ближайшей, промежуточной или отдаленной цели виновного. Поскольку каждая из них им предвосхищалась, то любая цель, в том числе и свидетельствующая о совершении более тяжкого преступления, может быть поставлена ему в вину.

Высказанные соображения полностью относятся и к конкуренции мотивов при совершении единичного преступления. Здесь тоже преимущество принадлежит мотиву более тяжкого преступления. Это определяется осознанием побуждений, которыми руководствуется виновный, совершая те или иные действия, развитием волевого акта при согласованности мотива с целью. Причем решение вопроса о квалификации зависит и от конструктивных признаков состава совершенного преступления. Первостепенное значение принадлежит тем из них, которые указаны в законе как обязательные. При отсутствии таковых значимость приобретают признаки, подразумеваемые в нем. Если мотив и цель не имеют значения для квалификации и разграничения преступлений, вопрос об их правовой конкуренции, естественно, отпадает, хотя в психологическом смысле несколько мотивов и целей могут затруднить их оценку.

Наличие нескольких мотивов, вызывающих необходимость рассмотрения вопросов об их совместимости и конкуренции, может проявиться по-разному: 1) несколько мотивов вызывают одно последствие, представляющее собой единичное простое преступление; 2) несколько мотивов вызывают несколько последствий, представляющих также единичное, но сложное преступление; 3) несколько мотивов вызывают несколько последствий, имеющих самостоятельное значение, но охватываемых одной нормой, исходя из принципов поглощения¹; 4) несколько мотивов,

¹ Указанное относится к поглощению одного состава другим при конкуренции норм как части и целого (см. *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. — С. 258—259).

самостоятельно отражают наличие отягчающих и смягчающих обстоятельств в одном и том же преступлении.

Уживаясь в сознании субъекта как единое целое, несколько совместимых мотивов принимаются преступником в расчет в равной степени. Конкурирующие мотивы всегда отличаются по степени выраженности вредоносности¹. Они соотносятся в сознании с различными целями, представляющими большую или меньшую значимость. Поскольку преступник ими руководствуется одновременно, он сознательно принимает и те общественно опасные последствия, которые вызываются такими мотивами, в том числе представляющие наибольшую опасность. Конкуренция составов по мотиву возникает, когда одно и то же преступление подпадает под несколько норм именно по данному признаку. В этом плане наибольшие затруднения в судебной практике вызывает квалификация умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах, когда преступление совершается по нескольким мотивам одновременно.

В п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 1 от 1 апреля 1994 г. по делам этой категории отмечается: "Разъяснить, что нельзя квалифицировать убийство одного лица по совокупности пунктов "а", "б", "в", "ж" ст. 93 УК Украины в любом их сочетании, поскольку невозможно совершить убийство одновременно из корыстных, хулиганских мотивов, в связи с выполнением потерпевшим служебного или общественного долга либо с целью сокрытия иного преступления или облегчения его совершения" (Бюлетень ... — С. 79). В других случаях содеянное может подпадать под несколько пунктов указанной статьи и не только в связи с мотивами, но и целью совершенного убийства, способом посягательства, субъектом преступления, а также другими признаками состава². Причем объективные и субъективные признаки состава, свидетельствующие о таком убийстве, могут проявляться в различных сочетаниях, дополняя один другой. В некоторых случаях ведущий мотив в связи с наличием квалифицирующих признаков убийства может непосредст-

¹ Закон в обобщенном виде указывает на общественную опасность мотивации либо на ее общественную полезность (необходимая оборона, крайняя необходимость и т.п.), но до полного установления фактических обстоятельств дела решить проблему конкуренции норм по мотиву невозможно.

² Отнесение тех или иных пунктов ст. 93 УК к отдельным признакам элементов состава весьма условно, однако в плане квалификации такая группировка необходима для выяснения их содержания.

венно и не отражаться при квалификации. Например, при сочетании таких побуждений, как месть на бытовой почве, ревность и т.п., подразумеваемых в ст. 94, и признаков, указанных в ст. 93, значение для квалификации приобретают именно последние. Ведущий мотив, определяющий содержание преступного акта, по существу лишь указывает на внутренние (психологические) причины убийства.

При нескольких квалифицирующих признаках убийства каждый из них должен охватываться сознанием виновного, быть желательным или сознательно допускаться. Только тогда их можно вменить ему в вину. Именно на это обращено внимание в упомянутом постановлении Пленума, где подчеркивается необходимость выяснения направленности умысла при совершении убийства с особой жестокостью, способом, опасным для жизни многих людей, и др.

Составы преступлений могут быть таковыми, что один из них характеризуется одной целью, другие — несколькими (основной, относящейся к непосредственному объекту, и побочными, конкретизирующими основную). Например, при совершении умышленного убийства основная цель — лишение жизни человека — выражает общую направленность посягательства. Наряду с ней есть и другие, конкретизирующие ее (корысть, противодействие законным требованиям, проявление неуважения к обществу и т.п.). Эти цели могут вызываться как одним, так и несколькими мотивами, не противоречащими друг другу (т.е. быть совместимыми). При чем лишение жизни — цель, определяющая направленность действий, — может оказаться средством, способом удовлетворения корыстного или иного мотива.

Мотивы, побуждающие лицо действовать определенным образом, раскрывают психологическую причину совершенного убийства, указывают, в связи с какими человеческими отношениями возникла конфликтная ситуация, предшествовавшая данному преступлению. Отсюда следует, что побуждать к совершению убийства могут несколько мотивов, относящихся к одной и той же сфере этих отношений, что и раскрывается при конкретизации цели преступления. Если рассматривать содержание преступного акта с таких позиций, то несколько мотивов, его вызывающих, не только должны действовать в одном и том же направлении, но также иметь единые источники образования. Вот почему совмещение разнородных мотивов невозможно. Например, так называемые личные мотивы (месть на бытовой почве, ревность, личная заинтересованность,

корысть и др.) при совершении преступлений могут сочетаться в различных вариантах между собой, но быть несовместимыми с теми, которые не затрагивают личных интересов, не связаны с ними (хулиганские побуждения, противодействие законной деятельности лиц, выполняющих служебный или общественный долг, и т.д.).

В п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 5 от 28 июня 1991 г. "О судебной практике по делам о хулиганстве" подчеркивается: "Суды должны отличать хулиганство от других преступлений в зависимости от направленности умысла виновного, мотивов, целей и обстоятельств совершенных им действий.

Действия, сопровождавшиеся угрозами убийством, оскорблением, нанесением побоев, причинением телесных повреждений, совершенные в семье, в квартире, в отношении родственников, знакомых и вызванные личными неприязненными отношениями, неправильными действиями потерпевших и др., должны квалифицироваться по статьям УК, предусматривающим ответственность за преступления против личности. Такие действия могут квалифицироваться как хулиганство лишь в тех случаях, когда они одновременно были сопряжены с грубым нарушением общественного порядка и выражали явное неуважение к обществу" (Бюлетень ... — С. 153).

Это объясняется тем, что хулиганские побуждения весьма специфичны. Они выражают стремление виновного нарушить общественный порядок и проявить неуважение к обществу в целом, к любому лицу, в том числе и к тем, с кем он находится в личных отношениях. Хулиганский мотив превалирует над всеми остальными, становится основным, определяя направленность действий в виде грубого, очевидного для всех, в том числе для самого виновного, нарушения общественного порядка. Вмешательство в происходящие события окружающих, стремление пресечь хулиганские действия, задержать преступника и т.п. может изменить направленность действий хулигана, переключить его внимание на других лиц. Иными могут стать и мотивы совершаемого при этом преступления. Происходит как бы их смещение. Прежние хулиганские побуждения замещаются мотивами противодействия законным требованиям окружающих в форме стремления воспрепятствовать их служебной или общественной деятельности по поддержанию общественного порядка. При этом сами хулиганские действия к моменту вмешательства других лиц могут быть прекращены или же продолжаться.

Единая цепь таких продолжаемых действий с одновременным противодействием требованиям об их прекращении позволяет говорить о наличии двух мотивов, определяющих хулиганские действия, но не противоречащих один другому. В данном случае они совместимы.

В некоторых случаях законодатель сам учел возможность сочетания мотивов в одном и том же преступлении. Например, в числе квалифицирующих признаков, перечисленных в ч. 2 ст. 206 УК, названо сопротивление представителю власти или представителю общественности, выполняющему обязанности по охране общественного порядка, или иным гражданам, пресекающим хулиганские действия. Понятие "связанное", употребляемое в законе, равнозначно понятиям "сопровожающее", "соединенное", "сопряженное", что свидетельствует о второстепенной роли указанных действий, вызываемых обозначенными мотивами, совместимыми с хулиганскими, отражающими прежде всего стремление избежать ответственности за уже совершенное хулиганство или совершаемое в данный момент. Такого рода действия в иных случаях представляют собой самостоятельные преступления, ответственность за которые предусмотрена статьями 188, 188¹. При совершении хулиганства они выступают в роли квалифицирующих признаков в виде учтенной в законе совокупности преступлений.

Вмешательство окружающих в действия хулигана нередко является поводом к совершению иного, подчас более опасного преступления, в частности, убийства в связи с выполнением потерпевшим служебного или общественного долга (п. "в" ст. 93). Совершение таких убийств может не исключать стремления противопоставить свое поведение общественному порядку, общественным интересам, проявления пренебрежения к окружающим и т.п., составляющих суть хулиганских побуждений. Именно поэтому возникает необходимость квалификации содеянного одновременно по пунктам "б" и "в" ст. 93 либо по частям 2 и 3 ст. 206 и п. "в" ст. 93 в тех случаях, когда ко времени убийства потерпевшего в связи с выполнением им общественного или служебного долга хулиганские действия уже были прекращены. Такая квалификация не противоречит высказанным соображениям о наличии в действиях виновного одного или нескольких определяющих мотивов (совместимых между собой), об их замещении и сочетании.

Мотивы совершения умышленных убийств в связи с

выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга могут иметь разное содержание, но так или иначе они вызываются его общественно полезной деятельностью в целом или отдельными действиями, связанными с ее выполнением (месть, боязнь разоблачения, опасение, что выполнение потерпевшим своего долга затруднит совершение преступления, стремление противостоять законным требованиям о прекращении преступной деятельности в данный момент, избежать задержания и т.п.). Возможность сочетания таких мотивов с хулиганскими более четко прослеживается при посягательстве на жизнь работника милиции или народного дружинника в связи с их деятельностью по охране общественного порядка, ответственность за которое предусмотрена ст. 190¹. Указанные преступления имеют собственный мотив в виде стремления противодействовать законной деятельности потерпевших по охране общественного порядка или отомстить за такую деятельность. Он сочетается с хулиганскими побуждениями как в случае перерастания хулиганства в более опасное преступление, когда оно сразу направлено против указанных лиц, так и при совершении двух самостоятельных преступлений (их совокупности), посягающих на различные непосредственные объекты, — общественный порядок и порядок управления.

При перерастании хулиганства в посягательство на жизнь работников милиции или народных дружинников хулиганские мотивы выступают в роли побочных. Они не изменяют и не могут изменить сущности совершения более опасного преступления, поскольку именно оно выражает крайнюю степень пренебрежения к интересам окружающих и предъявляемым требованиям о надлежащем поведении. Именно поэтому вопрос о конкуренции решается в пользу этого мотива при совершении единичного преступления.

Вопрос о конкуренции части и целого возникает и по делам о приготовлении к преступлению и покушении на него. По общему правилу каждая из последующих стадий совершения одного и того же единичного преступления “поглощает” предыдущую и виновный несет ответственность лишь за последнюю из выполненных стадий (за оконченное преступление или наиболее близкую к нему стадию). Однако решение этого вопроса зависит и от направленности умысла, степени его осуществления при совершении преступления. Например, причинение тяжких телесных повреждений, опасных для жизни в момент

причинения, может быть квалифицировано и как умышленное тяжкое телесное повреждение, и как покушение на убийство. При доказанности прямого умысла на убийство (о чем должны свидетельствовать объективные и субъективные признаки) вопрос о конкуренции двух норм решается в пользу умышленного лишения жизни. При совершении хищения, когда умысел виновного был направлен на хищение в значительном, крупном или особо крупном размере, но это не было осуществлено по не зависящим от воли виновного причинам, содеянное квалифицируется как покушение на хищение в соответствующем размере.

Конкуренция части и целого может возникнуть и при квалификации действий соучастующих лиц. Когда имеет место конкуренция самостоятельной нормы и нормы о соучастии в более тяжком преступлении, применяется последняя. Например, заранее обещанная реализация похищенного, систематическая скупка, приобретение заведомо добытого преступным путем (ст. 213) может представлять собой соучастие в хищении в виде пособничества (при осведомленности виновного о форме и размере совершаемого хищения, так как иначе было бы неизвестно, чему он способствовал).

При конкуренции норм как части и целого одна из них полностью охватывает все признаки совершенного деяния, вторая — лишь частично. Применяется та норма, которая полнее, богаче по содержанию и уже по объему, т.е. та, что предусматривает наибольшее количество фактических признаков совершенного преступления и вместе с тем распространяется на наименьшее число преступлений, кроме данного. Правила конкуренции применяются к сравнимым по степени общественной опасности деяниям. Если способ совершения одного из них более опасен, то применяется именно норма, которая его предусматривает, хотя правила конкуренции говорят об обратном.

Одна из характерных черт развития уголовного законодательства — выделение специальных норм, дифференцирующих ответственность за совершение конкретной разновидности преступлений, что соответствует общим принципам уголовной политики государства. В то же время при создании таких норм следует избегать их излишнего нагромождения, что нередко наблюдается. Само по себе введение той или иной специальной ответственности еще не обеспечивает защиты правоохраняемых интересов.

§ 3. Особенности квалификации единичного преступления при соучастии

Квалификация преступления осложняется, если оно совершено несколькими лицами, выполнявшими при этом одинаковые или разные роли, что при наличии соответствующих признаков, указанных в законе, рассматривается как соучастие, т.е. совместное умышленное участие двух или более лиц в совершении преступления (ст. 19). Осложнения возникают в связи с тем, что в одних случаях соучастие выступает в роли конструктивного признака основного состава преступления, в других — квалифицированного, в третьих — самостоятельно, как собственно соучастие (соучастие в тесном смысле слова) в виде пособничества при совершении преступления другим лицом — исполнителем (или группой лиц), организации преступления или подстрекательства к нему.

При рассмотрении оснований и пределов ответственности за соучастие особое значение имеют некоторые отправные положения, непосредственно связанные с квалификацией: 1) об общих принципах ответственности соучастников; 2) о специфике квалификации действий соучастников в зависимости от формы соучастия и их личной роли в содеянном (вида соучастия); 3) об особенностях квалификации действий соучастников при эксцессе исполнителя, добровольном отказе от совершения преступления, неудавшемся подстрекательстве или пособничестве; 4) о влиянии на квалификацию действий соучастников личности исполнителя преступления, в частности, специального субъекта.

Прежде всего отметим, что соучастие не образует каких-то особых оснований уголовной ответственности. Общие положения (ст. 3) в равной мере распространяются и на случаи совершения преступления несколькими лицами совместно, поскольку иного в законе не указано. Это имеет принципиальное значение. Для привлечения каждого из соучастников к уголовной ответственности необходимо установить, что он действительно причастен к совершению общественно опасного действия (бездействия), которое предусмотрено в качестве преступления в Особенной части УК. Однако совершенные отдельным соучастником действия в данном случае рассматриваются не изолированно, а в совокупности с действиями других лиц, т.е. выясняется и оценивается, какие вредные (общественно опасные) последствия наступили или могли наступить в результате их совместных действий, а затем уже исследуется вопрос, в каких пределах и в каком объеме каждый

из них должен привлекаться к уголовной ответственности. Таким образом, решение вопроса о соучастии конкретного лица возможно лишь после установления в совместных действиях всех соучаствующих лиц признаков общего понятия преступления и оснований уголовной ответственности — состава того или иного преступления. Однако такой подход может рассматриваться лишь как предваряющий решение вопроса о квалификации по существу.

Условия и порядок ответственности соучастников в полном объеме определяются формой соучастия и функциями (ролью), выполняемыми при совершении преступления каждым из них.

В зависимости от структуры связи между соучастниками, степени их организованности принято выделять: простое соучастие (соисполнительство или совиновничество) и сложное (с распределением ролей). Но это не обеспечивает в полной мере решение вопросов квалификации, поскольку соисполнение (т.е. одинаковое или разное исполнение ролей фактическими исполнителями) возможно при совершении любого умышленного преступления, которое, став групповым, осложняет оценку. Структура связи лишь иногда характеризуется так называемым сложением действий исполнителей, но нередко не укладывается в рамки обозначенных форм, оказывается сложнее.

В законодательстве предусматривается ответственность за совершение преступлений: группой лиц по предварительному сговору (преступления против собственности — ч. 2 статей 81—84, 86², 140—144, спекуляция — ч. 2 ст. 154, обман покупателей — ч. 2 ст. 155, обман заказчиков — ч. 2 ст. 155¹, незаконная торговая деятельность — ч. 2 ст. 155⁶ и др.) и без него, т.е. просто группой (изнасилование — ч. 3 ст. 117); организованной группой (искусственное повышение или поддержание высоких цен на товары народного потребления и услуги населению — ч. 2 ст. 155⁵, незаконная торговая деятельность — ч. 3 ст. 155⁶ и др.); преступным сообществом (бандитизм — ст. 69).

Кроме того, предусматривается также ответственность за организацию преступной группировки с целью нападения на администрацию ИТУ, терроризирования заключенных, вставших на путь исправления, или активное участие в ней (ст. 69¹), преступную деятельность групп лиц, организовавших для занятия контрабандой (ст. 70), организацию или активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок (ст. 187³),

создание не предусмотренных законодательством военизированных формирований или групп либо участие в их деятельности, а также предоставление им оружия или воинского снаряжения (ст. 187⁶), организацию групповых действий, направленных на самовольное занятие земельного участка либо самовольное строительство жилого дома, дачи, хозяйственной или бытовой постройки, а также непосредственное участие в этих групповых действиях (ст. 199), организацию или руководство группой, деятельность которой, осуществляемая под предлогом проповедования религиозных учений или выполнения религиозных обрядов, сопряжена с причинением вреда здоровью граждан или половой распущенностью (ст. 209).

Перечисленные разновидности преступной деятельности выходят за пределы обычного соучастия, вышеназванных его форм.

За основу классификации соучастия на формы в уголовно-правовой литературе принимаются различные признаки — наличие или отсутствие предварительного сговора между соучаствующими лицами, степень организованности, распределение ролей и т.п., тогда как формой принято обозначать очертание (обрисовку) внешних признаков того или иного явления. Оригинальную точку зрения по рассматриваемому вопросу высказал Ф.Г. Бурчак, предложивший трехчленную классификацию соучастия: 1) собственно соучастие (с распределением ролей) — ст. 19 Общей части УК; 2) соучастие особого рода, ответственность за которое предусмотрена в статьях Особенной части УК; 3) соисполнительство, при котором каждый из сообща действующих лиц непосредственно своими действиями полностью или частично осуществляет преступления, предусмотренные Особенной частью УК, которые не включают признаки группового преступления.

Соучастие особого рода, по его мнению, охватывает три вида преступных групп: группу лиц, действующих сообща; группу лиц, действующих по предварительному сговору, и группу лиц, образовавших стойкое преступное сообщество¹.

Предложенная схема не охватывает такую недавно вновь появившуюся форму соучастия, как организованная

¹ Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. — Киев, 1969. — С. 66.

группа¹, занимающую промежуточное место между преступным сообществом и группой лиц, действующих по предварительному сговору.

Рассмотрим названные формы соучастия подробнее, внося необходимые коррективы применительно к квалификации, поскольку по содержанию они пересекаются (признаки одной входят в признаки другой), затрудняя применение закона.

Простое соучастие — соисполнительство (в том виде как оно обозначено) характеризуется тем, что действующие совместно лица непосредственно выполняют объективную сторону состава умышленного преступления.

Их действия в одних случаях имеют существенные расхождения, совпадая лишь по общей направленности, в других — почти неразличимы и могут быть даже одинаковыми. Это не имеет значения для правовой оценки содеянного. В то же время действия каждого соисполнителя в одних случаях содержат признаки состава преступления в полном объеме (являются исполнительскими в чистом виде), в других — столь различаются внешне, что некоторые из них напоминают пособничество. Именно они и вызывают затруднения при квалификации, поскольку деяния, не представляющие непосредственного исполнения преступления, могут выходить за пределы данной формы соучастия, образуя так называемую сложную форму (с распределением ролей), либо утрачивать самостоятельное правовое значение, перерастая в более опасные формы совершения преступления — группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Квалификация может измениться из-за конструктивных признаков состава преступления, что требует решения комплекса вопросов: идет речь о простом или сложном преступлении; предусматривается ли в качестве обязательных признаков данного вида преступления его совершение группой лиц и какой именно; не относится ли данный признак к числу квалифицирующих и в чем конкретно он выражается; не содержит ли рассматриваемый состав преступления в качестве обязательных особых признаков

¹ До введения ныне действующего законодательства предусматривалась ответственность по Указу от 4 июня 1947 г. за хищения, совершаемые организованными группами (шайками), что породило в то время различные толкования в теории о сущности и признаках данной формы соучастия из-за неопределенности и сложности ее отграничения от иных форм соучастия. Данное понятие было заменено на более широкое — совершение преступления по предварительному сговору группой лиц.

исполнителя (специальный субъект) и т.п. К тому же в законодательстве понятие соисполнителя отсутствует. В теории и на практике соисполнителями признаются те соучастники, которые в составе группы из двух и более лиц непосредственно совершают одно и то же умышленное преступление, т.е. понятия исполнитель и соисполнитель отождествляются. Между тем исполнитель и соисполнитель фигуры неравнозначные. В любом преступлении, где объективную сторону состава выполняют два и более лица, они могут быть: исполнителями, когда каждый из них своими действиями выполняет состав преступления; исполнителями и соисполнителями, если одни из них полностью выполняют преступление, а другие одновременно содействуют этому каким-либо способом или только частично выполняют объективную сторону состава (элемент объективной стороны).

Простое преступление, характеризующееся одним действием и одним последствием, совершаемое в соучастии, отличается тем, что в действиях одного или нескольких лиц должны присутствовать признаки полного состава преступления, т.е. его исполнительство, тогда как для соисполнения, если оно при этом имело место, возможно выполнение и отдельных частей (элементов) состава, относящихся прежде всего к объективной стороне. Например, исполнителем изнасилования может быть признан только тот, кто непосредственно совершил насильственный половой акт, а не лицо, применившее психическое или физическое насилие к потерпевшей, — соисполнитель.

Соисполнительство в обозначенном варианте весьма близко соприкасается с пособничеством в виде оказания содействия исполнителю, но соисполнитель в данном случае применяет насилие к потерпевшей (один из признаков объективной стороны рассматриваемого преступления) и потому пособником не может быть признан¹.

В п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 4 от 27 марта 1992 г. "О судебной практике по делам об изнасиловании и иных половых преступлениях" сказано: "По смыслу ст. 19 УК действия лица, которое не совершило и не имело намерения совершить

¹ В судебной практике иногда встречаются случаи такого соисполнительства со стороны женщин (не могущих быть субъектом данного преступления), их действия квалифицируются как пособнические. Аналогично расцениваются и действия мужчин, не способных совершать половые акты в силу болезни, физических и физиологических аномалий.

половой акт, но непосредственно применило физическое насилие, угрозу или привело потерпевшую в беспомощное состояние с целью изнасилования ее другим лицом, должны рассматриваться как соисполнительство в этом преступлении.

Действия участника группового изнасилования подлежат квалификации по ч. 3 ст. 117 и в том случае, когда другие участники преступления из-за невменяемости, недостижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, либо по иным предусмотренным законом основаниям не были привлечены к уголовной ответственности” (Бюлетень ... — С. 85).

В п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 1 от 1 апреля 1994 г. “О судебной практике по делам о преступлениях против жизни и здоровья человека” подчеркивается: “В случае, когда к уголовной ответственности привлечено несколько лиц, действовавших совместно, с умыслом, направленным на лишение жизни потерпевшего или причинение вреда его здоровью, суды должны исследовать характер действий, степень участия в преступлении каждого из них и отражать это в приговоре.

Действия лиц, которые непосредственно принимали участие в лишении жизни потерпевшего или причинении вреда его здоровью, надлежит квалифицировать по статьям Уголовного кодекса, предусматривающим ответственность за умышленное убийство или умышленное причинение телесного повреждения. Действия организаторов, подстрекателей и пособников, которые не были соисполнителями преступления, необходимо квалифицировать по тем же статьям со ссылкой на соответствующую часть ст. 19 УК Украины (Бюлетень ... — С. 76, 77).

Из приведенного видно, что соисполнительство не предполагает обязательного выполнения каждым соучастником всех действий, предусмотренных составом преступления, в полном объеме. Нередко они совершаются так, что каждый из соисполнителей выполняет только часть объективной стороны преступления. При этом указанные в законе последствия наступают лишь в результате их совместных действий, каждое из которых является неотъемлемой частью объективной стороны совершаемого преступления, подпадает под ее признаки. Причем действия, выполняемые отдельными соисполнителями, сами по себе могут оказаться недостаточными для осуществления преступления в целом (в полном объеме), внешне напоминая оказание той или иной помощи, содействия другим уча-

стникам, как бы дополняя их действия. Однако для оценки действий соисполнителей решающее значение имеет не их объем, а непосредственное участие последних в выполнении объективной стороны состава.

Действия соисполнителей связаны между собой так, что каждое из них является необходимым условием выполнения всех остальных, и только во взаимосвязи они образуют единый процесс выполнения объективной стороны состава преступления. Совершенное всеми ими вменяется каждому в полном объеме и квалифицируется одинаково без ссылки на ст. 19.

При соисполнительстве ответственность каждого участника определяется тем, что его действия находятся в причинной связи с общим преступным результатом. Все содеянное ими вменяется в вину каждому соисполнителю как вред, причиненный им самим в пределах общего умысла, хотя бы, например, смерть потерпевшего и наступила от ранения, причиненного одним из участников убийства, а остальные только успели нанести ранения, не опасные для жизни и здоровья, либо вообще не наносили никаких телесных повреждений, а только держали потерпевшего, обеспечивая совершение убийства одним из них.

В то же время отсутствие у лиц сознания того, что ими совместно совершается одно, общее для них преступление, исключает квалификацию их действий по правилам соисполнительства, если даже внешне такого рода действия выглядят как единый процесс выполнения объективной стороны состава одного и того же преступления. Указанное, в частности, проявляется при совпадении действий, вне сговора и соучастия, в целом.

Соисполнительство возможно при совершении любого умышленного преступления как в виде присоединения действий в момент совершения преступления при молчаливом согласии на это участвующих лиц (конклюдентного сговора), так и их обусловленности заранее. Квалификация определяется в зависимости от конструктивных признаков, указанных в законе, в частности, касающихся характера, специфики группового совершения преступления.

При совершении сложных преступлений, состоящих из двух действий (например, спекуляции — ст. 154), объективная сторона состава может быть выполнена соисполнителями не только раздельно (по частям), но и в разное время, в разных местах и т.п. (например, одни из них занимаются скупкой товаров, другие — их перепрода-

жей)¹. По частям могут быть совершены и некоторые другие сложные преступления, в частности, составные (например, бандитизм (ст. 69) — в виде организации банды, участия в ней, совершения преступлений всеми участниками банды или отдельными из них).

Для квалификации действий соисполнителя имеет значение не только сознание им того, что он действует не в одиночку, но и собственной роли при совершении преступления: в качестве кого он выступает, в чем выражается его вклад в совершаемое или кому и в чем он способствует, содействует, помогает, либо что укрывает, о чем не доносит, если речь идет о прикосновенности к преступлению. Ошибки, проистекающие из недооценки этих обстоятельств, не так уж редки в следственной и судебной практике.

При соисполнительстве виновный должен осознавать фактическое содержание и общественную опасность не только собственных преступных действий, но и действий других лиц — участников совместно совершаемого преступления, а также то, что единый преступный результат, предусмотренный в законе, достигается их совместными усилиями. Это полностью касается любой групповой преступности, в том числе организованной, носящей более сложный характер, чем простое соисполнительство, когда распределение ролей между участниками группы не имеет самостоятельного правового значения. В этой связи особое значение приобретает конкретное содержание умысла лиц, в той или иной мере причастных к преступлению, причем отдельно применительно к самому факту (деянию) и к действиям, совершаемым совместно с другими лицами, — соисполнителями группового преступления (к соучастию). Это необходимо как для определения самой формы соучастия, так и действительной роли (участия) конкретных лиц в преступлении, отграничения соисполнительства от соучастия (пособничества) в групповой преступной деятельности.

Фигура соисполнителя, по сравнению с главным виновником совершения преступления — исполнителем, все же

¹ В п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 4 от 25 июня 1982 г. "О практике применения судами законодательства об ответственности за спекуляцию" сказано: "Соисполнительство в спекуляции заключается в непосредственном участии двух или более лиц в скупке и перепродаже товаров с целью наживы, в том числе в случае распределения между ними ролей, когда скупка осуществлялась одним, а перепродажа — другим участником преступления" // Бюлетень ... — С. 124.

второстепенна. Общественная опасность исполнителя, как правило, выше, чем соисполнителя, поскольку от решимости первого, его непосредственных действий по осуществлению преступления, а подчас и его возможностей всецело зависит доведение последнего до завершения, достижение результата совместных усилий нескольких лиц.

Следует также подчеркнуть, что соисполнительство может быть как с предварительным сговором, так и без него, возникая во время совершения преступления. Момент сговора обычно не имеет значения ни для данной формы соучастия, ни для состава совершаемого преступления, если иное не оговорено в самом законе. Например, от того, совершено ли соисполнителями убийство, самоуправство и т.п. по сговору на месте, в момент совершения преступления или же заранее, квалификация не изменяется. Важно, чтобы каждый из них имел непосредственное отношение к объективной стороне состава, совершал действия, относящиеся к ней. В случаях же совершения квалифицированных посягательств на собственность (кражи, грабежа, разбоя, вымогательства и т.п.) момент сговора приобретает особое значение, непосредственно определяя квалификацию. Вне такого сговора содеянное должно квалифицироваться только по первой части соответствующей статьи (для каждого субъекта отдельно).

Сложное соучастие (соучастие в тесном смысле слова или собственно соучастие) характеризуется тем, что действия, образующие состав преступления, совершаются только исполнителем (исполнителями). Все остальные лица выступают в иной роли (организаторов, подстрекателей, пособников), и их действия квалифицируются по той же статье УК, что и действия исполнителя, с применением ст. 19. Взятые вне связи с действиями исполнителя, они сами по себе не причиняют непосредственного вреда объекту посягательства, создавая лишь условия для совершения преступления исполнителем. Основания ответственности определяются той ролью, которую эти лица фактически выполняли.

Каждый из названных соучастников характеризуется своими собственными (специальными) признаками, имеющими самостоятельное правовое значение.

Исполнитель — лицо, непосредственно выполняющее действия, образующие состав умышленного преступления, в полном объеме (при соисполнительстве возможно сложение действий, при покушении на преступление — соучастие других лиц, в частности, в качестве пособников).

Именно действиями исполнителя причиняется конкретный вред объекту посягательства.

Если организатор преступления или подстрекатель к нему принимают непосредственное участие в совершении преступления, т.е. в той или иной мере выполняют объективную сторону состава преступления, указанного в законе, они становятся исполнителями (соисполнителями). Содеянное ими квалифицируется без ссылки на ст. 19 УК. Последняя применяется только к тем из них, а также к пособникам, которые не выполняют действий, образующих состав конкретного преступления, не принимают непосредственного участия в его совершении.

К исполнителям относятся и руководители преступления, которые находились на месте преступления и руководили действиями остальных участников. Именно о них упоминается в ст. 71 УК (массовые беспорядки), ст. 187³ (организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок), ст. 187⁴ (нарушение порядка организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций), ст. 209 (посягательство на личность и права граждан под видом выполнения религиозных обрядов) и др.

С субъективной стороны действия исполнителя характеризуются умыслом. Его сознанием охватывается, что он с другими лицами, при их содействии (или сообщая с ними) совершает определенное умышленное преступление и при этом желает или сознательно допускает наступление общественно опасного результата.

Значение действий исполнителя определяется также тем, что совершенное им есть содеянное всеми соучастниками, действующими совместно с ним. Действиями исполнителя определяется стадия совершения преступления в соучастии и тем самым — границы (пределы) ответственности каждого соучастника.

Подстрекатель — соучастник, являющийся инициатором совершения преступления. В ч. 5 ст. 19 УК указано, что “подстрекателем признается лицо, склонившее к совершению преступления”. Употребление причастия прошедшего времени в данной норме имеет немалый практический смысл. Такое указание означает: во-первых, совершение подстрекателем действий, направленных к тому, чтобы возбудить у другого лица решимость совершить преступление, и оно всегда предшествует последнему; во-вторых, возникновение именно под влиянием (непосредственным воздействием) подстрекателя умысла на со-

вершение преступления у исполнителя; в-третьих, совершение исполнителем (подстрекаемым данным лицом) хотя бы приготовления к совершению преступления, так как иначе может идти речь о неудавшемся подстрекательстве. Только при наличии всех указанных признаков подстрекательство считается совершившимся.

С внешней (объективной) стороны подстрекательство обозначает удавшееся склонение другого лица к совершению преступления. Способы склонения могут быть разными: убеждение и принуждение; угрозы и лесть; подкуп и просьба и т.п. Однако при любом из них действия подстрекателя должны представлять, как сказано в ст. 19 УК, "совместное участие ... в совершении преступления", т.е. обуславливать деяние подстрекаемого, иметь с ним единый преступный результат и находиться с этим результатом в причинной связи.

Подстрекательство может быть словесным и письменным, а также в форме конклюдентных действий (жестов). Важно, что в результате такого воздействия у других соучастников возникает решимость совершить определенное преступление и они совершают его.

С субъективной стороны подстрекательство характеризуется желанием, чтобы преступление было совершено, т.е. прямым умыслом по отношению к своим собственным действиям. Объективная зависимость между действиями подстрекателя и подстрекаемого им к преступлению лица, причинная связь между усилиями подстрекателя и последствиями деяния подстрекаемого накладывает свой отпечаток на содержание умысла совместно действующих лиц. Умысел подстрекателя включает: а) сознание общественной опасности собственного влияния на другое лицо и активную устремленность на достижение поставленной цели — т.е. своих действий и их последствий; б) сознание характера того преступления, к совершению которого он склоняет подстрекаемого; в) предвидение совместного преступного результата; г) желание (как правило) или сознательное допущение наступления этого результата.

Раздельное рассмотрение направленности умысла подстрекателя по отношению к своим собственным действиям и к совершаемому исполнителем его воли преступлению позволяет более четко определить действительные признаки данного вида соучастия и правильно квалифицировать содеянное.

Подстрекательство возможно только по отношению к вменяемому лицу, достигшему возраста уголовной ответственности применительно к совершенному преступлению. В противном случае имеет место посредственное исполне-

ние (посредственное виновничество), когда невменяемый или малолетний рассматриваются как орудие (средство) совершения преступления и все содеянное ими вменяется в вину подстрекателю как исполнителю. Подстрекательство несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности, рассматривается одновременно и как вовлечение их в преступную деятельность (ст. 208 УК).

Пособник — соучастник, содействующий (способствующий) исполнителю в совершении преступления. Различается интеллектуальное и физическое пособничество. Первое состоит в том, что пособник содействует исполнителю различного рода советами, рекомендациями, указаниями, оказывает ему помощь в уяснении обстановки, выборе места совершения преступления, определении условий, способа посягательства и т.п. Второе (физическое пособничество) заключается в предоставлении исполнителю орудий и средств совершения преступления, в создании необходимых условий, обеспечивающих совершение преступления. Пособничество может заключаться также в устранении препятствия для совершения преступления исполнителем (например, в отвлечении внимания сторожа от наблюдения за охраняемым объектом и т.п.).

Если интеллектуальное пособничество характеризуется только действиями, то физическое возможно как путем действия, так и бездействия. Пособник отличается от исполнителя тем, что он не совершает непосредственно действий, образующих объективную сторону состава преступления. В отличие от исполнителя (соисполнителя) он непосредственно не причиняет вреда объекту посягательства, однако, независимо от характера, его действия являются необходимым условием совершения преступления и находятся в причинной связи с преступным результатом. Если такая причинная связь отсутствует, то нет и соучастия. Именно это отличает его от других сходных по внешним признакам действий, в частности, от лжесвидетельства, использования результатов совершения преступления и т.п.

Интеллектуальное пособничество имеет некоторое сходство с подстрекательством посредством воздействия на исполнителя, так как и в том, и в другом случае это воздействие на исполнителя может оказываться в форме советов, указаний и т.п. Но по своему содержанию, по своей объективной стороне и по направленности умысла указанные виды соучастия существенно различаются. В отличие от подстрекательства интеллектуальное пособничество не вызывает у исполнителя решимости совершить

преступление, ибо она у него уже имеется независимо от пособника. Роль последнего сводится к тому, чтобы содействовать осуществлению преступного замысла исполнителя. Он как бы подкрепляет намерения исполнителя совершить преступление (придает ему уверенность в их осуществимости). Но только подстрекатель склоняет исполнителя к преступлению. Такой роли пособник никогда не выполняет, иначе он перестает быть пособником и становится подстрекателем. Интеллектуальное пособничество не составляет инициативного начала преступления и поэтому менее опасно, чем подстрекательство.

С субъективной стороны пособничество всегда является умышленным. Пособник сознает, что оказывает содействие исполнителю в достижении преступного результата, который он предвидит и желает либо сознательно допускает.

В тех случаях, когда действия виновного лишь объективно способствуют преступлению без умысла оказать такое содействия исполнителю, они не образуют пособничества. В большинстве случаев такое соучастие совершается с прямым умыслом. Мотивы и цели преступления у пособника могут отличаться от мотивации исполнителя. Однако это не имеет самостоятельного правового значения, поскольку квалификация определяется тем, чему он способствовал, а не тем, чем он руководствовался. Его сознанием охватывается характер совершаемого преступления, в том числе мотивы и цели действий, хотя бы в общих чертах, так как иначе утрачивается смысл соучастия.

Пособничество бывает трех видов:

1. Пособничество, создающее возможность приступить к совершению преступления на стадии его приготовления.

2. Пособничество в виде содействия исполнителю в момент совершения действий, посредством которых он достигает преступного результата (со стадии покушения до момента окончания преступления). Например, сторож преднамеренно пропускает преступника на территорию склада для совершения хищения.

Оба названных вида пособничества относятся к пособничеству в тесном (собственном) смысле слова. Деятельность пособника при этом находится в прямой причинной связи с преступным результатом.

3. Пособничество, которое заключается в заранее обещанном укрывательстве (сокрытии) преступника или следов преступления, что фактически осуществляется после окончания преступления. Пособничество в данном случае возникает не в момент сокрытия преступника или следов

преступления, а в момент дачи такого обещания, т.е. преступник (исполнитель), совершая преступление, заранее рассчитывает на подобное содействие, а пособник желает или сознательно допускает преступный результат.

В целом для пособничества характерно следующее: 1) оно возможно при совершении любого умышленного преступления; 2) пособничество всегда заключается в содействии совершению определенного преступления; 3) оно в любом случае оказывается конкретному лицу или группе лиц; 4) для наличия пособничества требуется, чтобы лицо, которому оказывается содействие, сознательно его восприняло и использовало, выразив любым путем свое согласие.

Организатор — лицо, не только явившееся инициатором совершения преступления, что присуще и подстрекателю, но и объединяющее соучастников, спланивающее их для достижения преступных целей. Причем, выполняя свою роль, организатор может и не совершать непосредственно действий, образующих состав преступления, и даже не присутствовать на месте, где оно осуществляется. Однако его действия являются необходимым условием осуществления преступления исполнителем (соисполнителями) и находятся в причинной связи с достигаемым преступным результатом.

С субъективной стороны организатор действует всегда с прямым умыслом. Он осознает общественно опасный характер своих собственных действий, направленных на совершение преступления через исполнителя или вместе с ним (с другими соучастниками).

Преступное сообщество представляет собой устойчивое объединение двух и более лиц, специально организовавшихся для совершения определенных преступлений, представляющих особую общественную опасность, и обеспечения условий, необходимых для осуществления преступной деятельности его участников, хотя поставленные цели могут быть и не достигнуты. По действующему законодательству эта форма соучастия, влекущая уголовную ответственность за саму организацию сообщества, участие в нем (вступление в него), присуща только двум составам преступления — бандитизму (ст. 69) и действиям, дезорганизирующим работу исправительно-трудовых учреждений (ст. 69¹). Причем за бандитизм возможна ответственность и членов банды, не принимавших участия в осуществляемых бандой нападениях, а по ст. 69¹ УК — и за активное участие в предусмотренных ею преступных группировках и их организацию.

Для отнесения группы лиц к преступному сообществу

помимо названных общих признаков требуется наличие специальных признаков, предусмотренных в законе. Одним из таких специальных признаков является цель создания преступного сообщества. Так, банда организуется для совершения нападений на государственные, общественные учреждения или предприятия либо на отдельных граждан; группировка заключенных — для терроризирования лиц, вставших на путь исправления, или нападения на администрацию мест лишения свободы. Кроме того, должны быть в наличии и дополнительные признаки, подчеркивающие специфику сообщества, — наличие вооруженности для бандитизма, принадлежность к специальным субъектам, если речь идет о преступлении, предусмотренном ст. 69¹ УК (лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, а по ч. 2 указанной статьи — особо опасные рецидивисты, а также лица, осужденные за тяжкие преступления).

Участники преступного сообщества могут выполнять одинаковые или разные роли (их действия квалифицируются одинаково). Каждый из них действует для достижения общих преступных целей данного сообщества как единого целого. Причем взаимосвязь действий участниками осознается. Все они одобряют общий преступный план (замысел) сообщества и методы его осуществления, достижения цели. Участники сообщества несут ответственность как исполнители независимо от выполняемой роли. Однако лишь за те преступления, в которых они принимали непосредственное участие.

Бандитизм следует отграничивать от преступлений, совершаемых организованными группами, имеющих иные основания ответственности участников.

Совершение преступления *организованной группой* (в отличие от банды как соучастия особого рода) предполагает конкретные действия каждого участника, направленные к достижению единой цели, — совершению преступления групповым способом. Сама по себе организация такой группы не является окончательным составом преступления, как и вхождение в нее, принадлежность к ней без совершения конкретного преступления, для чего она и предназначена. Указанные действия могут свидетельствовать о приготовлении к соответствующему преступлению.

Организованная группа как квалифицирующий признак предусмотрена в ряде составов преступлений (ч. 3 ст. 86¹, ч. 3 ст. 144, ч. 3 ст. 154 и др.).

Организованная группа близко соприкасается и с таким квалифицирующим признаком ряда составов преступлений как группа лиц, совершающих преступление *по предвари-*

тельному сговору. Без сговора ни организовать, ни объединить усилия для совершения одного и того же преступления невозможно. Однако такой сговор сам по себе не свидетельствует об организованности в указанном смысле, а ее уровень, охватываемый предварительным сговором, для квалификации в данном случае значения не имеет. Обе формы групповой преступной деятельности имеют и другие совпадающие (пересекающиеся) признаки.

При совершении преступлений по предварительному сговору группой лиц и организованной группой действия каждого из участников расцениваются как соисполнительские (исполнительские), независимо от фактически выполняемой роли.

Например, при отграничении вымогательства, совершенного по предварительному сговору группой лиц, от вымогательства, совершенного организованной группой, Пленум Верховного Суда Украины рекомендует исходить из степени организованности виновных лиц: "Под организованной группой применительно к преступлениям против частной собственности следует понимать устойчивое объединение двух и более лиц, специально организовавшихся для совместной преступной деятельности. На наличие этого квалифицирующего признака могут, в частности, указывать: разработанный (хотя бы в общих чертах) и одобренный участниками группы план преступной деятельности или совершения конкретного преступления, распределение ролей, наличие организатора (руководителя), прикрытие своей деятельности как своими силами, так и с помощью посторонних лиц (в том числе и подкупом должностных лиц путем дачи взятки), вербовка новых членов, наличие общих правил поведения и т.п.

Если организованная группа представляет собой вооруженную банду, ответственность ее членов, совершивших вымогательство, наступает по ст. 69 УК. Дополнительной квалификации по ч. 3 ст. 144 УК в таких случаях не требуется (п. 26 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 12 от 25 декабря 1992 г. "О судебной практике по делам о корыстных преступлениях против частной собственности" // Бюлетень ... — С. 104).

Таковы основания и пределы уголовной ответственности соучастников в зависимости от форм соучастия и роли лица в совершении преступления, имеющие непосредственное отношение к квалификации преступлений.

Однако рассмотрение указанных вопросов было бы неполным без выяснения специфики правовой оценки соучастия в преступлениях со специальным субъектом.

Примерно в трети статей Особенной части УК, наряду с обязательными признаками субъекта (определенным возрастом и вменяемостью) указаны и факультативные признаки (род занятий, служебное положение, гражданство и др.), свидетельствующие о специальном субъекте.

Затруднения при квалификации вызывает прежде всего то, что допускается путаница двух понятий: “специального субъекта” и “специального исполнителя преступлений” (исполнителя и соисполнителя, с одной стороны, и соисполнителя и пособника — с другой).

В ст. 231 УК разъяснены пределы ответственности соучастников применительно к умышленным воинским преступлениям: как исполнители воинских преступлений несут ответственность военнослужащие и приравненные к ним по закону лица, а за выполнение ролей других соучастников отвечают и лица, не упомянутые в составах воинских преступлений. Таким образом, организаторы, подстрекатели и пособники могут нести ответственность за совершение умышленного воинского преступления, несмотря на то, что они не относятся к числу военнослужащих и приравненных к ним лиц.

По своему значению это разъяснение выходит за рамки воинских преступлений и указывает путь определения принципов ответственности соучастников и других преступлений со специальным субъектом (должностных, транспортных и т.д.). Если исполнителями таких преступлений могут быть только лица, обладающие помимо общих признаков субъекта и специальными признаками (иначе терялся бы смысл ограничения круга субъектов преступления), то соучастниками подобных преступлений могут быть и другие лица, что соответствует общим положениям ст. 19 УК.

Особое значение фигура соисполнителя приобретает при совершении, в частности, хищений государственного и коллективного имущества группой лиц по предварительному сговору путем присвоения, растраты и злоупотребления служебным положением (ч. 2 ст. 84). Круг лиц, которые могут совершить это преступление, ограничен указанием в законе на должностное положение преступника (при совершении преступления путем злоупотребления служебным положением) либо на его специфическое отношение к расхищаемому имуществу, которое должно быть вверено ему или находиться в его ведении именно в связи с его должностным или служебным положением (при хищении путем присвоения и растраты). Однако в рассматриваемых хищениях нередко принимают непосред-

ственное участие и лица, не обладающие указанными признаками. Квалификация их действий зависит от того, входят они в группу, действующую по предварительному сговору, или нет. При совершении хищений в крупном размере их действия квалифицируются по ч. 3 ст. 84 УК. В п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 4 от 25 июня 1982 г. "О практике применения судами законодательства об ответственности за спекуляцию" отмечается: "Соисполнительство в спекуляции заключается в непосредственном участии двух или более лиц в скупке и перепродаже товаров с целью наживы, в том числе в случае распределения между ними ролей, когда скупка производилась одним, а перепродажа — другим участником преступления" (Бюлетень ... — С. 124).

Из руководящих разъяснений Верховного Суда Украины можно сделать вывод, что, во-первых, исполнитель и соисполнитель — это соучастники далеко не равнозначные. Если исполнителем преступления со специальным субъектом могут быть только определенные лица, то круг субъектов, относящихся к соисполнителям, специальными признаками не ограничен. Во-вторых, действия соисполнителей в отличие от организаторов, пособников и подстрекателей квалифицируются так же, как действия исполнителей, без ссылки на ст. 19. В-третьих, соисполнители могут составлять группу лиц, что является квалифицирующим обстоятельством целого ряда преступлений, тогда как, например, совершение преступления по предварительному сговору исполнителя с пособником не дает основания рассматривать данное преступление как совершенное группой лиц. Пособник никогда непосредственно не участвует в выполнении объективной стороны состава преступления, он лишь оказывает помощь исполнителю, содействует до начала совершения преступления, в момент его осуществления или после него согласно заранее данному обещанию (например, путем укрывательства). Его действия не являются способом совершения самого преступления, в том числе группового, или его частью.

Следовательно, соисполнитель — это лицо, которое участвует в преступлении, но выполняет не весь его состав, что присуще исполнителю, а только отдельные части объективной стороны. Пособник же содействует совершению преступления, но не имеет отношения к объективной стороне преступления вообще.

Таковы основные вопросы квалификации единичных преступлений, совершаемых в соучастии.

ГЛАВА III

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЕДИНИЧНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ЭЛЕМЕНТАМ И ПРИЗНАКАМ

§ 1. Общетеоретические вопросы разграничения преступлений

Для того, чтобы дать правильную правовую оценку совершенному преступлению, необходимо, как уже отмечалось, не только сопоставить фактические обстоятельства содеянного с юридическими признаками конкретного состава преступления, но и отграничить его от других преступлений. Совокупность признаков состава преступления является основным научным инструментом при разграничении преступлений.

В.Н. Кудрявцев предложил использовать для этого построение иерархической системы отличительных признаков: от более общих к более частным, от высшего ранга — к низшему. По его мнению, вначале надо разделить всю имеющуюся совокупность сходных составов на две (или несколько) групп по наиболее общим признакам, затем на более мелкие группы и так до тех пор, пока не останется двух смежных составов, различающихся между собой минимальным числом признаков низшего ранга. В этом плане им предложены программы разграничения преступлений по каждому из четырех известных элементов состава и по нескольким одновременно в виде так называемого комплексного разграничения¹.

Предложенные В.Н. Кудрявцевым варианты логических схем разграничения преступлений дают общее представление о взаимосвязи смежных групп преступлений. Однако сам автор признает их ограниченность, поскольку уголовный закон создавался много лет, при этом нередко нарушались логические соотношения между вводимыми нормами, допускались неоправданные терминологические различия при обозначении одних и тех же явлений, процессов и т.п., что затрудняет применение рекомендуемых схем.

Каждое преступление имеет общие черты с другими преступлениями. В то же время они обязательно чем-то различаются, так как иначе невозможно было бы применять закон. По существу квалификация состоит в равной

¹ См. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. — С. 194.

степени в установлении в содеянном конкретного состава преступления (позитивная форма) и в отграничении его от смежных преступлений (негативная форма), сливаясь в единый процесс познания истины по делу. Вот почему разграничение преступлений нередко называют “обратной” стороной квалификации. Практическое решение данной проблемы всегда вызывает затруднение, и в этой связи важно наметить пути ее решения на научной основе. Один из них заключается в следующем. На основе выведения логических соотношений преступлений, соприкасающихся между собой по элементам и признакам состава, можно представить их соотносимость и определить разграничительные признаки.

Особое значение имеет понятие их сходства¹. Чаще всего имеет место совпадение родового объекта и субъекта преступления. Могут совпадать и другие объективные и субъективные признаки. При совпадении субъективных признаков преступления различаются по объективным признакам и прежде всего по способу посягательства. Преступления, относящиеся к разным родам, различаются прежде всего по объекту (так построены главы действующего УК). По другим признакам состава они могут совпадать в разных вариантах и, напротив, различаться по нескольким одновременно. Разграничение завершается тем, что приведенные в сравнимый вид признаки смежного состава сопоставляются с фактическими признаками деяния. При этом формируется модель одного состава преступления, все признаки которого соответствуют признакам конкретного посягательства, т.е. имеют такое же содержание и так же взаимосвязаны. Весь процесс квалификации осуществляется в принципе комплексно, признаки всех элементов состава сопоставляются со всеми фактическими признаками одновременно, не исключая ни одного из них, так как недостающий признак может оказаться решающим для окончательной правовой оценки содеянного. Для упорядочения этого процесса применяется последовательное сравнение признаков объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны с максимальной конкретизацией относящихся к ним признаков. Поскольку эти вопросы уже подвергались подробному рассмотрению, нет необходимости

¹ Понятием “сходство” в теории принято обозначать близкие по форме преступления, совпадающие между собой прежде всего по объективным элементам (объекту, объективной стороне состава), их отдельным признакам

вновь обращаться к ним. Отметим только, что с логико-правовой точки зрения процесс разграничения преступлений можно представить так:

1) выделение фактических признаков деяния, подпадающих под категории признаков общего понятия вида (рода) преступлений;

2) определение признаков конкретного состава преступления, относящегося к данному виду, с раскрытием содержания уголовно-правовых норм применительно к данному случаю;

3) определение группы смежных составов преступлений, имеющих признаки, совпадающие с признаками данного состава;

4) уяснение содержания и взаимосвязи признаков смежных составов с конкретизированными признаками преступления и определение состава, предусмотренного конкретной нормой УК, соответствующего признакам, установленным по делу.

Процесс разграничения преступлений может осуществляться в разной последовательности, однако в любом случае он должен включать: во-первых, уяснение фактического и юридического содержания признаков разграничиваемых составов; во-вторых, сопоставление этих признаков с выделением (вычленением) сходства и различий между ними; в-третьих, определение искомого состава преступления, признаки которого присутствуют (имеются в наличии) среди фактических обстоятельств; при этом оказавшиеся излишними (не охватываемые им) обстоятельства не должны представлять собой самостоятельный состав преступления, так как в противном случае может идти речь о совокупности преступлений.

Такова общая схема разграничения преступлений по фактическим обстоятельствам, устанавливаемым по уголовному делу, с учетом их юридической значимости.

При разграничении преступлений необходимо не только установить с наибольшей полнотой фактические обстоятельства совершенного преступления, но и определиться с производными признаками (собственными, присущими каждому преступлению и всей совокупности преступлений определенного вида, и несобственными, относящимися не только к ним, но и к другим преступлениям). Поскольку существенные признаки определенного вида преступлений обязательно входят в состав каждого преступления, относящегося к этой группе (они принадлежат данной совокупности в любом случае, определяя ее сущность, содержание), именно они и позволяют отличить данный вид преступления от других видов. Если они не проявились в действительности, то вопрос о межвидовом и внутривидо-

вом разграничении преступлений отпадает сам по себе, свидетельствуя об ошибочном избрании данного вида преступлений для сравнения (если нет видовых признаков, не может быть и признаков, относящихся к конкретному составу). При положительном ответе на данный вопрос для внутривидового разграничения преступлений осуществляется членение (дробление) признаков совершенного преступления до низшего уровня абстракции — т.е. до неделимых признаков. Именно на этом уровне и сопоставляются признаки сравниваемых преступлений с признаками соответствующих составов (их объективной и субъективной сторон) и выводится умозаключение об их совпадении и разграничении.

В качестве основания для сравнения может быть взят любой сравниваемый состав, но, очевидно, прежде всего тот, который в наибольшей мере (с наибольшей полнотой) отражает выявленные по делу фактические признаки преступления (сопоставимые с ним).

Элементы состава преступления, его правовую структуру образуют группы признаков, объединенных в различных сочетаниях в относительно самостоятельные целые его части (объективные и субъективные). Преступления могут совпадать и отличаться между собой по признакам, относящимся к любому элементу состава (объекту, субъекту, объективной и субъективной стороне) и отдельным их компонентам, как существенным (основным), непосредственно определяющим квалификацию (собственным и несобственным), так и выводным (производным), характеризующим указанные признаки (относящимся к ним).

Наибольшие затруднения при разграничении преступлений как раз и вызывают составы преступлений, совпадающие между собой по основным признакам, относящимся к элементам (сторонам) состава в целом, и различающиеся по отдельным выводным признакам, характеризующим их: не умысел вообще, а его направленность; не причинение тяжких телесных повреждений в целом, а их количество, локализация в области жизненно важных органов или, напротив, не представляющих опасности для жизни в момент причинения; не общая характеристика ножа как орудия совершения преступления, а что конкретно он собой представляет (его размер, специфика заточки и т.п.), т.е. относится ли он к холодному оружию или нет; не корыстная направленность посягательства, а в чем конкретно она выразилась, проявилась, и т.п.

В п. 16 постановления Пленума Верховного Суда

Украины № 12 от 25 декабря 1992 г. “О судебной практике по делам о корыстных преступлениях против частной собственности” подчеркивается: “При отграничении вымогательства от грабежа или разбоя следует исходить из того, что при грабеже и разбое насилие или угроза его применения направлены на завладение имуществом в момент их применения. При этом угроза представляет собой такие действия или высказывания, которые выражают намерение применить физическое насилие немедленно. Действия, которые заключаются в насилии или угрозе его применения, направлены на получение имущества в будущем, а также требование передать имущество, соединенное с угрозой применить насилие к потерпевшему либо близким ему лицам в будущем, надлежит квалифицировать как вымогательство.

Если угроза насилием или само насилие были применены с целью завладения имуществом потерпевшего в момент нападения, однако в связи с отсутствием у него имущества требование о передаче последнего виновным лицом было перенесено на будущее, действия такого лица следует квалифицировать в зависимости от характера угроз или насилия как разбой или как покушение на грабеж и по соответствующей части ст. 144 УК (если последующие действия представляли собой вымогательство) (Бюлетень ... — С. 101). Такая квалификация вызывается тем, что как разбой, так и вымогательство относятся к числу формальных преступлений (первый считается совершенным с момента нападения, второе — предъявления преступных требований).

По характеру угрозы (психическому насилию) указанные преступления не различимы и только при ее конкретизации, соотнесении с целью и применяемым средством (способом) удовлетворения корыстной мотивации, отражающими направленность умысла виновного, удается их разграничить.

В этом же постановлении (п. 17) сказано: “Требование, соединенное с соответствующими угрозами или насилием, возратить долг, если он возник по основаниям, предусмотренным ст. 4 Гражданского кодекса, не может рассматриваться как вымогательство.

При наличии соответствующих оснований такие действия могут квалифицироваться как самоуправство, преступление против жизни, здоровья, свободы и достоинства лица и т.п., даже если они совершены из корыстных побуждений” (Бюлетень ... — С. 101). Это подтверждает ту же мысль о конкретизации фактических признаков содеянного.

Таким образом, устанавливаемые материалами дела (при его расследовании и судебном рассмотрении) фактические обстоятельства содеянного выступают в качестве предпосылок квалификации и разграничения преступлений только в том случае, если выводные (юридически значимые) собственные и несобственные признаки с достаточной глубиной конкретизированы и в своей совокупности позволяют определить обязательные признаки соответствующего состава преступления и отграничить его от других смежных преступлений. Именно на этой основе формируется так называемый выводной (искомый) состав, отражающий с наибольшей полнотой сущность совершенного в действительности преступления и его юридическую природу — квалификацию.

Разграничение преступлений практически начинается с выявления группы смежных составов, имеющих общие признаки с рассматриваемым. Резко сузить круг составов, подлежащих дальнейшему рассмотрению, обычно позволяют признаки объективной стороны, касающиеся характеристики самого деяния и наступивших последствий, дающие возможность ориентировочно предположить соответствующий объект посягательства. С помощью указанных признаков осуществляется “выход” на составы, имеющие сходные признаки. Попутно отбрасываются (игнорируются) составы с явно несовпадающими признаками, не относящиеся к данному виду.

Для осуществления непосредственного сравнения совокупности производных признаков, имеющих первостепенное значение для разграничения, осуществляется следующий этап разграничения: конкретизация уголовно-правовых норм. Этот частно-научный метод используется строго применительно к рассматриваемому составу преступления, в рамках имеющихся в наличии фактических признаков содеянного.

Однако прежде, чем осуществить такую конкретизацию, необходимо применить толкование закона во всех формах (грамматическое, логическое, историческое, систематическое) для раскрытия его содержания и установления взаимосвязи непосредственно выраженных в нем признаков состава преступления, а затем конкретизировать их до того уровня, который бы позволил провести сравнение с фактическими признаками посягательства, представляющего общественную опасность. При этом происходит уточнение также тех признаков состава, которые в силу конструктивных особенностей уголовного закона прямо в нем не указаны, а подразумеваются.

Особая роль в разграничении преступлений принадлежит конструкции самого состава, выраженной в норме. В ряде случаев в законе признаки только называются без раскрытия их содержания, что требует особого внимания при их конкретизации. Но основное значение конструкции состава состоит все же в том, что с ее помощью определяется взаимосвязь признаков, их взаимообусловленность. При разграничении преступлений должны приниматься в расчет логические соотношения элементов и признаков.

В практике встречаются три варианта логически соотносимых преступлений:

1) составы преступлений, не имеющие между собой ни одного общего признака, кроме субъекта. Это наиболее простой вариант разграничения преступлений, не вызывающий особых затруднений;

2) составы преступлений, имеющие небольшое число общих признаков и различающиеся по всем остальным. Например, составы кражи личного имущества (ст. 140) и похищения и подмены ребенка (ст. 125) совпадают между собой по способу действий и форме вины (оба являются умышленными), но различаются по всем остальным признакам (объекту, предмету, субъекту, даже по мотиву). Разграничение такого рода преступлений не вызывает особой сложности;

3) составы преступлений, имеющие все общие (совпадающие) признаки, кроме одного. Именно эти случаи и вызывают осложнения при квалификации. Например, кража и грабеж различаются между собой прежде всего по способу посягательства (тайный, открытый), умышленные убийства — по мотиву и т.п. Указанная группа преступлений (различающихся между собой по любому одному признаку) может образовать довольно длинную цепочку сходных составов преступлений, нередко расположенных даже в разных главах Уголовного кодекса, и достаточно пропустить один из них — вывод о квалификации оказывается ошибочным.

Разграничение преступлений с использованием максимально конкретизированных признаков и вычлениением искомого (выводного) состава может осуществляться в различной последовательности. Решение этого вопроса осложняется или, напротив, упрощается от того, в каких пределах (рамках) необходимо отграничить данный состав преступления — внутри одного и того же рода или вида либо в пределах межвидовых или межродовых различий. Особую роль при разграничении преступлений играют общие понятия отдельных видов преступлений, не только ориентирующие на установление необходимых признаков

конкретного состава преступления, относящегося к данному виду (собственно квалификация), но и позволяющие усмотреть видовые отграничительные признаки. Позже мы вернемся к этому вопросу, здесь же представляется необходимым отметить, что при разграничении смежных преступлений более оправданным является путь от общего представления о содеянном к групповому, а затем к конкретному составу и к его элементам и относящимся к ним признакам. Возможен и более сокращенный вариант разграничения — от группы соприкасающихся между собой смежных преступлений определенного вида к конкретному составу преступления, когда факты, ставшие известными, позволяют сузить предмет доказывания, а следовательно и его оценку, до определенного вида.

Однородные преступления можно разграничивать и несколько иначе: от конкретных сравниваемых составов к отысканию их места в группе преступлений того же вида. Но это возможно только тогда, когда признаки конкретного состава установлены с достаточной полнотой и настолько очевидны, что никаких сомнений в отнесении его к данному виду нет. Далее осуществляется отграничение данного состава преступления от других смежных преступлений одного и того же вида, что позволяет проверить правильность принятого решения, обосновать его. Иначе говоря, разграничение смежных преступлений, так же как квалификация в целом, возможны, если вид преступления определен, установлены наиболее типичные его видовые признаки. На этой основе устанавливаются те признаки, которые относятся к конкретному составу, позволяют провести разграничение.

В любом случае важно иметь четкое представление, какой конкретно признак (элемент) — объективный или субъективный — является для этого определяющим. Не исключено, что в результате анализа фактических данных о совершенном преступлении будет установлено сразу несколько отграничительных признаков, и тогда процесс квалификации сокращается, делается сразу более предметным.

В уголовно-правовой литературе квалификация преступлений по отдельным элементам состава (объекту, объективной стороне и т.п.) нередко рассматривается в качестве центрального звена правовой оценки¹, что, очевидно, оправдано, если при этом в полной мере используются признаки, относящиеся к указанным элементам, поскольку

¹ См. Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. — М., 1984. — С. 60—117.

ку даже один из них может оказаться решающим для правильного вывода. Наиболее наглядно это проявляется, когда составы сравниваемых преступлений совпадают по всем элементам, в том числе по форме вины, различаясь между собой, например, по направленности умысла (при ошибке в объекте, покушении на преступление и др.) или по содержанию преступной неосторожности, связанной с нарушением общеобязательных и специальных правил; по действительной характеристике мотивов, совпадающих по наименованию; по способам, орудиям, средствам совершения преступлений и т.п. Во всех случаях речь идет о фактических признаках, непосредственно определяющих квалификацию, точнее о разграничении преступлений при формальном совпадении элементов состава.

Для того, чтобы прийти к выводу о наличии в действиях (бездействии) субъекта состава преступления, возникает необходимость: во-первых, в выявлении (установлении) всех объективных и субъективных признаков преступления с их конкретизацией (до уровня так называемой неделимости); во-вторых, в осуществлении сопоставления (наложения) фактических признаков с элементами и признаками соответствующего состава преступления, предусмотренного законом (с использованием норм не только Особенной, но и Общей части, а также других нормативно-правовых актов, если это важно для раскрытия действительного содержания при его толковании применительно к данному случаю).

Завершающий этап разграничения состоит в том, что приведенные в сравнимый ряд признаки каждого смежного состава сопоставляются с фактическими признаками деяния. При этом определяется только один состав, все признаки которого соответствуют признакам данного посягательства, т.е. имеют такое же содержание и так же взаимосвязаны. Разграничение на этом этапе происходит комплексно: признаки всех элементов состава сопоставляются с фактическими признаками совершенного преступления в полном объеме. Однако в целях более глубокого анализа события преступления и его юридической оценки этот процесс может осуществляться в виде последовательного сравнения признаков объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны¹, что требует особого рассмотрения.

¹ При создании уголовно-правовой нормы обычно учитывается такая же взаимосвязь элементов состава, т.е. присутствует логика законодателя, нарушение которой ведет к волюнтаризму.

§ 2. Разграничение единичных преступлений по объективным признакам

Объективные (внешние) признаки единичного преступления характеризуют объект посягательства и объективную сторону¹.

Объект — необходимый элемент любого преступления, так как преступлений, которые ни на что не посягают, в принципе не существует. В качестве объекта рассматриваются охраняемые уголовным законом общественные отношения. Однако в действующем законодательстве объект определяется по-разному: путем указания на вид общественных отношений, их правовую оболочку, материальные формы существования, вредные последствия, предмет посягательства. В ст. 7 УК, где дано общее понятие преступления, перечисляются правоохраняемые интересы — общий объект посягательства. Далее выделяются родовые объекты, они указаны в наименованиях глав, объединяющих одну или несколько групп однородных посягательств. Видовые и непосредственные объекты в законе обычно не определяются². Их содержание раскрывается в диспозициях норм посредством описания признаков материального ущерба, степени (тяжести) причиненного вреда, предметов посягательства, личности³, специфики потерпевшего, указания на место, время совершения преступления и т.п.

Определение объекта является первичным ориентиром для поиска соответствующей нормы в общей системе уголовного закона. Но значение объекта для квалификации все же не следует преувеличивать из-за специфики данного юридического понятия. К тому же преступление обычно затрагивает сразу или в ходе собственного развития одновременно несколько общественных отношений, в той или иной степени связанных между собой. Их роль и значение при квалификации каждого, отдельно взятого преступления нестабильна. При разнородности фактически затронутых посягательством объектов, казалось бы непосредственно определяющих квалификацию единичного преступле-

¹ Условность такого подхода очевидна и не требует пояснений.

² Иногда объект преступления можно усмотреть в наименовании статьи.

³ Личность в уголовном праве длительное время рассматривалась как "совокупность общественных отношений", "их выразитель", "продукт" и пр., хотя, следуя логике фактов, человек (личность) является участником этих отношений.

ния, возможен переход к идеальной совокупности преступлений и, напротив, может проявиться так называемая учтенная законом совокупность, когда один состав преступления поглощается другим составом, утрачивая самостоятельность, либо одно преступление (менее опасное) перерастает в более опасное, возникает конкуренция норм, исключающая их применение по совокупности и т.п.

Квалификация осложняется тем, что некоторые составы преступлений характеризуются двумя объектами, из которых один является определяющим, второй — дополнительным или факультативным. Например, при разбое всегда имеет место посягательство на собственность (основной объект) и личность (дополнительный объект) одновременно, а при хулиганстве причинения вреда личности может и не быть, в чем проявляется факультативность этого объекта, и поэтому названное преступление относится к однообъектным, посягающим на общественный порядок.

Если речь идет о совершении двухобъектных преступлений, то при квалификации должно учитываться постоянство данной специфики. Она присутствует в любом случае. Именно этим отличается форма проявления так называемых факультативных объектов, посягательство на которые при совершении преступлений происходит не всегда. Если оно имеет место, может также возникнуть вопрос о совокупности преступлений, но чаще речь идет о совершении одного (единичного) преступления, когда факультативный объект утрачивает самостоятельность, не определяя квалификацию непосредственно, не влияя на нее.

Решение вопроса о квалификации облегчается тем, что непосредственный объект всегда корреспондирует (соотносится) родовому объекту данной категории (группы) преступлений, входит в него в качестве составного компонента. Оба объекта рассматриваются в единстве и взаимосвязи. Их определение осуществляется путем установления и анализа других элементов и признаков преступления, в частности, последствий, предмета посягательства, направленности действий и т.п. При квалификации должно быть четко выявлено, в связи с чем или по поводу чего совершено посягательство, т.е. осуществлена конкретизация объекта с учетом того, что вне связи с ним сам предмет посягательства (вещь материального мира) не может служить раскрытию общественной опасности деяния и его правового содержания. Возникает необходимость выяснения принадлежности предмета к тем или иным общественным отношениям, их сторонам и т.п.

Объект преступления может быть описан в законе путем

указания на вид общественных отношений, их правовую оболочку: на материальные формы существования, вредные последствия, специфику предмета и т.п. Сравнивая эти признаки с признаками проявления преступного посягательства (фактически содеянного), обычно удается ориентировочно определить и объект выводного (искомого) состава преступления, хотя само по себе это квалификацию не определяет. Не так уж редки случаи, когда разграничение составов по объекту провести нельзя (например, если речь идет об умышленном и неосторожном убийстве и о других случаях полного совпадения объекта преступления и его признаков). Разграничение между посягательствами на одни и те же или однородные общественные отношения обычно возможно по признакам объективной стороны состава. Эти признаки в своей совокупности могут определить не только объект посягательства, но и остальные признаки состава, в том числе субъективные.

Для признаков объективной стороны в целом характерна высокая степень информативности. Именно поэтому они наиболее часто находят свое отражение в диспозиции уголовно-правовой нормы, как бы упрощая ее избрание применительно к данному случаю, хотя на самом деле это обеспечивается не всегда. Ошибочность принятия решения здесь не устраняется, поскольку именно объективная сторона содержит многовариантность сочетания признаков, относящихся к различным преступлениям, да и сами они дают гораздо больше комбинаций (сочетаний друг с другом), чем остальные признаки. Более 20 процентов приговоров и определений судебных коллегий отменяется и изменяется из-за неправильной оценки объективной стороны состава, что подтверждает сказанное.

Известно, что в *объективную сторону* состава входят: действие или бездействие, последствия, причинная связь между деянием и последствиями, время, место, способ, обстоятельства (условия) совершения преступления. К числу *обязательных признаков состава* в теории принято относить только действие (бездействие), последствия и причинную связь между ними¹. Все остальные признаки

¹ Вряд ли есть необходимость входить в дискуссию по данному вопросу. Преступлений без последствий (без причинения вреда чему-то, выступающему в качестве объекта посягательства) не бывает, но они могут быть не материальными (клевета, оскорбление и т.п.) либо само деяние может относиться к числу преступных независимо от наступления каких-либо последствий (разбой, бандитизм и т.п.). И в том и в другом случае речь идет о так называемых формальных преступлениях.

объективной стороны состава относятся к числу факультативных (они могут иметь самостоятельное значение для квалификации или быть безразличными для правовой оценки содеянного).

В подавляющем большинстве диспозиций статей Особенной части УК в качестве обязательных признаков объективной стороны преступлений предусмотрено только *действие (бездействие)* в различных модификациях: 1) дается точный перечень действий либо осуществлена их достаточная конкретизация; 2) приводится только примерный перечень действий; 3) внешняя сторона деяния (характер действия или бездействия) не раскрывается вообще; 4) указывается только на бездействие; 5) называются разного рода нарушения правил в различных сферах жизнедеятельности человека (техники, здравоохранения и т.п.) без указания, в чем именно это может выразиться; 6) содержание действий раскрывается в других нормах Особенной части УК, на которые имеется ссылка.

Преступное бездействие представляет собой несовершение определенных действий, которые лицо должно было и могло совершить в данных условиях, либо невоспрепятствование (невмешательство) в действия третьих лиц, сил природы и т.п. Обязательность этого может быть предусмотрена соответствующими нормативными актами, различного рода правилами — проведения строительных, горных и т.п. работ, дорожного движения, техники безопасности, обращения с сильно действующими ядами, наркотическими, радиоактивными веществами и т.п., а также иными источниками, которые могут лишь упоминаться в бланкетных нормах уголовного законодательства.

При квалификации нередко возникает необходимость определения пределов уголовно наказуемого бездействия, когда лицо должно (обязано) было предотвратить вредные последствия, исходя из следующего: 1) прямого указания закона или иного нормативного акта; 2) выполнения служебного долга, профессиональных обязанностей (функций); 3) личных взаимоотношений, в том числе родственных; 4) того, что оно само поставило правоохраняемые интересы в опасное состояние (создало угрозу возникновения вредных последствий). Не менее важно и второе условие привлечения к уголовной ответственности за бездействие — необходимо установить наличие у данного лица реальной возможности не допустить вредные последствия либо осуществить активные действия, направленные на их предотвращение.

К тому же признаки объективной стороны нередко относятся к числу так называемых переменных (изменяющихся по содержанию на протяжении действия закона), что характерно для упомянутых бланкетных норм, употребляемых во многих статьях Особенной части УК оценочных понятий и категорий, касающихся размера ущерба, причиненного вреда и т.п. Такие признаки могут быть раскрыты лишь за счет анализа соответствующих нормативных источников, действующих на момент совершения преступления, и игнорирование обязательности такого обращения приводит к ошибкам при квалификации.

Общественно опасные *последствия* — обязательный признак так называемых материальных преступлений. В одних случаях они относятся к основному составу преступления, в других — к квалифицированному (с отягчающими обстоятельствами).

Последствия в законе отражаются по разному:

1) приводится их перечень (исчерпывающий или примерный);

2) последствия конкретизируются по характеру (степени тяжести);

3) содержатся ссылки на иные нормативные акты, где раскрыто содержание последствий;

4) последствия формулируются в виде оценочных понятий и категорий, нуждающихся в дополнительном пояснении (например, тяжкие последствия, существенный вред и т.п.);

5) в качестве альтернативы приводятся различные последствия;

6) вместо указания на реальные последствия, указывается на возможность их наступления в виде создания опасной обстановки, возникновения угрозы и т.п. в результате поведения виновного.

Особая роль принадлежит *причинной связи* между действием (бездействием) субъекта и наступившими общественно опасными последствиями. Причинная связь в данном случае выполняет роль связующего звена между противоправным деянием и наступившими вредными последствиями — результатом. В общем виде под причинной связью в уголовном праве понимается такое отношение между деянием и последствием, когда первое с внутренней, присущей ему закономерностью порождает второе, приводит к нему. Но такое, в целом правильное, утверждение нуждается в более глубоком рассмотрении.

Прежде всего отметим, что причинность — объективная, вне нас существующая связь между явлениями

природы и общества. Она носит всеобщий универсальный характер и применительно к конкретному случаю могут рассматриваться лишь особенности ее развития. Поэтому при любом исследовании причинности (в том числе в уголовно-правовом аспекте) не допустимо противоречие этим закономерностям. Нет и не может быть какого-то специального учения о причинности в уголовном праве. Каждая отрасль науки применяет общие закономерности, общие положения о причинности к тем явлениям, которые изучаются данной наукой, и под углом зрения решаемых ею собственных задач.

Вопрос о причинности в уголовном праве рассматривается в рамках объективной стороны состава преступления в виде установления того, состоит ли действие (бездействие) субъекта в необходимой причинной связи с наступившими общественно опасными последствиями. В отличие от случайной связи, не имеющей юридического значения, такая связь характеризуется строго определенными закономерностями: 1) деяние как причина по времени предшествует следствию; 2) оно неизбежно порождает следствие либо заключает в себе реальную возможность его наступления, т.е. вне данного действия или бездействия результат не может наступить¹.

Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что положительное решение вопроса о наличии необходимой причинной связи само по себе не предрешает вопроса об уголовной ответственности субъекта за причиненный им результат — общественно опасные последствия. Они должны охватываться его сознанием, предвидением или возможностью и долженствованием такого предвидения в сочетании с волевым отношением к ним (желание, допущение и т.п.) либо к самим действиям, их вызвавшим, бездействию, породившему такой результат. Иначе говоря, при анализе причинной связи, констатации ее наличия должны быть установлены все атрибуты субъективного характера — наличие субъекта и субъективной стороны состава преступления и их признаков, а не только внешняя каузальная (закономерная) связь между действием (бездействием) лица и общественно опасными последствиями. В то же время отсутствие такой причинной связи между ними исключает вопрос об уголовной ответственности вообще.

¹ Уголовное право Украинской ССР на современном этапе. Часть Общая. — С. 123.

Любое преступление — это определенное единство объективной и субъективной сторон его состава. И поэтому сама постановка и рассмотрение вопроса о причинной связи применительно к конкретному составу преступления только в рамках объективной стороны, вне связи с другими элементами и признаками состава, является условной и допустима лишь для более глубокого познания и раскрытия этой сложной темы. Имеется в виду не только то обстоятельство, что развитие причинной связи между деянием субъекта и последствиями происходит в определенных условиях места, времени и других факторов, которые могут замедлить или, напротив, ускорить это развитие, осложнить его и т.п., но и непосредственное включение в причинную зависимость самого деятеля (субъекта) со всеми его психофизическими и другими особенностями (в том числе психическими и иными аномалиями и т.п.). В следственной и судебной практике не так уж редки факты, когда причинная связь между действиями субъекта и последствиями налицо, но они не могли быть предотвращены данным индивидом из-за его замедленной реакции, специфики нервной системы, утраты внимания вследствие утомления, отвлечения и т.п. Не исключается и выход из-под контроля сознания и воли участника технологических и иных процессов из-за несовершенства техники, оборудования либо фактическая невозможность предотвратить наступление общественно опасных последствий из-за внезапности их возникновения, объективно создавшихся условий развития событий и т.п.

Сложность оценки причинной связи при совершении преступления нередко обуславливается своеобразием феномена самой причинности. Вполне очевидно, что можно выделить так называемую простую причинную связь (действие — причина — следствие) и сложную, например, действие — действие — причина — следствие или ряд одновременных действий с одним или несколькими последствиями. Если иметь в виду, что развитие причинной связи нередко осложняется случайными факторами, обстоятельствами, в одних случаях не изменяющими ее действительного содержания, выступающими в качестве условий ее развития, в других — напротив, становящимися действительными причинами наступления последствий (причины и условия меняются местами), то обычный анализ причинности, очевидно, не укладывается в рамки обозначенного уголовно-правового содержания. Особые затруднения вызывает оценка действий нескольких лиц, так или

иначе причастных к событию преступления, когда речь идет о так называемом "сопричинении последствий", вине не только непосредственного причителя, но и потерпевшего, а также других привходящих факторов.

Известно, что формы связи явлений в природе и обществе весьма многообразны, они гораздо шире, чем рассмотренные выше. Юридическое значение могут приобретать и нередко приобретают и другие виды связи, они тесно переплетаются между собой, и поэтому отрыв причинной связи от иных зависимостей вряд ли правомерен. Уголовно-правовая оценка человеческого поведения, выступающего необходимым и достаточным условием наступления общественно опасных (преступных) последствий как бы аккумулирует все виды связей в единое целое. Во всяком случае, при исследовании категории причинности в уголовном праве все же не следует упускать из виду разнообразие зависимостей, а тем более противопоставлять их друг другу. Применительно к отдельному случаю приобретает значение то одни из них, то другие.

Между явлениями в природе и в обществе прослеживаются такие виды связи:

1. Связи развития, когда какое-то явление в силу действия соответствующих закономерностей переходит из одного состояния в другое, проходя определенные этапы, ступени, имеющие свою собственную специфику. Зная характеристику одного какого-то звена развития, мы можем судить и об остальных звеньях (предшествующих и последующих). Такая связь проявляется при перерастании одного преступления в другое, при совершении продолжаемого преступления и т.п.

2. Связи причинные — прямые и объективно обусловленные. Прямые — когда одно явление в любом случае (т.е. всегда) закономерно порождает другое явление (они включают и связь, и развитие). Объективная обусловленность заключается в том, что одно явление порождает другое только при наличии определенных условий, т.е. не всегда, а лишь в некоторых случаях. По уголовным делам этот вид связей встречается наиболее часто, но не исчерпывает их.

3. Связи субъективно обусловленные, когда одно явление связано с другими при наличии соответствующего состояния у личности (группы лиц). В данном случае речь идет о решимости (принятии решения) поступать так или иначе в сложившейся ситуации, действовать или бездействовать, что не требует особых пояснений, либо о личностной специфике, о которой упоминалось выше.

4. Связи сложного причинно-следственного порядка. В них одно явление связано с другими через ряд промежуточных звеньев, каждое из которых является следствием предыдущего и причиной последующего явления. Такая связь, например, проявляется при присоединении действий нескольких лиц, совершающих одно и то же преступление, совпадении действий и т.п.

5. Связи комплексобразующие. Они заключаются в том, что ряд явлений образует такой комплекс, который приобретает достаточную самостоятельность и определенность (например, психологический климат в группе, эмоциональное состояние ряда лиц, взаимодействующих между собой при совершении преступления, направленность их умысла и т.п.).

6. Связи многозначные, в которых несколько явлений обуславливают другое явление (следствие), но не всегда в равной степени (одни приобретают большую значимость, другие меньшую), что проявляется при наличии нескольких причин, приводящих к одному общественно опасному последствию.

Мы назвали только несколько видов связей, их перечень может быть продолжен. В то же время, вполне очевидно, что каждый из названных вариантов может иметь юридическое значение, хотя в уголовно-правовом смысле центральное место все же принадлежит причинной зависимости в ее модификациях, когда на первое место ставится оценка связи действия (бездействия) конкретного лица и общественно опасных последствий. Именно это является узловым вопросом решения проблемы вины и ответственности, так как отсутствие такой связи в обозначенном смысле свидетельствует о казусе (невиновном причинении вреда — случае). Однако, отдавая предпочтение причинной связи, очевидно нельзя игнорировать и другие. Применительно к конкретному факту любая из них может не только приобретать самостоятельное значение, но и как бы вплетаться в причинную связь, даже служить одним из источников ее возникновения, а следовательно, и раскрытия.

Так, связь развития может характеризовать не только перерастание одного преступления в другое или этапы (стадии) совершения умышленного преступления, о чем упоминалось, но и, например, преступление, совершаемое по неосторожности: когда само поведение субъекта претерпевает изменения и в нем можно выделить действие (бездействие), которое привело к возникновению опасной

ситуации, и последующие безуспешные попытки предотвратить последствия, вызванные собственными действиями; либо когда прослеживаются различия в психическом отношении субъекта к следующим друг за другом последствиям, что имеет место при смешанной форме вины (умысле к действиям и неосторожности к последствиям, выходящим за пределы его предвидения); либо когда имеет место умышленное нарушение каких-то правил, что привело к общественно опасным последствиям, которые мог и должен был предусмотреть (предвидеть) виновный, т.е. в целом речь идет о неосторожном совершении преступления.

Комплексообразующая связь прослеживается не только при любой форме соучастия нескольких лиц в совершении умышленного преступления, но и при сопричинении единого результата неосторожными действиями ряда лиц. Кстати, этот вопрос в уголовном праве до конца не решен.

Связи сложного причинно-следственного порядка и многозначные связи представляют особую значимость по уголовным делам. Именно при их анализе ошибочные решения встречаются наиболее часто. Но в любом случае правовой смысл приобретает объективно существующая связь, когда она рассматривается неотделимо от личности самого причинителя вреда, его виновности. Иначе говоря, значение приобретают и связи субъективные, личностно обусловленные. К примеру, состояние опьянения субъекта, относясь к субъективному фактору, может оказать решающее значение в оценке его действий. Состояние опьянения в одних случаях усугубляет вину (обычное опьянение), в других (патологическое опьянение) — исключает ее вовсе, хотя развитие объективной причинной связи между действиями субъекта и наступившими последствиями остается неизменным.

Возможны и другие ситуации, осложняющие рассмотрение причинных зависимостей. Бывает так, что любая из причин наступления общественно опасного результата обладает равной значимостью, когда многозначность как бы исключается. Это, в частности, имеет место, когда преступный результат вызван одновременным воздействием нескольких причин, относящихся к сфере деятельности (поведению) одного и того же субъекта. В этом случае для наступления ответственности достаточно установление любой из причин, если каждая из них, взятая отдельно, приводит к тому же результату, что и их совокупность. Иной подход, очевидно, должен быть, когда последствия наступают в результате одновременных действий ряда

лиц, каждое из которых приобретает самостоятельное значение для установления ответственности и определения ее объема.

Задача значительно осложняется и тогда, когда вред представляет собой результат действия сразу нескольких причин, причем фактически невозможно выделить вредоносность каждой из них, что, в частности, проявляется в случаях сопричинения по неосторожности общественно опасных последствий несколькими лицами вне комплексности, в виде раздельно совершенных действий (бездействий).

В уголовно-правовой теории отсутствует единый общепризнанный перечень признаков наличия причинной связи между деянием лица и наступившими общественно опасными последствиями. К числу обстоятельств, подлежащих установлению, обычно относят такие: 1) было ли деяние обвиняемого необходимым условием наступления общественно опасных последствий; 2) закономерным или случайным результатом деяния выступали последствия; 3) являлось ли наступившее последствие неотвратимым — т.е. мог ли субъект его предотвратить; 4) сознавал ли (или мог ли осознавать) виновный, хотя бы в общих чертах, возможность наступления последствий, что означает по существу и осознание причинной связи; 5) была ли причинная связь непосредственной и прямой; 6) выступало ли поведение обвиняемого не только необходимым, но и достаточным условием наступления последствий; 7) однородны ли последствия по характеру с той опасностью, которая создана деянием обвиняемого, и какую роль — главную или второстепенную — оно сыграло в их наступлении.

При анализе причинной связи используются прежде всего такие логические приемы (методы): а) единственного сходства; б) единственного различия; в) соединенный метод сходства и различия; г) сопутствующих изменений; д) метод остатков. Особенно успешно на практике применяется метод исключения, согласно которому, представив ход событий, предшествующих наступлению общественно опасных последствий, мысленно исключается из числа этих событий деяние обвиняемого и определяется, наступил бы тот же результат при таком исключении или нет. Однако такой прием эффективен при рассмотрении закономерностей общеизвестных, не усложненных спецификой условий и иными факторами, хотя и здесь рассматриваемые приемы логики не бесполезны. Они дисциплинируют

ход рассуждений и позволяют более точно мотивировать вывод о наличии или отсутствии причинной связи.

Процесс установления причины (необходимого условия) заключается в следующем: 1) изучаются все признаки явления, причина которого отыскивается; 2) осуществляется построение версий о возможных причинах с учетом "множественности причин", но не любых, а в рамках, представляющих интерес для разрешения данного дела; 3) определяется, какие признаки должны быть у явления-следствия, если бы действовала проверяемая причина (или причины, если их несколько), и проверяется наличие в явлении-следствии тех признаков, которые обозначены; 4) формируется вывод о причине (причинах) явления в целом.

Явление признается необходимым и достаточным условием, если оно само по себе, без других обстоятельств привело к наступлению данного результата. При наличии необходимого и достаточного условия (как целого) все остальные явления, имевшие место до наступления результата, рассматриваются как причинно с ним не связанные.

Сюда же примыкает исследование вопроса, можно ли причинную связь между деянием обвиняемого и наступившими последствиями считать прямой. Необходимость в этом возникает в случаях, когда в развитие событий вклинилось какое-то постороннее обстоятельство и важно выяснить, изменило ли оно закономерное течение событий, каким был бы результат, если бы оно отсутствовало.

Особо важное значение в уголовно-правовом смысле имеет решение вопроса, является ли причинная связь необходимой. При этом принимаются во внимание такие обстоятельства:

1) было ли наступившее последствие неизбежным, что присуще для необходимой причинной связи, или оно могло и не наступить, что характерно для случайной связи;

2) действительно ли деянием обвиняемого была создана опасность наступления последствий (реальная возможность наступления) или для этого были необходимы иные обстоятельства. В первом случае причинная связь необходимая, во втором — случайная;

3) является ли наступление результата в рассматриваемой ситуации типичным, что будет свидетельством необходимой причинной связи, или такой результат атипичен (имеет место только иногда), что характерно для случая;

4) какую роль играло данное обстоятельство в наступлении последствия. Связь результата с главным фактором

характеризует необходимую причинную связь, с второстепенным — случайную, косвенную, относительную связь.

5) имеет ли место предвидение последствий виновным, возможность и долженствование такого предвидения.

Последнее имеет особое значение. Дело в том, что во многих случаях речь идет о так называемом специальном предвидении последствий, возможность которого связана с наличием у обвиняемого определенной подготовки. Ее уровень (достаточность) определяется кругом явлений, причинную связь которых может и должно предвидеть лицо данной профессии, специальности и соответствующей квалификации. Это особенно важно, если человеческая деятельность связана с источниками повышенной опасности и риском причинения необратимого вреда для окружающих, общества в целом.

Критерием, позволяющим установить возможность предотвратить опасные последствия, является прежде всего момент возникновения опасности (опасной обстановки), влекущей появление у обвиняемого обязанности принимать меры по предотвращению последствий. Иначе говоря, в причинной связи с последствиями может находиться поведение субъекта не только в момент опасности, но и в период, предшествующий ей. Указанное требует расчленения причинной связи на составные части, ее установления в пределах каждого из промежуточных звеньев причинной цепи с последующим объединением частей в единое целое. Необходимость такого подхода по уголовным делам возникает и в связи с тем, что при рассмотрении причинной связи в данном случае должна учитываться сознательная и волевая сторона совершенного деяния.

Дело в том, что причинная связь между психическим состоянием человека и осуществлением действия (бездействия), а также между деянием и наступившими последствиями зачастую нуждается в раздельном рассмотрении из-за вклинивания в ее развитие особых субъективных факторов, о которых уже упоминалось. В пределах первого звена причинная связь обычно устанавливается следователем и судом самостоятельно (в обычном порядке), а второго — с помощью различного рода экспертиз.

Существование причинной связи между действиями субъекта и вызванными ими последствиями не вызывает особых сомнений до тех пор, пока в ход событий не вплетаются какие-то факторы, непосредственно ими не обусловленные, в виде действий иных лиц, стихийных сил природы и т.п., либо когда между действиями субъекта и

результатом находятся подлежащие самостоятельной оценке обстоятельства: например, какие-то специальные правила, инструкции и т.п., которые он обязан был соблюдать, строго выполнять и т.п.

Вопрос о причинной связи отпадает вообще, если субъект, обязанный действовать нормативно, никаких правил не нарушал.

Например, при совершении так называемых транспортных преступлений возникает необходимость прослеживания различий в психическом отношении виновного к факту нарушения соответствующих правил и наступившим в результате этого последствиям. Формально это не имеет уголовно-правового значения лишь потому, что вне общественно опасных последствий нарушение правил не является уголовно наказуемым, хотя создание реальной опасности для правоохраняемых интересов здесь вполне очевидно. В таких случаях может наступить административная ответственность. Однако, если речь идет о совершении преступления, выяснение указанного обстоятельства становится обязательным, так как вне нарушения правил в данном случае нет и не может быть ответственности. Это касается таких преступлений, как нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта (ч. 1 ст. 77), порядка использования воздушного пространства Украины (ч. 1 ст. 77¹), правил безопасности движения и эксплуатации лицами, которые управляют транспортными средствами (ч. 1 ст. 215), действующих на транспорте правил (ст. 217).

Изложенные общие принципы рассмотрения причинной связи могут быть распространены и на другие преступления, сопряженные с нарушением различного рода правил (например, охраны труда — ст. 135, безопасности горных работ — ст. 218, проведения строительных работ — ст. 219 и др.). Именно в таких случаях ошибки в установлении причинной связи встречаются наиболее часто. Нередко следственные органы и суды при установлении лишь факта наступления вредных последствий ставят вопрос о причинной связи даже тогда, когда лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, не были нарушены упомянутые правила или совершение определенных действий не входило в круг его обязанностей. Ясно, что постановка вопроса о причинной связи в таких случаях вообще беспредметна.

Причинная связь, понимаемая как связь по формуле: “действие (бездействие) — необходимое условие — общественно опасный результат” и анализируемая в единстве

с понятиями общественной опасности содеянного и вины причинителя, в большинстве случаев вполне обеспечивает решение вопроса об уголовной ответственности по закону.

Когда наступили последствия — результат не одного, а нескольких деяний, каждое из которых или само по себе или во взаимодействии с другими способно было их вызвать, причинная связь рассматривается отдельно, независимо от того, идет ли речь о “сложении” действий субъектов или об их “параллельности”. Иной подход может нарушить один из основных принципов уголовной ответственности — за личную вину в содеянном. В действиях каждого субъекта должен иметь место свой собственный состав преступления, если речь идет об исполнителях (соисполнителях). При совершении одного и того же преступления в соучастии причинная связь рассматривается применительно к роли каждого лица в содеянном.

Определенная специфика в установлении причинной связи имеется и при совершении преступлений путем бездействия. Если при совершении действий виновный обычно достигает общественно опасных последствий своими собственными силами (иногда при помощи орудий и иных средств и т.п.), то при бездействии он обычно не включает какие-то механизмы или не препятствует развитию событий, действиям других лиц, стихийных сил природы, технологических процессов и т.п., что и приводит к наступлению вредных последствий. Для установления причинной связи (ее констатации) необходимо, чтобы те силы, которые привел в движение бездействующий субъект и действие которых он не прервал в данных условиях (в сложившейся обстановке), закономерно повлекли наступление общественно опасных последствий.

При этом следует иметь в виду, что в ряде случаев уголовная ответственность установлена за создание реальной угрозы причинения общественно опасного вреда (например, при оставлении в опасности — ст. 111, неоказании помощи лицом медицинского персонала — ст. 113 и др.), что выражается в создании такой ситуации, когда противоправное деяние по своим объективным свойствам (в данной обстановке и условиях) закономерно могло повлечь наступление определенных вредных последствий, которые не наступили в силу случайных обстоятельств. Развитие причинности в таких случаях моделируется (мысленно воспроизводится), поскольку реальные последствия отсутствуют. Их фактическое наступление рассмат-

ривается какотягчающее обстоятельство, квалифицируемое по ч. 2 соответствующей статьи УК.

Не лишне в данном случае подчеркнуть, что вопрос о причинной связи как объективной категории в принципе не отделим от субъективной стороны состава преступления, самого субъекта (его свойств и качеств, в том числе долга, обязанностей и т.п.), виновно порождающего общественно опасные последствия, наказуемые в уголовном порядке.

Вполне очевидно, что в данном случае внешнее преломляется через внутреннее (субъективное) и поэтому причинность применительно к преступлению должна рассматриваться как результат такого взаимодействия. Признание наличия причинной связи между действием (бездействием) лица и наступившим результатом должно сопровождаться выяснением психического отношения субъекта к своим собственным действиям, иным факторам, если они им использовались, принимались в расчет.

Таково содержание основных (обязательных) признаков объективной стороны состава, определяющих квалификацию любого преступления.

Факультативные признаки объективной стороны — время, место, способ, обстановка совершения преступления приобретают самостоятельное значение для юридической оценки содеянного значительно реже. В зависимости от особенностей законодательного определения того или иного общественно опасного деяния они включаются в качестве признаков основного состава преступления или квалифицированного либо не имеют значения для квалификации вообще и учитываются лишь при назначении наказания (если выступают в роли влияющих на него).

Вряд ли есть необходимость подробно рассматривать указанные признаки, отметим только некоторые положения, имеющие особое значение для правовой оценки преступлений.

Время совершения преступления. Имеется в виду период, когда совершается преступление и происходят какие-то события, влияющие на степень общественной опасности содеянного (например, стихийное бедствие, период войны и т.п.).

Под *местом совершения преступления* понимается определенная территория, на которой начато, окончено, продолжено преступление либо наступил преступный результат.

Обстановка совершения преступления — конкретные и специфические условия, при которых осуществляется общественно опасное посягательство (например, боевая обстановка при совершении воинских преступлений).

Способ совершения преступления — форма проявления преступного действия или бездействия (метод, прием или совокупность средств, используемых для совершения преступления). По этому признаку различаются преступления против собственности (кража, грабеж, разбой и т.п.). Способ иногда рассматривается как признак состава, подчеркивающий особую опасность содеянного (например, совершение убийства способом, опасным для жизни многих лиц, — п. «е» ст. 93).

Средства и орудия совершения преступления — те предметы внешнего мира (например, орудия, приспособления и т.п.) либо физические процессы (например, электроток), которые используются при этом. Орудия — разновидность средств совершения преступления в виде любых предметов, используемых для его осуществления (все виды холодного и огнестрельного оружия, орудия взлома и т.п.). Орудием совершения преступления может быть и транспортное средство, которое непосредственно использовалось в процессе осуществления посягательства.

Орудия и средства совершения преступления следует отличать от предмета преступления, под которым в данном случае понимаются вещи материального мира, по поводу или в связи с которыми совершается преступление (например, имущество, наркотики и т.п.).

Установление признаков объективной стороны состава нередко дает возможность определить признаки объекта, субъекта, субъективной стороны состава, проявляющиеся в действиях (бездействии) лица, разграничить преступления в целом.

Дело в том, что посягательство на охраняемый уголовным законом объект может быть совершено не любыми, а только определенными действиями, характер которых зависит в первую очередь от свойств самого объекта. Например, установив, что имело место посягательство на гражданина, мы обратимся, очевидно, прежде всего к преступлениям против личности, хулиганству, разбою, грабежу и т.п., а не к нарушениям правил охраны труда и техники безопасности. Но если имел место случай причинения вреда здоровью на производстве, логичнее подумать о нарушениях правил охраны труда и техники безопасности, а не о преступлениях против личности, собственности и т.п. Это, конечно, не исключает причинения вреда здоровью по неосторожности и при отсутствии нарушения упомянутых правил либо признаков специального субъекта данного преступления. Но сущность отмеченной закономерности все же проявляется.

В качестве определяющего признака, указывающего на тот или иной объект посягательства, может выступать субъект преступления (при преступных нарушениях специальных правил, как упомянуто выше, должностных, воинских преступлениях и т.п.), поскольку соответствующие действия (бездействие), влекущие уголовную ответственность, в данном случае могут быть совершены только специальными субъектами.

Признаки объективной стороны состава имеют значение для разграничения многих преступлений, но в первую очередь — посягающих на один и тот же объект, характеризующихся сходством (например, все корыстные посягательства на собственность различаются между собой прежде всего по способу, преступления против личности при совпадении объекта и способа посягательства различаются между собой по последствиям, а также другим признакам).

Разграничение преступлений по отдельным признакам объективной стороны зависит от конструктивных особенностей состава, их отражения в самом законе.

§ 3. Разграничение единичных преступлений по субъективным признакам

К субъективным признакам в последующем мы относим признаки субъекта и субъективной стороны состава преступления.

Субъект преступления — понятие, охватывающее сравнительно небольшой перечень личных качеств, свойств (особенностей) индивида, учитываемых при решении вопроса о возможности привлечения его к уголовной ответственности за данное деяние. К ним относятся: достижение соответствующего возраста (14, 16, а за отдельные преступления — 18 лет), вменяемость (способность к избирательному поведению, определяемому сознанием и волей), а в ряде случаев, когда речь идет о специальном субъекте, и некоторые другие, касающиеся гражданства, должности, профессии и т.п.

(Примечательно, что квалификация преступления может изменяться даже в зависимости от наличия или отсутствия общих признаков субъекта, в частности возраста. Например, за умышленное убийство, совершенное участником банды, он может быть привлечен к уголовной ответственности с 14 лет, а за бандитизм — только с 16 лет. Субъектом вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность (ст. 208 УК) является лицо, достиг-

шее 18 лет, — т.е. взрослый, а несовершеннолетние за аналогичные действия могут быть привлечены к уголовной ответственности лишь как организаторы и подстрекатели к соответствующему преступлению, совершаемому под их влиянием.

Субъектом изнасилования и ряда других преступлений может быть только мужчина (женщины могут привлекаться к уголовной ответственности за их совершение только как соучастники — организаторы, подстрекатели и пособники)¹.

Правовое значение общих и специальных признаков субъекта преступления неодинаково. Отсутствие хотя бы одного из общих признаков субъекта означает отсутствие преступления вообще (содеянное может быть признано общественно опасным и обусловить применение медицинских, а к несовершеннолетним, не достигшим возраста уголовной ответственности, — воспитательных мер). При отсутствии необходимых признаков специального субъекта не исключается уголовная ответственность за иное преступление (при наличии соответствующих признаков его состава).

Изложенное свидетельствует о том, что для правильной квалификации преступления по признакам субъекта необходимо осуществить конкретизацию до уровня, достаточного для решения вопроса об уголовной ответственности лица за совершение того или иного преступления, а именно: точно установить его возраст, вменяемость (отсутствие отклонений в сознании и воле, исключающих избирательность поведения или препятствующих ей), содержание специальных признаков применительно к данному случаю. Сознание и воля индивида, его психические свойства и качества в целом находят свое отражение в субъективных признаках состава.

Субъективная сторона состава охватывает всю психическую деятельность субъекта при совершении преступления, включая интеллектуальную, волевую и эмоциональную сферы (процессы). Принятое им решение действовать (бездействовать) именно так, а не иначе, вызванное определенными мотивами и целями, в конечном счете приводит к преступным последствиям его деяния, независимо от того, совершает ли он его сам или опосредованно, используя силы природы, малолетних, невменяемых и т.п. Преступление — не просто действие или бездействие,

¹ Вопрос о соучастии лиц в преступлениях со специальным субъектом рассматривается в § 3 главы II.

фактически оно — их результат, вызванный умышленно или по неосторожности.

Принятие решения действовать отличает любое волевое поведение, в том числе преступное, от произвольных действий (инстинктивных и рефлекторных), не являющихся таковыми.

В качестве объединяющего элемента, присущего преступлениям с любой формой вины, выступает избирательность поведения в ее широком понимании. Именно способность человека к избирательному поведению лежит в основе уголовной и иной ответственности. Напротив, утрата такой способности в силу заболевания, умственных или физических недостатков (отставания в развитии, возрастных изменений и т.п.), а также внешних воздействий, ограничивающих возможности субъекта (в условиях крайней необходимости, необходимой обороны, оправданного риска, принуждения), исключает его ответственность¹.

Присущие содеянному общественная опасность и противоправность (в них заключается содержание преступления) предполагают определенное психическое отношение субъекта к этим общеобязательным признакам. Сознание общественной опасности или обязанность ее осознавать является одним из важнейших элементов мотивации именно преступного поведения. Они входят необходимым компонентом в интеллектуальное содержание умысла или неосторожности (наряду с волевым — принятием решения действовать или бездействовать в данной ситуации, что принято обозначать в уголовном праве категориями желания, допущения и т.п.).

Общественная опасность содеянного выражается прежде всего в наступивших последствиях, если речь идет о материальных составах преступления (например, о причинении телесных повреждений, хищениях и т.п.). Они связаны с предметами либо поддающимися измерению, восприятию явлениями, с причинением “овеществленного” вреда объекту посягательства. В преступлениях с формальным составом, зачастую представляющих не меньшую общественную опасность (например, бандитизм, разбой и др.), такая материализация причиняемого вреда вовсе не обязательна, так как действия уже сами по себе представляют законченный состав.

Сознание субъектом противоправности деяния законодателем не отмечается, но фактически подразумевается,

¹ Анализируемый аспект ответственности в уголовном праве обычно не рассматривается, хотя именно он ее определяет.

поскольку между общественной опасностью и противоправностью существует неразрывная связь, которая не может не осознаваться виновным. На этом основании его утверждение о незнании уголовного закона в расчет не принимается.

Содержание субъективной стороны преступления, детерминированного сознанием и волей индивида, находит свое выражение в той или иной форме вины (умысле или неосторожности), которая рассматривается в уголовном праве в качестве обязательного признака состава преступления.

Мотив, цель, эмоции не являются элементами вины. Они имеют свое собственное содержание и уголовно-правовое значение. Непосредственно они не всегда определяют квалификацию и потому являются факультативными признаками. Однако из этого вовсе не следует, что они играют второстепенную роль. Напротив, мотив и цель являются обязательными компонентами любого волевого акта человеческого поведения, в том числе преступного. Виновность и мотивированность¹ — две взаимосвязанные психологические стороны преступления. Раскрытие их действительного содержания, конкретизация и соотнесение с действиями (бездействием) субъекта создают дополнительные возможности определения не только формы вины, но и остальных элементов и признаков состава.

При квалификации преступлений по субъективной стороне состава должно приниматься в расчет лишь такое психическое отношение лица к совершаемому им деянию, которое выразилось в строго определенной форме, предусмотренной в уголовном законе. Одни преступления могут быть совершены только умышленно, другие — по неосторожности, третьи — как умышленно, так и по неосторожности².

В самой уголовно-правовой норме, предусматривающей ответственность за то или иное деяние, о форме вины зачастую ничего не говорится, но об умышленности преступления может свидетельствовать употребление такого понятия, как заведомость (например, заведомо ложный донос — ст. 177, заведомо ложное показание — ст. 178),

¹ Под мотивированностью в данном случае мы понимаем целенаправленную избирательность поведения в пользу совершения общественно опасного и противоправного деяния (преступления) под влиянием определенных мотивов.

² Иногда форма вины приобретает осложненный характер вследствие своеобразного сочетания умысла и неосторожности. К этому вопросу мы вернемся позднее.

указание на цель и мотив действий (например, диверсия — ст. 60, бандитизм — ст. 69).

Для правильной квалификации преступления необходимо выяснить содержание умысла и неосторожности применительно к данному случаю, т.е. какие фактические обстоятельства должны охватываться сознанием и волей лица, чтобы в его действиях (бездействии) было признано наличие определенного состава преступления, в чем конкретно выразились (проявились) указанные признаки, свидетельствующие о виновности субъекта.

Перечень фактических обстоятельств, раскрывающих содержание субъективной стороны состава, при совершении каждого преступления отличается своеобразием, но в любом случае они должны быть выявлены и определены с максимально возможной полнотой и конкретностью.

При квалификации преступлений по субъективной стороне устанавливается соответствие (тождество) между фактическим содержанием психического отношения субъекта к совершенному общественно опасному деянию и признаками состава, характеризующими субъективную сторону определенного вида преступления.

Состав преступления включает психическое отношение виновного ко всем фактическим обстоятельствам, которые отнесены законодателем к объекту преступления и объективной стороне (включены в законодательную конструкцию).

При совершении преступлений, в которых объект или предмет посягательства точно обозначен в законе, сознанием виновного должны охватываться относящиеся к ним фактические обстоятельства. Например, для составов преступлений, предусмотренных статьями 188¹, 189¹, 190¹ УК, необходимо осознание виновным того, что соответствующее посягательство совершается им в отношении работника милиции или народного дружинника. При совершении преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 229 УК, лицо должно сознавать, что предметом посягательства являются ядовитые и сильнодействующие вещества.

Сознанием виновного должны охватываться и квалифицирующие признаки, если о них идет речь в законе, причем волевые признаки могут изменяться, свидетельства о различиях в форме вины.

По законодательному определению *умысел* может быть прямым и косвенным. Однако на практике он не случайно конкретизируется, выделяются отдельные его виды: определенный (конкретизированный и альтернативный) и не-

определенный (неконкретизированный), заранее обдуман- ный и внезапно возникший. При *конкретизированном* умысле субъектом ставится четко обозначенная цель, совпадающая с общественно опасными последствиями (соб- ственно, их и стремится достичь виновный). При *альтер- нативном* умысле им ставится минимум две цели на выбор (либо—либо). При *неопределенном* умысле цель не конкретизируется, желаемый или допускаемый результат формируется в сознании субъекта как вред вообще при- менительно к данному виду преступлений (им сознательно принимаются любые возможные последствия для объекта посягательства). При наличии альтернативного и неопре- деленного (неконкретизированного) умысла содеянное ква- лифицируется по фактически наступившему результату.

Выделение *заранее обдуманного и внезапно возникшего* умысла связывается с моментами возникновения преступ- ного замысла (намерения) и его реализации. При этом учитываются также сложившаяся обстановка, предшеству- ющая совершению преступления, поводы и основания к возникновению конфликтной ситуации, поведение потер- певшего и другие обстоятельства, позволяющие оценить содеянное. Например, имело ли место состояние сильного душевного волнения при посягательстве на жизнь и здоровье; подготавливались ли заранее орудия и средства совершения преступления, создавались ли возможности его сокрытия и т.п., что само по себе опровергает внезапность возникновения умысла. Разрыв во времени между противоправными действиями потерпевшего и со- вершенным в отношении него преступлением (например, убийством) исключает сильное душевное волнение, харак- теризуемое внезапностью возникновения, и т.п.

Внезапно возникший умысел можно определить как на- мерение совершить преступление, возникшее под провоци- рующим влиянием конкретной жизненной ситуации (сло- жившейся обстановки) и реализованное сразу же или через незначительный промежуток времени после возникновения.

Заранее обдуманный умысел, напротив, характеризуется определенным разрывом во времени между возникновением намерения (замыслом) и его осуществлением. В таких слу- чаях обычно отсутствует провоцирующая обстановка в момент совершения преступления или непосредственно перед ним.

При оценке умысла следует иметь в виду, что совер- шая те или иные действия, субъект нередко осознает неизбежность наступления общественно опасных последст- вий в виде причинения вреда правоохраняемым интере-

сам. Это свидетельствует о наличии прямого умысла, а не косвенного, как это иногда понимается. Сознвая неизбежность наступления последствий в результате собственных действий, субъект не может не желать их в качестве достижения поставленной цели.

Особое значение для квалификации имеет конкретизация умысла по его направленности, под которой понимается сосредоточенность сознания и воли индивида на мысленно представляемом результате (цели совершения преступления, обусловленной определенными мотивами) и активную устремленность к его достижению.

Направленность умысла определяет квалификацию во многих случаях:

1. Когда внешне одинаковые общественно опасные действия подпадают под несколько норм, имеющих различное содержание. Например, сообщение заведомо несоответствующих действительности сведений о якобы совершенном другим лицом тяжком преступлении может представлять собой ложный донос (ст. 177) либо клевету (ст. 125). В первом случае умысел субъекта направлен на привлечение потерпевшего к незаконной уголовной ответственности, во втором — на унижение его чести и достоинства, что позволяет разграничить эти преступления между собой, установив остальные признаки соответствующих составов.

2. Когда уголовная ответственность дифференцируется в зависимости от количественной характеристики не фактически причиненного, а желаемого вреда, например, от размера хищения при покушении на него.

3. В случае причинения вреда нескольким объектам, когда необходимо определить, имеет ли место совокупность преступлений (например, разбой, сопряженный с покушением на убийство) или одно единичное преступление (например, тот же разбой, сопряженный с причинением телесных повреждений).

4. Когда объективные признаки совершенного деяния совпадают с признаками состава преступления, но виновный ошибся в объекте посягательства, например, намеревался похитить частное имущество, а фактически обратил в свою пользу государственное.

5. При разграничении преступлений против личности и хулиганства, нередко совпадающих между собой по объективным признакам (учитываются как содержание и направленность умысла виновного, так и мотивы, цели и обстоятельства совершения преступления).

6. Если ответственность дифференцируется в зависимо-

сти от способа посягательства (например, при разграничении форм хищений: когда виновный полагал, что действует тайно, а на самом деле за ним наблюдали, речь идет о краже; когда окружающие заблуждались по поводу преступности действий субъекта, совершающего открытое похищение, — о грабеже).

7. При изменении содержания умысла в момент совершения преступления (например, при перерастании кражи в грабеж, разбой).

8. При отграничении единого продолжаемого преступления (например, хищения) от повторности.

Направленность умысла определяет квалификацию действий соучастников и при других обстоятельствах: “Лицо, которое по своей инициативе организует дачу или получение взятки, подстрекает к этому и одновременно выполняет посреднические функции, несет ответственность за соучастие в даче или получении взятки в зависимости от направленности умысла, исходя из того, в чьих интересах, на чьей стороне — взяткодателя или взяткополучателя — оно действует. В этих случаях дополнительной квалификации действий такого лица по ст. 169 УК не требуется (п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 1 от 1 апреля 1983 г. “О практике применения судами Украины законодательства об ответственности за взяточничество” // Бюлетень ... — С. 136).

Квалифицирующие признаки преступления могут быть вменены в вину субъекту, если они им осознавались и его умысел был направлен на совершение преступления при данных обстоятельствах, данным способом и т.п. (например, на причинение смерти с особой жестокостью, способом, опасным для жизни многих лиц, — ст. 93, в то время как при отсутствии такой направленности умысла содеянное квалифицировалось бы по другой статье — в данном случае ст. 94).

В пределах направленности умысла несут ответственность соучастники преступления, в том числе соисполнители, если имеет место эксцесс одного из них (выход за пределы предварительного сговора и совершение более тяжкого преступления).

В отличие от прямого умысла *косвенный* (эвентуальный) умысел характеризуется тем, что намерения и фактически наступившие последствия здесь не совпадают. Последние находятся за пределами первоначально поставленной цели — они только допускаются. Преследование иной цели, которая не соотносится с наступившими

последствиями, существенно влияет на структуру психологического содержания данной формы вины. Цель здесь как бы переносится на сами действия, которые выступают в сознании субъекта на первый план, заслоняя последствия. Изменения качественной стороны сознания влекут изменения и волевого отношения к последствиям содеянного. Субъект относится к ним безразлично, допуская возможность их наступления в результате его действий (бездействия). Несовпадение цели действий и фактически наступивших последствий само по себе не устраняет умышленности деяния. Преследование иной цели, которая прямо не относится к наступившим последствиям, вовсе не означает их неприятия (отрицания). Напротив, указанные последствия остаются в определенной мере значимыми для субъекта, несмотря на общественно опасный характер его действий, имеющих иную направленность. Наличие цели действий предполагает и волевое отношение к ней самой в виде осознанного стремления к ее достижению. Содержание цели означает и удовлетворение мотива, непосредственно вызвавшего волевой акт.

Если при прямом умысле мотив и цель действий соотносятся с последствиями, то при косвенном — с самими действиями, так как сознание и воля субъекта направлены на достижение иного результата, чем тот, который фактически наступил (последний лишь допускается).

Каждому преступлению присуща различная степень осознанности цели и разный уровень (градация) самих побудительных сил, его вызывающих (желание — хотение — стремление). Волевой акт, в том числе преступный, становится возможным только в том случае, когда побуждения субъекта становятся действительными, пути и средства их удовлетворения найдены и приобретают четко выраженную направленность в виде стремления к достижению цели, аккумулирующего сознание и волю индивида. Стремление — понятие, обозначающее собственно мотив (осознанное побуждение, соотносимое с целью и проявлением воли, направленной к ее достижению). Степень осознанности цели, а следовательно и мотива, а также волевой активности, направленной на их удовлетворение, может быть самой разнообразной, зависеть от особенностей личности виновного, характера совершаемого преступления, сложившейся ситуации и т.п. Но указанные компоненты здесь присутствуют всегда.

При совершении преступлений *по неосторожности*

волевое отношение лица к цели совершаемых действий и последствиям имеет иное содержание.

Устанавливая уголовную ответственность за неосторожность (преступную самонадеянность и небрежность), законодатель придает решающее значение психическому отношению субъекта к общественно опасным последствиям. Они не входят в цель действий (бездействия). Но в то же время общественная опасность содеянного в данном случае характеризуется прежде всего ими. Не будь таких последствий либо угрозы их наступления, вряд ли возникал бы вопрос об уголовной ответственности за неосторожное причинение вреда. Эту сторону преступной неосторожности законодатель обычно подчеркивает в самой норме (например, в статьях 215, 217). Более того, при определении неосторожности им используется понятие предвидения самой возможности наступления общественно опасных последствий, которые субъект мог и должен был предусмотреть. Данная форма вины связывается со своеобразным сочетанием интеллектуальных и волевых компонентов отношения субъекта к совершаемому преступлению. Речь идет об ответственности за угрозу причинения или фактическое причинение вреда общественным отношениям при отсутствии желания или сознательного допущения таких общественно опасных последствий, но при мотивированности и целенаправленности самих действий.

Сознание общественной опасности содеянного (интеллектуальный момент) при *преступной самонадеянности* сближает ее с умыслом, как прямым, так и косвенным. Поэтому данные формы вины различаются между собой фактически только по волевому признаку. В отличие от умысла преступная самонадеянность характеризуется не только отсутствием желания их наступления или сознательного допущения, но и надеждой на их предотвращение. Однако эти расчеты оказываются легкомысленными. Волевой момент здесь выражен даже более определенно, чем при косвенном умысле, так как виновный считает возможным поставить под угрозу правоохраняемые интересы, не проявляя в создавшейся обстановке должной осмотрительности. Различие между таким умыслом и преступной самонадеянностью заключается в интенсивности антиобщественного отношения к правоохраняемым интересам.

Преступления, совершаемые по неосторожности, связаны с принятием решения о том или ином поведении в данный момент. При преступной самонадеянности принятие решения связано прежде всего с переоценкой своих

собственных сил и возможностей либо других обстоятельств, которые, по мнению субъекта, могли предотвратить нежелательные для него общественно опасные последствия. Именно это получает в сознании виновного преобладающее значение и становится одним из ведущих мотивов, укрепляющих его решимость действовать именно так, а не иначе для осуществления поставленных целей — удовлетворения актуальных для него потребностей и интересов. Причем сознанием субъекта не охватываются все причинные зависимости между его действием (бездействием), а также иными, зачастую случайными, факторами и возможными последствиями. Мотив и цель в данном случае касаются самих действий, не распространяясь на фактически наступившие последствия, которые виновный надеется предотвратить либо избежать их при совершении тех или иных действий. Однако избранные им средства достижения цели оказываются не соответствующими сложившейся ситуации, а его действия (бездействие) — преступными.

Неосторожность в форме *преступной небрежности* обычно имеет место при неблагоприятном стечении целого ряда внешних обстоятельств, затрудняющих предвидение субъектом развития причинной связи между его поведением и теми последствиями, которые фактически наступают. Совершаемые им действия или бездействие сами по себе обычно не представляют общественной опасности. Преступная небрежность весьма близка к невиновному причинению вреда — казусу (случаю), когда лицо ни объективно, ни субъективно не имело возможности предвидеть наступление общественно опасных последствий. Совершая преступление, субъект проявляет невнимательность к соблюдению предъявляемых требований, обязанностей и т.п. и принимает решение действовать или бездействовать вопреки им. Общественно опасные последствия здесь выступают не как цель действий, а как побочный результат этих действий, как последствия второго порядка.

Уголовная ответственность за преступления, совершаемые в результате преступной небрежности, наступает при наличии двух критериев — объективного (должен был) и субъективного (мог), имеющих равное значение и в своей совокупности раскрывающих содержание данной формы вины. Снижение критической оценки создавшейся ситуации зависит не только от внешних факторов, но и от эмоционального состояния лица в данный момент, его

сообразности, способности к ориентации, сосредоточенности внимания и других качеств личности.

В тех случаях, когда речь идет о производственной сфере деятельности, выполнении должностных или профессиональных обязанностей, установление объективного критерия обычно не вызывает затруднений, поскольку на этот счет имеются правила, инструкции и т.п., специально направленные на предотвращение возможных вредных последствий. Они-то и нарушаются виновным. Однако необходимо установить, что их соблюдение действительно входило в его обязанности и он был ознакомлен с ними.

При иных обстоятельствах правила предосторожности, определяющие границы предусмотрительности, обычно рассчитаны на типичную ситуацию. Они не могут охватить все возможные ситуации, в которых оказывается человек в процессе своей жизнедеятельности, и это вызывает затруднения в правовой оценке содеянного. Объем и содержание фактически наступивших последствий зачастую оказывается шире тех, которые укладывались в непосредственное проявление воли индивида. Реальные возможности предвидеть общественно опасный результат зависят от индивидуальных особенностей субъекта, которые должны приниматься в расчет (уровня его образования, специальной подготовки, опыта, двигательных реакций и т.п.). Причем значение для оценки преступной небрежности и ее отграничения от невиновного причинения вреда могут приобрести даже отдельные из них. Невиновное причинение вреда (при отсутствии как обязанности, так и возможности предвидения последствий) имеет место обычно в тех случаях, когда лицо не нарушило никаких правил предосторожности. При этом вред наступает либо по вине третьих лиц, либо по вине самого потерпевшего, либо в результате воздействия сил природы, непредвиденных технологических процессов и т.п. Однако не так уж редки случаи, когда лицо обязано было предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий, однако не предвидело и не могло их предвидеть и предотвратить в силу своих индивидуальных особенностей.

Помимо рассмотренных четырех форм вины (прямого и косвенного умысла, а также неосторожности в виде преступной самонадеянности и небрежности) практика выделяет еще одну — так называемую *сложную форму вины*, для которой характерно разное психическое отношение

субъекта к действиям и последствиям, что фактически имеет место при совершении многих преступлений¹.

Рассматриваемые преступления можно подразделить на две группы:

1. Преступления с двумя следующими друг за другом последствиями, каждое из которых в иных случаях рассматривается как самостоятельное преступление, при различном психическом отношении к ним (например, тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть потерпевшего, — ч. 3 ст. 101; умышленное повреждение путей сообщения, сооружений на них, подвижного состава или судов, средств связи или сигнализации, которое повлекло либо могло повлечь крушение поезда, аварию корабля или нарушение нормальной работы транспорта и связи, — ст. 78).

При умышленности действий, причиняющих общественно опасный вред, виновный не желает и не допускает фактически наступивших последствий (последствий второго порядка).

2. Преступления, при которых фактически наступившие последствия тоже не охватывались сознанием виновного, но он мог и должен был их предвидеть, совершая умышленно или по неосторожности то или иное деяние, само по себе не являющееся преступным. Речь идет о различных преступлениях, связанных с нарушениями специальных правил (статьи 135, 215, 218, 219 УК и др.), когда уголовная ответственность возможна только в связи с наступившими вследствие этого общественно опасными последствиями.

Для первой группы преступлений характерно наличие как бы учтенной законом идеальной совокупности двух преступлений, вызываемых одним действием субъекта, при различном психическом отношении к ним, однако в данном случае речь идет о двух следующих друг за другом общественно опасных последствиях, рассматриваемых законодателем как одно (единичное) преступление.

Иная конструкция неоднородного психического отношения к действиям и фактически наступившим последствиям имеет место, когда сами по себе действия не являются преступными и выражаются в нарушениях различного рода правил, что можно лишь условно отнести к послед-

¹ Действующим законодательством (ст. 7 УК) данная форма вины не предусмотрена, что дает некоторым авторам формальные основания для ее отрицания. Не вдаваясь в содержание такого рода суждений, заметим, что данное явление само по себе существует и требует правовой оценки. Иного инструмента для разграничения целого ряда преступлений ни на практике, ни в теории не предлагается.

ствиям первого порядка. Без присущих преступлению общественно опасных последствий они относятся к административным правонарушениям.

При разрешении дел этой категории возникает необходимость установления факта нарушения указанных правил, а также причинной связи между этими нарушениями и указанными в уголовном законе последствиями.

Сами правила могут быть нарушены как умышленно, так и по неосторожности, но применительно к последствиям умысел исключен — здесь возможна только неосторожная вина (обе ее разновидности). В противном случае речь должна идти об умышленном преступлении (например, убийстве с использованием транспортных средств). В целом же рассматриваемые преступления считаются совершенными по неосторожности, поскольку субъективную сторону определяет неосторожное отношение лица к возможности наступления общественно опасных последствий (например, при нарушении им правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств)¹.

В ряде случаев законодатель указывает на заведомость нарушения различного рода правил (например, в ст. 215² говорится о выпуске в эксплуатацию заведомо технически неисправных транспортных средств, если это повлекло последствия, указанные в ст. 215 УК), что свидетельствует об умысле на совершение такого рода действий. К последствиям же вина и здесь неосторожная.

Термин “заведомость” нередко применяется в ином контексте. Например, в ст. 218 УК сказано о нарушении правил безопасности горных работ, которое причинило вред здоровью людей либо заведомо могло повлечь человеческие жертвы или иные тяжкие последствия. Указанное свидетельствует о сознательном допущении такого рода последствий, т.е. о косвенном умысле либо преступной самонадеянности. Сами же правила могут быть нарушены виновным как умышленно, так и по неосторожности.

В ст. 227 УК предусмотрена ответственность за нарушение правил по борьбе с эпидемиями, если они повлекли или заведомо могли повлечь распространение заразных заболеваний, что свидетельствует о такой же форме вины.

В п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 9 от 3 октября 1986 г. “О практике применения судами

¹ См. п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 7 от 24 декабря 1982 г. “О практике применения судами Украины законодательства по делам о транспортных преступлениях” (Бюлетьень ... — С. 162).

Украины законодательства и выполнения постановления Пленума Верховного Суда Украины по делам, связанным с нарушениями правил охраны труда” подчеркивается необходимость в каждом конкретном случае учитывать с исчерпывающей полнотой характер и мотивы допущенных нарушений правил, обеспечивающих безопасность ведения работ, тяжесть наступивших последствий, отношение виновного к соблюдению указанных правил (Бюлетень ... — С. 170). По существу, речь идет о необходимости установления психического отношения не только к последствиям, но и к действиям — нарушению самих правил.

С рассматриваемым вопросом связан более общий — о возможности вменения лицу разного рода обстоятельств, выходящих за пределы его умысла, которые он все же осознавал, не желая и не допуская их, либо мог и должен был осознавать (предвидеть) при совершении преступления. Например, в ряде случаев в качестве обязательного или квалифицирующего признака умышленного преступления выступает характеристика личности потерпевшего. В п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 4 от 27 марта 1992 г. “О судебной практике по делам об изнасиловании и иных половых преступлениях” сказано, что квалификация изнасилования по ч. 3 или ч. 4. ст. 117 УК возможна лишь в том случае, когда виновный знал или допускал, что совершает насильственный половой акт с несовершеннолетней или малолетней, а также когда он должен был и мог это предвидеть (Бюлетень ... — С. 86).

Аналогичная позиция высказана Верховным Судом Украины и в постановлении Пленума № 6 от 23 декабря 1983 г. “О практике применения судами Украины законодательства об ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность”, в п. 3 которого разъясняется, что “уголовную ответственность по ст. 208 УК несут только лица, которые на момент совершения преступления достигли восемнадцатилетнего возраста, при совершении ими умышленных действий, направленных на вовлечение несовершеннолетних в преступную или иную указанную в законе антиобщественную деятельность.

При этом лицо подлежит уголовной ответственности по ст. 208 УК как тогда, когда оно знало о несовершеннолетнем возрасте вовлекаемого, так и тогда, когда по обстоятельствам дела оно могло и должно было это предвидеть. Разрешая указанные вопросы, суды должны

не только учитывать показания самого обвиняемого, но и тщательно перепроверять их соответствие конкретным обстоятельствам дела" (Бюлетень ... — С. 158).

Вполне очевидно, что в случаях добросовестного заблуждения субъекта по поводу обстоятельств, относящихся к личности потерпевшего, они не могут быть вменены ему в вину.

Высказанные соображения касаются отягчающих обстоятельств, характеризующих действие, вредные последствия или личность потерпевшего и не затрагивающих сущности самого преступления.

Следует отметить, что содержание преступного деяния определяется не только формой вины, но и другими компонентами субъективной стороны, обозначаемыми факкультативными признаками, — мотивами, целью, эмоциями, присутствующими при совершении любого волевого акта человеческого поведения, в том числе преступного.

Для правоприменительной деятельности особое значение имеет правильное понимание мотивационной структуры совершенного деяния, находящегося под контролем сознания и воли индивида. Исходным моментом мотивации выступает динамика развития поступка, его структура — от принятия решения действовать определенным образом до наступления результата. Все, что побуждает человека к волевым действиям (поведенческой активности) и определенной деятельности, проходит через его сознание, должно быть не только осознано, но и приобрести определенную направленность, а это связано с постановкой цели и выбором средств ее достижения. Цель — источник устремления индивида, основа его поведенческой активности. Мотив — психологическая причина поступка, обусловленная потребностями, интересами, эмоциями субъекта. Однако ни мотив, ни цель сами по себе не определяют и не могут определить содержание поступка, они должны предметиться в средствах их удовлетворения и принятии решения действовать именно так, а не иначе. Только в связи с удовлетворением в самом деянии (действии или бездействии) они становятся юридически значимыми.

Мотив преступления можно определить как осознанное побуждение (стремление) к совершению конкретного целенаправленного волевого акта, представляющего общественную опасность и предусмотренного уголовным законом в качестве преступления.

По своей психологической сущности мотив преступления ничем не отличается от других мотивов человеческого поведения. Любое преступление всегда определяется конкрет-

ными мотивами, без которых оно не могло бы проявиться вовне, поскольку речь идет о волевых, а не о рефлекторных и инстинктивных действиях, осуществляемых бессознательно, носящих органический характер и потому не могущих быть предметом ни моральной, ни правовой оценки.

Конечно, существует различие между мотивом поступка и его юридическим значением. Преступник посягает на общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Любое преступление заключается в посягательстве на правоохраняемый объект, независимо от того, стремился ли виновный к причинению общественно опасного вреда или нет. Сознание общественной опасности деяния или возможность и долженствование такого сознания (психического отношения субъекта к причиняемому вреду) характеризует мотивацию каждого деяния. Криминогенность поступка заключена в форме, способе, средстве удовлетворения мотива, а не в нем самом.

Цель — результат, которого стремится достичь виновный. Она может относиться к действиям и последствиям.

Мотив и цель отражают сознание и волю индивида, которые проявляются при совершении преступления в своеобразных формах психического отношения к содеянному — умысле или неосторожности. Мотив и связанная с ним цель накладывают свой отпечаток на всю психическую деятельность, регулиующую поведение. Оказывая влияние на характер психического отношения субъекта к совершаемому общественно опасному действию (бездействию) и наступившим последствиям, они приносят морально-этический момент в оценку вины, ее степени и общественной опасности деяния в целом.

Различия в формах вины предполагают специфическое содержание мотивации самого поступка, которая в каждом случае имеет свой собственный смысл и значение. Решение действовать определенным образом связано не только с выбором поступка (избирательностью поведения), но и с формой реализации мотива. В одних случаях он реализуется в наступивших последствиях, когда цель и результат совпадают, что характерно для материальных преступлений, совершаемых с прямым умыслом; в других — в самих действиях, что присуще формальным преступлениям, когда косвенный умысел исключен; в-третьих он оказывается нереализованным, так как цель и результат не совпадают, а последствия выступают как побочные, вторичные результаты действия, что свидетельствует об отсутствии прямого умысла либо о неосторожном причи-

нении вреда (преступной самонадеянности или небрежности). Цель в таких случаях как бы сдвигается на сами действия. К ним относится и соответствующий мотив, не распространяющийся на последствия содеянного.

Возможны различия в степени осознанности мотивов, целей, перспектив развития волевого акта — от глубоко продуманного намерения, направленного на достижение преступной цели, до смутного осознания последствий аффективного поступка. Иногда субъект четко осознает лишь ближайшие последствия, безразлично относясь к более отдаленному результату и даже не осознавая его (это характерно, в частности, для сложной формы вины).

Иначе говоря, в умышленных преступлениях имеет место непосредственная соотносимость (актуализация) мотива и цели с наступившими общественно опасными последствиями, преступным результатом, которого виновный желает при прямом умысле или сознательно допускает при косвенном. В неосторожных преступлениях такая соотносимость отсутствует, хотя и в таких случаях совершаемые действия не бесцельны и не безмотивны. Однако их мотивированность сводится лишь к объяснению, почему субъект поступил так, а не иначе в сложившейся обстановке (нарушил предъявляемые требования, не выполнил своих обязанностей, не проявил необходимой предусмотрительности и т.п., что привело к общественно опасным последствиям).

Мотивы и цели связаны между собой и определяют друг друга. Вне цели мотив не существует, так же как и цель проявляется лишь в связи с мотивом. Цель определяет и направляет действие, обуславливает его устремленность на достижение того результата, мысленный образ которого в ней заключен. Даже импульсивное поведение, занимающее промежуточное место между волевым и инстинктивным поведением, не является бесцельным, бессмысленным. Решение действовать связано не только с выбором поступка, но и с формой реализации мотива, определением цели действий, направленных на его удовлетворение.

Данные, относящиеся к интеллектуальным и волевым признакам субъекта преступления (его вменяемости), в определенной мере логически связаны с формой вины конкретного состава и мотивацией совершенного преступления. Как только мы мысленно приближаемся к более предметному рассмотрению психологической природы преступного поведения, обнаруживается, что именно мотив и цель выступают в роли связующего звена между сознани-

ем и волей индивида. Более того, именно они объединяют все объективные и субъективные признаки состава в единое целое. И это не случайно. Мотив аккумулирует в себе внутренние качества совершаемого преступления, не только определяет в конечном счете направленность действий и их характер, но и отражает социальные свойства самого субъекта. С психологической точки зрения мотив связан прежде всего с целью совершаемых действий. Любая волевая деятельность, в том числе преступная, не только вызывается осознанными побуждениями (мотивами), но и носит целеустремленный характер.

Мотив и цель имеют много общего, но главное то, что именно через цель непосредственно осуществляется мотивация поступка. Вряд ли можно раскрыть действительное содержание совершенного преступления, характер вины, направленность тех или иных действий, объективную сторону состава, а следовательно и объект преступления, не пользуясь при этом категорией цели. Однако с точки зрения уголовно-правовой оценки цель, так же как и мотив, приобретает значение лишь в связи с наступлением общественно опасных последствий, фактического причинения или угрозы причинения вреда правоохраняемым интересам. Вне посягательства на объект нет и не может быть преступления, какие бы цели не ставились преступником и какие бы низменные побуждения он не испытывал. В то же время цель и результат преступных действий могут и совпадать друг с другом, и существенно различаться. Преступник иногда ставит перед собой и несколько целей одновременно, причем они могут отличаться друг от друга не только степенью осознанности, но и возможностью осуществления в данный момент или в будущем. С ними соотносятся и мотивы поведения. Являясь внутренним содержанием помыслов личности, мотив в виде осознанного и сформированного стремления находит свое объективное выражение вовне — в ее действиях, направленных на определенный объект.

Связь мотива со всеми другими признаками состава и его исключительность определяются и тем, что ему присущи специфические качества, относящиеся к интеллектуальной и волевой сферам человеческой активности. В общем виде мы уже отмечали, что побуждения только тогда становятся мотивами, когда они осознаются субъектом и являются выражением его целеустремленности. Это значит, что побуждения соотносятся с какой-то целью, ориентируя на совершение конкретных действий либо,

напротив, на их несовершенство (бездействие) в сложившейся ситуации. Активная устремленность личности к той или иной форме поведения есть проявление воли. Иначе говоря, мотив уже сам по себе содержит определенные интеллектуальные и волевые компоненты, которые затем проявляются в совершении на его почве конкретного волевого акта. Интеллектуальные компоненты заключаются в осознании побуждения (вызываемого потребностями, интересами, эмоциями и т.п.), волевые — в формировании решения, направленного на его удовлетворение, и претворении такого решения в действительность. Выделение интеллектуальных и волевых компонентов мотива позволяет глубже изучить связь между всеми элементами состава преступления и более предметно решить вопрос о квалификации содеянного. Это особенно важно при изменении содержания мотивации деяния в момент его осуществления. Например, в некоторых случаях преступник, применяя насилие над личностью для достижения одной цели, одновременно или уже достигнув ее, начинает осуществлять другую цель (например, при совершении хулиганства или изнасилования завладевает имуществом потерпевшей). При этом в одних случаях средством осуществления всех поставленных целей служит первоначально примененное насилие, в других оно изменяется, становится более опасным, интенсивным, целенаправленным (в зависимости от содержания умысла).

Вопрос о квалификации насильственных действий, принятых преступником для реализации трансформированного умысла, решается проще, если он совершает при этом новые насильственные акты, служащие достижению вновь поставленной корыстной цели. Несколько сложнее дать правовую оценку его действий, когда первоначально имевшее место "некорыстное" насилие затем было использовано для завладения имуществом. Представляется, что само по себе прекращение физического насилия не ликвидирует его психического воздействия на потерпевшего, который воспринимает как угрожающую саму обстановку происшедшего, опасаясь возможности повторения насилия. Вот почему в обоих приведенных вариантах содеянное представляет собой грабеж или разбой (в зависимости от характера примененного насилия, а именно было ли оно опасным для жизни и здоровья или нет), а все совершенное — идеальную совокупность соответствующих преступлений.

В особом рассмотрении нуждается вопрос о специфике установления субъективной стороны состава преступления

(признаков деяния, имеющих психологическую природу) при помощи фактических обстоятельств совершения последнего.

Эти обстоятельства можно разделить на четыре основные группы:

1) обстоятельства, характеризующие само деяние, предмет посягательства, направленность воздействия, используемые при этом способы и орудия, силу и интенсивность действий, тяжесть наступивших последствий, их необратимость, невозможность и т.п.;

2) обстоятельства, характеризующие обстановку совершения преступления, — время, место, сложившуюся ситуацию, наличие или отсутствие поводов к содеянному, характер взаимоотношений обвиняемого и потерпевшего, поведение их до и во время совершения преступления, создание субъектом благоприятных условий для осуществления намерений или преодоление им препятствий, проявление упорства и т.п. либо, напротив, отказ от причинения более опасных последствий, приостановление действий при возможности их дальнейшего осуществления, предотвращение вреда или попытка это сделать и т.п.;

3) обстоятельства, характеризующие отдельные компоненты, признаки субъективной стороны состава, — высказывания о намерениях, угрозах, обидах, недовольстве и т.п., характер совершенных действий (например, направленность ножевых ударов в жизненно важные органы), очевидность возможных общественно опасных последствий (заведомость их), повторение (неоднократность) самих действий, исключаящее случайность невиновного причинения вреда и т.п. обстоятельства, свидетельствующие или могущие свидетельствовать о той или иной форме вины, мотивах и целях содеянного;

4) фактические обстоятельства, характеризующие личность виновного, — социально-демографические признаки, нравственно-психологические качества и психофизиологические особенности, психические и соматические аномалии и особые состояния, возрастные и другие свойства, специальные познания, опыт, навыки, привычки и т.п. обстоятельства, оказавшие влияние на совершение преступления, его психологическую природу, а следовательно и на содержание субъективных признаков состава.

Перечисленные фактические обстоятельства совершения преступления, используемые для раскрытия его внутренней (психологической) сущности, не являются исчерпывающими. Однако очевидно, что чем шире их круг, чем они конкретнее, тем точнее удастся выявить субъективную

сторону соответствующего состава. Обстоятельства, относящиеся к характеристике самого деяния, несут отпечаток сознания и воли индивида, выступая средством достижения его целей, устремлений, намерений, желаний и т.п., а следовательно и инструментом их познания, подтверждения, а также оценки для соответствующих выводов.

При установлении субъективной стороны на первое место выдвигается направленность действия (объект) и интенсивность самих действий — их однократность или повторность, многократность. Указанное может свидетельствовать об объеме и характере предвидения последствий, отношении виновного и к ним, и к совершенным действиям.

Не меньшее значение имеют обстоятельства, относящиеся к конкретной жизненной ситуации (обстановке) совершения преступления. Они помогают понять мотивы действий субъекта и цели, которые он преследовал, установить, мог ли он сознавать, предвидеть возможность наступления вредных последствий и действительно ли имел возможность реализовать свои намерения, и т.п.

Обстоятельства, характеризующие конкретную ситуацию, крайне разнообразны и многозначны. Столь же различно их детерминирующее значение и формы отражения в них субъективных признаков. В одних случаях, например, при квалификации посягательств на личность, особое значение приобретает характер взаимоотношений обвиняемого с потерпевшим, нередко раскрывающий мотивацию преступления, в других — наличие повода или его незначительность, а тем более отсутствие, служит основанием отграничения преступлений против личности от хулиганства, в третьих — характер повода к совершению действий может указать на источник аффективного поведения и т.п. Избранный способ посягательства служит основой разграничения форм хищений между собой, преступлений против собственности и иных посягательств. В частности, если избранный способ особо опасен (например, взрыв, поджог и т.п. действия, грозящие гибелью людей), он свидетельствует об иной направленности прямого умысла и иной мотивации преступления — диверсии (ст. 60).

Поскольку вменить в вину субъекту можно только то, что охватывалось или могло быть охвачено его сознанием, именно этим и определяется круг фактических обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию. В связи со сказанным особое значение приобретает личность субъекта преступления. Кстати, вне доказанности вины в совершении конкретного преступления сама по себе лич-

ность не имеет ни уголовно-правового, ни криминологического значения, а отсутствие правосубъектности лица (соответствующего возраста и вменяемости) вообще исключает его уголовную ответственность. В то же время личностные особенности (например, степень возбудимости лица, особенности реакции водителя и т.п.) могут оказать влияние на возможности субъекта правильно воспринимать, осознавать и оценивать соответствующую информацию, а следовательно осознавать и предвидеть те или иные факты, обстоятельства, а также руководить своими действиями. Несомненно, должны учитываться и различные аномалии человеческой психики в рамках вменяемости (задержки умственного развития, психопатия, травмы головного мозга и др.), могущие ограничить способность субъекта предвидеть общественно опасные последствия и руководить своими действиями (поведением)¹.

Поскольку субъективная сторона преступления представляет собой отражение (возможность отражения) в сознании субъекта объективных признаков, его психическое отношение к ним, то в случае отличия одного преступления от другого по объективным признакам они различаются и по субъективным признакам. Но даже если преступления совпадают по объекту, объективной стороне (а зачастую и по субъекту), они всегда отличаются по отдельным признакам субъективной стороны. Более того, субъективная сторона различных преступлений в одних случаях имеет неодинаковое предметное содержание, в других — различную форму. Под предметным содержанием в данном случае понимается то, к чему определяется психическое отношение лица, а под формой — специфика отражения в сознании объективных признаков деяния (умысел, неосторожность, наличие цели, мотива и т.п.).

Основа разграничения преступлений по субъективной стороне — форма вины. По этому критерию сравнительно легко различимы многие преступления, совпадающие по объективным признакам: умышленное и неосторожное убийство, умышленное и неосторожное повреждение имущества и др. Однако во многих случаях трудно определить, какую форму вины предусматривает тот или иной состав преступления. Об умысле может свидетельствовать смысл употребляемых в законе терминов (самовольная отлучка, заведомость, злостность, жестокость, неоднократность, промысел,

¹ Более подробно по данному вопросу см. *Селецкий А.И., Тарарухин С.А. Невершеннолетние с отклоняющимся поведением.* — Киев, 1981.

совершение преступления после применения мер административного воздействия за аналогичное правонарушение, т.е. преюдиция и др.), а также указание в нем на цель действия и мотивы, связанные с последствиями.

Субъективную сторону преступления характеризуют не умысел или неосторожность вообще, а умысел и неосторожность, наполненные строго определенным, конкретным содержанием, специфическим для данного рода и вида преступлений. Это и дает возможность разграничивать преступления с одинаковой формой вины (например, террористический акт и обычное, общеуголовное убийство). При этом учитываются также мотивы и цели совершения преступления (их предметность), позволяющие в своей совокупности определить направленность умысла (объект посягательства), опираясь на объективные (фактические) признаки содеянного.

Интеллектуальная сторона психического отношения к отдельному объективному признаку обычно сводится к двум вариантам: сознавал — не сознавал. Но если уточнить этот вопрос, конкретизировать его, то оказывается, что в составе умышленного преступления осознается каждый объективный признак, а в составе неосторожного — хотя бы один из них не осознается, хотя должен и может быть осознаваем субъектом. Иными словами, отсутствие осознания хотя бы одного обязательного признака состава может превратить рассматриваемое преступление из умышленного в неосторожное. Значение содержания психического отношения субъекта к остальным объективным признакам состава зависит от конструктивных особенностей, указанных в законе и подразумеваемых в нем. При этом следует иметь в виду, что в рамках даже одного преступления возможно разное психическое отношение к действиям и последствиям (одному или нескольким, следующим друг за другом) из-за различий в их фактическом осознании субъектом. Осознание одних признаков и его отсутствие в отношении других позволяет разграничивать, например, покушение на убийство и причинение телесных повреждений (хотя здесь возникает необходимость обратиться к постулату о том, что покушение с косвенным умыслом невозможно, а также установить, в чем конкретно выражен прямой умысел, какова его разновидность и т.п.).

Прежде чем решать вопрос о подлинном значении психического отношения к тому или иному объективному признаку, надо определиться, идет ли речь об одном преступ-

лении или о нескольких (их совокупности), каков набор необходимых признаков для каждого из них, не возникает ли необходимость обращаться к другим признакам для отграничения устанавливаемого состава от других смежных преступлений или определения их совокупности, когда ни один состав преступления, взятый изолированно от другого, не охватывает содеянного с надлежащей полнотой.

Степень осознания тех или иных признаков позволяет отграничивать хищение транспортных средств от их угона, хулиганство — от преступлений против личности (явное, очевидное для всех и самого преступника нарушение общественного порядка при совершении последних свидетельствует о хулиганстве). При этом следует иметь в виду, что вина в отношении последствий не может быть большей, чем вина в отношении самих действий. Если, к примеру, субъект не предвидит того, что он причиняет телесные повреждения, то, естественно, он не может умышленно относиться к наступившей от этого смерти. В то же время различие в волевом отношении к другим признакам состава преступления уголовно-правового значения не имеет.

Разграничение преступлений возможно и по другим субъективным признакам в рамках одной и той же формы вины, прежде всего по мотиву и цели. Именно так различаются, например, многие должностные и хозяйственные преступления. В указанных в законе случаях они являются самостоятельными признаками состава (к примеру, корыстная или иная личная заинтересованность при злоупотреблении служебным положением). Причем мотив и цель не могут подменяться установлением каких-то иных обстоятельств совершения преступления, в частности, поводов к нему. Например, при расследовании и судебном рассмотрении преступлений против личности нередко ставится знак равенства между ссорой (дракой) и мотивацией преступления. Между тем мотив — внутренний побудитель к действию, а повод — объективный фактор, случай, предлог, обстоятельство, которое используется с какой-то целью. Возникшая ссора и драка могут быть поводом к совершению самых разных по своей юридической природе преступлений, вызванных разнообразными мотивами, — корыстью, ревностью, завистью, хулиганскими побуждениями и т.п. Поводом к возникновению мотива могут быть оскорбление, обида, ссора на бытовой или иной почве и т.п. Между тем и другим иногда проходит длительное время (и это может свидетельствовать о заранее обдуманном умысле) либо, напро-

тив, они возникают почти одновременно, а сам по себе повод, по которому возникли ссора и драка, может быть малозначительным, беспочвенным, надуманным, что, в частности, характерно для хулиганства.

Правильность квалификации зачастую зависит от определения значимости мотива и цели данного вида преступлений. Например, при выяснении, является ли преступление против собственности хищением, нередко на первое место ошибочно ставится корыстный мотив, а не цель такого же содержания. В результате возникают затруднения при квалификации хищений в пользу других лиц (родственников, знакомых, соучастников по преступному бизнесу и т.п.), отграничении хищений от других смежных преступлений, характеризующихся корыстной мотивацией (например, хищения путем злоупотребления от злоупотребления служебным положением из корысти или иной личной заинтересованности). Позже мы вернемся к этому вопросу более предметно. Здесь же представляется необходимым подчеркнуть, что, характеризуя мотив как внутреннюю причину преступления, законодатель нередко использует весьма неоднозначные обобщенные термины, нуждающиеся в конкретизации. Например, в законе идет речь о “низменных побуждениях”, “хулиганских побуждениях”, “личной заинтересованности” и т.п. понятиях, в действительности обозначающих довольно широкий круг устремлений. Это полностью относится и к содержанию цели, которая преследуется при совершении преступлений на почве названных мотивов¹.

Высказанные соображения свидетельствуют о том, что содержание мотивации намного шире, чем о ней сказано в законе и чем она отражается в формализованной категории состава преступления.

Вина в форме умысла или неосторожности и мотивированность деяния — это два, хотя и взаимосвязанных, но все же не поглощающих друг друга понятия, обозначающих разные стороны психологической сущности преступления. Лишь в своей совокупности они раскрывают психическую деятельность, сопровождающую преступление, его внутреннюю природу.

Изложенные отправные положения о квалификации и разграничении единичных преступлений позволяют более предметно рассмотреть эти вопросы применительно к отдельным видам преступлений, для которых ошибки в правовой оценке содеянного наиболее характерны.

¹ Более подробно по данному вопросу см. *Тарарухин С.А.* Установление мотива и квалификация преступления.

Глава IV

КВАЛИФИКАЦИЯ И РАЗГРАНИЧЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

§ 1. Квалификация хищений государственного и коллективного имущества и их отграничение от других преступлений

Термин “хищение” — собирательный. Им принято обозначать группу таких преступлений, как кража, грабеж, разбой, мошенничество, присвоение, растрата, хищение путем злоупотребления служебным положением.

Под *хищением* обычно понимается умышленное безвозмездное (т.е. без вложения личного труда или иного возмещения стоимости) завладение государственным или коллективным имуществом с целью обращения его в свою пользу или в пользу других лиц. Таково общее понятие хищения, пригодное для решения практических задач правоприменительной деятельности¹.

Родовым объектом рассматриваемых преступлений выступает право собственности, вытекающее из отношений собственности, в соответствии с которым осуществляется владение, пользование и распоряжение имуществом (в данном случае государственным или коллективным). Таково определение права собственности в его субъективном смысле. Нередко собственность рассматривается и как объективная категория — в виде общественных отношений между людьми в процессе производства материальных благ и последующего их распределения, обмена и потребления. В таком случае в качестве родового объекта рассматриваемых преступлений анализируются общественные отношения, существующие при производстве материальных благ и распределении продуктов труда. Однако это мало что дает для решения уголовно-правовых проблем. К тому же, как показала жизнь, вопрос о социалистической собственности как абстрактной категории надстроечного порядка нуждается в переосмыслении. У собственности должен быть конкретный хозяин, осуществляющий фактическое владение, пользование и распоряжение иму-

¹ По поводу общего понятия хищения высказаны различные точки зрения, мало отличающиеся от приведенной. Принципиальным является правильное понимание цели данного преступления, определяющей корыстную направленность мотивации.

ществом в любой форме, что имеет непосредственное отношение к теме данного параграфа.

Среди хищений государственного и коллективного имущества можно выделить преступления, совершаемые лицами, которым оно вверено под условием материальной или иной ответственности либо которые ведают, управляют и распоряжаются им в силу предоставленных полномочий (речь идет о присвоении, растрате и хищении путем злоупотребления служебным положением — ст. 84 УК), и остальные преступления, совершаемые лицами, не имеющими такого отношения к имуществу.

В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 7 от 25 сентября 1981 г. “О практике применения судами Украины законодательства по делам о хищениях государственного и коллективного имущества” подчеркивается, что “хищение может квалифицироваться как присвоение или растрата вверенного либо такого, которое было в ведении, государственного или коллективного имущества в случаях, когда виновный в соответствии со служебными обязанностями, договорными отношениями или специальным поручением предприятия, учреждения, организации, кооператива или иной общественной организации наделяется правомочием по распоряжению, управлению, доставке или хранению похищенного имущества” (Бюлетень ... — С. 65).

В другом постановлении Пленума Верховного Суда Украины — № 2 от 27 марта 1987 г. “О практике применения судами Украины законодательства по делам о хищениях государственного и коллективного имущества на предприятиях и в организациях агропромышленного комплекса” сказано, что обращение в свою собственность или собственность других лиц водителями, трактористами, возчиками продукции, вверенной им для транспортировки (доставки) на основании товарно-транспортной накладной, талона или иного внутривладельческого документа с указанием количества (веса) продукции, следует квалифицировать как присвоение или растрату государственного или коллективного имущества (п. 3). Согласно п. 4 этого же постановления аналогично должно квалифицироваться безвозмездное обращение бригадами животноводческих комплексов (ферм) колхозов, совхозов, скотооткормочных, скотозаготовительных организаций вверенного им скота в свою собственность или собственность других лиц (Бюлетень ... — С. 72).

Помимо отмеченной специфики в основе разграничения форм хищений между собой лежит способ совершения преступления (тайный, открытый, соединенный с насиле-

ем, без применения насилия и т.п.). Объединяющим элементом для них всех является момент окончания преступления — получение первоначальной возможности распорядиться похищенным имуществом по своему усмотрению после завладения им¹.

Рассмотрим некоторые общие положения, относящиеся к хищениям. Большинство выявленных хищений государственного и коллективного имущества (около 70 процентов) совершается путем кражи.

Под *кражей* в законе (ст. 81) подразумевается тайное хищение имущества, т.е. совершенное в отсутствии лиц, ответственных за его сохранность, либо в их присутствии, но незаметно для них, а равно в присутствии посторонних лиц, не сознававших факта преступного изъятия имущества, завладения им. Виновный рассчитывает на незаметность своих действий либо на молчаливое согласие окружающих не препятствовать совершению преступления, попустительствовать ему. Если же расчеты на попустительство посторонних граждан не оправдались и преступник открыто игнорирует попытку воспрепятствовать хищению или прибегает к насилию с целью удержать похищенное, ответственность наступает, в зависимости от обстоятельств дела, за грабеж или разбой — т.е. за более опасное, чем кража, посягательство.

Под *грабежом* (ст. 82) понимается открытое хищение государственного или коллективного имущества, т.е. совершенное в присутствии лиц, в ведении или под охраной которых оно находилось, либо посторонних граждан, сознававших противоправный характер действий виновного, который это обстоятельство игнорировал, действуя дерзко, открыто, рассчитывая на отсутствие противодействия со стороны окружающих и возможность применения к ним (при необходимости) насилия. Однако это насилие не должно быть опасным для жизни и здоровья потерпевшего. Именно оно характерно для грабежа, совершаемого при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 82). Если же имеет место насилие, опасное для жизни и здоровья потерпевшего, содеянное надлежит квалифицировать как разбой, ответственность за который предусмотрена ст. 86 УК.

¹ По данному вопросу в специальной литературе высказано множество суждений, каждое из которых в той или иной мере отражает изложенное. Причем это имеет непосредственное отношение не только к стадиям совершения преступлений, но и к их перерастанию из одного — менее опасного в другое — более опасное, а также к отграничению такого перерастания от совокупности преступлений.

Разбой представляет собой нападение с целью завладения государственным или коллективным имуществом, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия. Разбой — формальное преступление. Он считается оконченным в момент посягательства, независимо от достигнутого результата (завладел виновный имуществом или нет для квалификации значения не имеет).

Преступные действия субъекта при разбое направлены не только против государственной или коллективной собственности (основной объект посягательства), но и против жизни и здоровья лиц, в ведении или под охраной которых находится имущество, а равно и любых иных граждан, противодействующих завладению имуществом или способных, по мнению виновного, помешать реализации его преступного замысла. Жизнь и здоровье указанных лиц выступают в качестве дополнительного объекта посягательства. Преступник угрожает этим лицам насилием, опасным для жизни и здоровья, либо применяет его с целью завладеть имуществом. Физическое или психическое насилие в данном случае является средством завладения имуществом или устранения возможного противодействия этому. Насилие выражается в причинении легкого телесного повреждения, повлекшего кратковременное расстройство здоровья или кратковременную утрату трудоспособности, тяжкого или средней тяжести телесного повреждения. Примененное насилие может вообще не причинить каких-либо повреждений, однако создавать реальную опасность для жизни и здоровья потерпевшего в момент нападения, как, например, применение сильно действующего снотворного или одурманивающего средства.

Психическое насилие при разбое заключается в угрозе виновного применить физическое насилие, опасное для жизни или здоровья потерпевшего (лица, подвергшегося нападению). Причем угроза должна восприниматься последним как действительная, реальная. Именно на это и рассчитывает виновный.

Степень опасности действий, направленных против личности (опасные или не опасные для жизни и здоровья), должна оцениваться как по причиненному физическому вреду, так и по способу их причинения. Такая оценка действий, по существу, является одновременно и оценкой степени насилия, примененного преступником. Указанное обусловлено тем, что способ действий сам по себе может свидетельствовать о реальной опасности для жизни и

здоровья потерпевшего в момент их совершения, даже если в результате какой-то случайности физический вред и не наступил. Речь идет, в частности, о применении различных предметов, способных по объективным свойствам причинить физический вред, опасный для жизни и здоровья, а также случаях, когда такая опасность возникает вследствие направленности самих действий (сильных ударов в жизненно важные органы, попытки удушения и т.п.).

Трудности иногда возникают и при оценке характера угрозы, а именно: представляла ли она опасность для жизни и здоровья потерпевшего. Это обусловлено тем, что характер угрозы может быть определен лишь по способу ее выражения: словесно (например, “убью”, “зарезу”, “покалечу” и т.п.), при помощи демонстрации оружия или иных предметов, его заменяющих, жеста, а также путем создания соответствующей обстановки и т.п.

Однако при этом важно не только то, как воспринимал такую угрозу потерпевший, но и действительно ли имелись основания для этого. Субъективная оценка потерпевшего неотделима от объективной обстановки происшедшего. Причем не имеет значения, был ли потерпевший способен правильно воспринимать грозящую ему опасность или же нет (например, вследствие алкогольного, наркотического опьянения). Ее характер должен оцениваться независимо от этого восприятия.

Особого внимания требуют случаи так называемой неопределенной угрозы (например, “изобью”, “будет хуже”, “лучше молчи” и т.п.), когда она сама по себе не свидетельствует о намерении убить или причинить телесные повреждения. Если завладение имуществом соединено с такой угрозой, вопрос о наличии в действиях виновного состава грабежа или разбоя необходимо решать с учетом всех обстоятельств дела, на основе оценки обстановки совершения преступления в целом (его места и времени, количества преступников, характера предметов, которыми они угрожали потерпевшему, субъективного восприятия им характера угрозы и т.п.).

В любом случае примененное насилие является средством подавления воли потерпевшего к сопротивлению, который считает, что оно может быть осуществлено тут же, и потому выполняет преступные требования виновного.

Если в результате примененного при нападении насилия наступила смерть потерпевшего, содеянное квалифицируется как умышленное убийство из корыстных побуждений (п. “а” ст. 93) и разбой при отягчающих обстоя-

тельстввах (ч. 2 ст. 86) — т.е. по совокупности указанных преступлений, поскольку ни одна их норм, взятая в отдельности, не охватывает содеянного с надлежащей полнотой. В то же время любое другое насилие, за исключением тяжкого телесного повреждения, в результате которого наступила смерть потерпевшего, охватывается составом разбоя и не требует дополнительной квалификации по статьям против личности.

С насильственным грабежом и разбоем близко соприкасается вымогательство (ст. 86²) или как его чаще называют “рэкет”, получивший в последнее время большое распространение.

Под *вымогательством* понимается требование о передаче имущества или права на него под угрозой насилия над лицом, в ведении или под охраной которого находится это имущество, либо над его близкими, разглашения позорящих сведений о нем или его близких, а также повреждения или уничтожения их личного или государственного либо коллективного имущества, которое находится в их ведении или под охраной. Такое требование может быть высказано в любой форме (устно или письменно), но его содержание всегда сводится к предложению передать безвозмездно имущество или право на него вымогателю, у которого нет каких-либо законных оснований на их получение.

В отличие от разбоя при вымогательстве действия преступника не способны нарушить законного владения имуществом. Лица, в ведении, управлении, распоряжении которых находится имущество, могут не передать его преступнику, приняв соответствующие меры. Более того, передача имущества вовсе не обязательно должна заключаться в фактическом переходе владения или пользования имуществом к виновному. Она может быть оформлена посредством документов, удостоверяющих (закрепляющих) такой переход (например, под угрозой применения насилия должностное лицо вынужденно отдает распоряжение об отпуске преступнику определенного имущества, на получение которого тот не имел никаких оснований). Требование передачи права на имущество означает сопряженное с угрозой предложение предоставить виновному такое право, используя которое он мог бы в дальнейшем получить имущество или продолжать пользоваться им якобы правомерно, даже если оно было им захвачено самоуправно.

Незаконные требования о передаче права на имущество

могут быть адресованы лишь лицам, ведающим этим имуществом, так как только они могут им распоряжаться, в частности, предоставлять право владеть, пользоваться государственным или коллективным имуществом. В то же время требования о передаче имущества в натуре могут быть обращены как к лицам, ведающим им (например, к заведующему складом), так и к лицам, его охраняющим (например, к сторожу склада).

Требование о передаче имущества (но не права на имущество, что присуще только вымогательству), соединенное с угрозой применения насилия к лицу, к которому это требование обращено, следует отличать от грабежа и разбоя. И в том, и в другом случае угроза насильем выражается в запугивании нанесением побоев, легких, средней тяжести и тяжких телесных повреждений, убийством. Однако по своему характеру и цели она неодинакова. Если при разбое и грабеже угроза служит средством преодоления сопротивления потерпевшего захвату имущества непосредственно в момент ее высказывания (и в случае, когда угроза насильем оказывается недостаточной, она тут же реализуется для завладения имуществом), то при вымогательстве угроза служит средством принуждения к передаче имущества или права на его лишь в будущем. Если такое принуждение не достигло цели, виновный может привести угрозу в исполнение, но без завладения имуществом в момент применения насилия.

В отличие от разбоя угроза насильем при вымогательстве может быть направлена не только против лиц, в ведении которых находится имущество или которые его охраняют, но и их близких. К близким в данном случае относятся прежде всего родственники (родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья, сестры, дед, бабушка, а также супруг). Однако закон не ограничивает круг близких лиц только родственниками. Близкими могут быть признаны и другие лица, угроза применением насилия к которым способна принудить лицо передать имущество или права на него преступнику.

Вымогательство считается оконченным с момента предъявления требования о передаче имущества или права на него под угрозой насилия, разглашения позорящих сведений или уничтожения имущества. При этом угроза должна представляться потерпевшему реальной.

К квалифицирующим признакам вымогательства относится совершение его с применением насилия, не опасного (ч. 2 ст. 86²) и опасного для жизни и здоровья потерпев-

шего (ч. 3 ст. 86²). Поэтому осуществление угрозы квалифицируется как вымогательство в этих пределах. В тех случаях, когда виновный пытается под угрозой насилия заставить лицо передать ему имущество, но, не достигнув желаемого результата, спустя некоторое время приводит угрозу в исполнение и одновременно завладевает имуществом, он должен нести ответственность как за вымогательство, так и за разбой. Если же вымогательство сопровождалось убийством потерпевшего, содеянное надлежит квалифицировать по ч. 3 ст. 86² и п. "а" ст. 93 — т.е. по совокупности указанных преступлений.

Средством вымогательства может быть также шантаж в виде угрозы разгласить позорящие сведения о лицах, ведающих имуществом или охраняющим его, либо об их близких. Позорящими могут быть любые сведения, которые унижают честь и достоинство человека, независимо от того, истинны они или ложны, а также сведения, которые лицо желало сохранить в тайне. Вопрос о том, позорили конкретные сведения лицо или нет, решается на основе общепринятой в обществе морали. При этом учитывается и оценка характера этих сведений самим потерпевшим.

Средством вымогательства может быть также угроза повреждением, уничтожением вверенного имущества, а также имущества лиц, в ведении или под охраной которых находится государственное или коллективное имущество, либо имущества их близких. Как правило, угрожают поджогом, но возможна угроза и другими действиями — взрывом, затоплением и т.п.

Субъективная сторона вымогательства характеризуется прямым умыслом, направленным на извлечение корысти, и целью незаконно получить имущество или право на имущество, принадлежащее государственной, общественной организации, предприятию, учреждению, под угрозой совершения действий, могущих причинить вред интересам лица, в ведении или под охраной которого это имущество находится.

Для вымогательства предусмотрены такие квалифицирующие признаки, как угроза убийством или нанесением тяжких телесных повреждений; насилие, не опасное для жизни и здоровья потерпевшего; повреждение или уничтожение имущества (ч. 2 ст. 86²). В ч. 3 этой же статьи предусмотрена ответственность за вымогательство, совершенное организованной группой или особо опасным рецидивистом, либо соединенное с насилием, опасным для

жизни и здоровья потерпевшего, а также такое, которое причинило крупный ущерб или иные тяжкие последствия.

Своеобразным преступлением против государственной, коллективной собственности является хищение путем *мошенничества* (ст. 83). От других форм хищения оно отличается тем, что лицо, в ведении или под охраной которого находится имущество, в результате обмана или злоупотребления доверием само передает его виновному, ошибочно полагая, что последний имеет на него право (например, в результате предоставления различных подложных документов — кассовых чеков, квитанций, билетов, накладных и т.п.).

Обман при мошенничестве предполагает сообщение ложных сведений либо заведомое сокрытие, умолчание о тех или иных обстоятельствах, сообщение которых было обязательным.

Разновидностью обмана выступает злоупотребление доверием, которое выражается в заведомом использовании виновным особых, основанных на доверии, фактических или юридических отношений с лицом, ведающим имуществом, с целью обратить последнее в свою пользу или в пользу других лиц. Ответственность за мошенничество может нести лишь частное лицо. Если такого рода действия совершаются должностным лицом, они квалифицируются по ст. 84 УК, которая предусматривает ответственность за присвоение, растрату и хищение путем злоупотребления служебным положением. Эти три формы хищения характеризуются особым отношением виновного к расхищаемому имуществу — оно находится в его правомерном владении (ведении или распоряжении). Т.е. преступник похищает это имущество, используя свое служебное положение материально ответственного или должностного лица (нередко эти обязанности совмещаются).

Присвоение предполагает незаконное, безвозмездное удержание имущества, находящегося в правомерном владении виновного, которое может вытекать из должностных обязанностей, договорных отношений или специального поручения. Оно заключается в правомочиях по распоряжению, управлению, доставке, хранению материальных ценностей, что используется расхитителем в преступных целях.

Растрата заключается в потреблении или отчуждении, издержании (продаже, дарении и т.п.) государственного или коллективного имущества, находящегося в правомерном владении виновного (вверенного ему под материаль-

ную ответственность, для доставки по накладным и другим документам, на ответственное хранение).

Правомерное владение имуществом — важный признак, отличающий присвоение и растрату от других форм хищения, в том числе от хищения путем *злоупотребления служебным положением*, которое представляет собой безвозмездное завладение государственным, коллективным имуществом должностным лицом с использованием своего служебного положения, т.е. своих служебных полномочий по распоряжению им. Злоупотребление служебным положением в данном случае выступает в качестве способа совершения хищения.

Указанные в ст. 84 УК формы хищения государственного или коллективного имущества нередко сочетаются между собой, сопровождают друг друга, что зависит от отношения виновного к расхищаемому имуществу, а также от способа совершения данного преступления.

В качестве *квалифицирующих признаков* хищений государственного или коллективного имущества выступают: повторность, крупный размер похищенного¹, совершение преступления по предварительному сговору группой лиц, особо опасным рецидивистом (последнее — кроме деяний, предусмотренных ст. 84). Поскольку общая характеристика этих признаков уже рассматривалась применительно к квалификации единичного преступления, представляется необходимым подчеркнуть лишь их некоторую специфику применительно к данному виду преступлений.

Повторность как квалифицирующий признак кражи, грабежа, вымогательства, мошенничества, присвоения, растраты и хищения путем злоупотребления служебным положением государственного или коллективного имущества понимается в широком смысле. Повторными преступления, предусмотренные статьями 81—84, 86², считаются во всех случаях, когда лицо ранее совершило любое из них, а также из преступлений, предусмотренных статьями 69, 86, 86¹, 140—144, 223, 228³, 229² УК, безотносительно к тому, было ли оно осуждено за их совершение или нет.

Что касается разбоя (ст. 86), то здесь повторность понимается более узко — как совершение его лицом,

¹ Хищение признается совершенным в крупных размерах (статьи 81—86) и считается причинившим крупный ущерб государственному или коллективному имуществу, если оно совершено одним лицом или группой лиц на сумму, в сто и более раз превышающую минимальный размер заработной платы (см. примечание к ст. 81 УК).

ранее совершившим с целью завладения любым имуществом разбой либо бандитизм.

Таким образом, последовательность совершения рассматриваемых преступлений может непосредственно отражаться на их квалификации.

Для квалифицированного грабежа (ч. 2 ст. 82) специфическим признаком является насилие, не опасное для жизни и здоровья потерпевшего, под которым понимается нанесение ударов, побоев, причинение телесных повреждений без расстройства здоровья, т.е. легких. Насилие, опасное для жизни и здоровья лица, подвергшегося нападению, или угроза применения такого насилия относится к разбою (ч. 1 ст. 86), а причинение при этом тяжких телесных повреждений является одним из его квалифицирующих признаков (ч. 2 ст. 86).

В ч. 2 ст. 86² УК в качестве квалифицирующих признаков вымогательства названы угроза совершить убийство или причинить тяжкие телесные повреждения, а также применение насилия, не опасного для жизни и здоровья потерпевшего, или повреждение либо уничтожение имущества.

В ч. 3 ст. 86² УК предусмотрена ответственность за вымогательство, совершенное организованной группой или особо опасным рецидивистом, либо соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, а также такое, которое причинило крупный ущерб либо повлекло иные тяжкие последствия.

Квалифицирующим признаком кражи, грабежа и разбоя является *проникновение виновного в помещение или иное хранилище* с целью совершения преступления. Оно требует особого рассмотрения.

Здесь речь идет о трех взаимосвязанных обстоятельствах: 1) месте, которое является помещением или иным хранилищем; 2) проникновении виновного в указанное место с целью доступа к имуществу, материальным ценностям; 3) завладении таким имуществом путем кражи, грабежа или разбоя с целью распорядиться им как своим собственным (обратить его в свою пользу или в пользу других лиц), получив для этого первичную реальную возможность.

Помещение — это строение, сооружение, предназначенное для размещения людей или материальных ценностей. Оно может быть как постоянным, так и временным, стационарным и передвижным.

Иное хранилище — это отведенный для постоянного

или временного хранения материальных ценностей участков территории, который оборудован оградой либо техническими средствами защиты или обеспечен охраной. Вместе с тем участки территории (акватории), используемые не для хранения, например, для выращивания какой-либо продукции, данным понятием не охватываются.

Проникновение — это тайное или открытое вторжение в помещение или иное хранилище, осуществляемое как с преодолением препятствий или сопротивления людей, так и без этого. Оно возможно без входа в помещение или иное хранилище — с помощью специальных приспособлений.

Этот квалифицирующий признак отсутствует в тех случаях, когда лицо, совершившее преступление, имело доступ в помещение в силу своего служебного положения либо выполняемой работы.

При совершении хищений по предварительному сговору группой лиц вовсе не обязательно, чтобы все члены группы проникли в помещение или иное хранилище. Достаточно, чтобы это осуществил один из них.

Такова общая характеристика хищений государственно-го, коллективного имущества, имеющая значение для их квалификации и разграничения между собой.

В особом рассмотрении нуждается *отграничение хищений от других, смежных преступлений*. Обширность и многогранность этой проблемы заставляет ограничить круг анализируемых вопросов только некоторыми хищениями, именуемыми замаскированными (присвоение, растрата, хищение путем злоупотребления служебным положением — ст. 84).

Замаскированные хищения зачастую сопровождаются совершением ряда должностных и хозяйственных преступлений, что осложняет их разграничение и применение закона. В связи с этим представляется необходимым подчеркнуть три отправных положения:

1) в качестве исходного (базового) критерия разграничения рассматриваемых преступлений могут служить их видовые понятия, в частности, общее понятие хищения, которое независимо от формы посягательства позволяет не только правильно определить основные признаки любого хищения, но и отграничить его от других преступлений;

2) поскольку в данном случае речь идет о хищениях, ответственность за которые предусмотрена ст. 84 УК, предполагается, что виновный имеет непосредственное отношение к похищенному имуществу (оно вверено ему под материальную ответственность либо находится в его ведении — управлении, пользовании, распоряжении);

3) при решении вопроса о том, одно или несколько преступлений совершено, будем исходить из того, что идеальную совокупность (два и более преступлений, совершаемых одним действием одновременно) образуют деяния, совместимые по действиям, форме вины и последствиям, когда ни одно из них не является способом, формой, средством совершения другого и не охватывается (не поглощается) им, так как иначе, что уже отмечалось, налицо единичное преступление. Реальная совокупность образуется прежде всего разнородными преступлениями (иначе не исключена повторность), когда одно окончено, а начало второго связано с посягательством на другой правоохраняемый объект.

Наибольшую сложность представляют вопросы квалификации и разграничения замаскированных хищений, совершаемых в сочетании с такими преступлениями, как злоупотребление служебным положением (ст. 165), получение взятки (ст. 168), выпуск недоброкачественной продукции (ст. 147), спекуляция (ст. 154).

Рассмотрим узловые вопросы этой многогранной темы, имеющей большое практическое значение.

Итак, *хищение и злоупотребление служебным положением.*

Предположим, что у материально ответственного, к тому же должностного лица обнаружена недостача. Наиболее распространенные причины недостачи хорошо известны. Это хищение, злоупотребление, халатность, похищение посторонним лицом, ошибка в учете. Недостающих признаков рассматриваемых составов преступлений — хищения и должностного преступления не так уж много. Очевидно, прежде всего следует выяснить, изымались ли безвозмездно материальные ценности из фондов предприятия, учреждения, организации данным лицом, а если изымались, то с какой целью, каким способом, что при этом использовалось и почему, не преследовалась ли цель обратить имущество в свою пользу или в пользу других лиц, чем руководствовался виновный, каковы были мотивы его действий и т.п. Чтобы ответить на первый вопрос, необходимо установить общие признаки хищения (они определяются общим понятием последнего) либо, напротив, исключить их. Именно они выступают в качестве видовых. Если хищение имело место, то следует выяснить, в какой конкретно форме оно совершено (в данном случае — путем присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением). Затем надо перейти к разграничительным признакам внутри данного вида преступлений,

относящимся к способу посягательства (не исключено, что используется одновременно несколько способов), определяя одну и ту же форму хищения и несколько форм, относящихся к действиям одного и того же лица или группы лиц.

Получив отрицательные ответы на указанные вопросы, уместно сосредоточить внимание на том, не скрывалась ли виновным недостача, не преследовалась ли при этом какая-либо иная корыстная или личная цель, чьи интересы были при этом нарушены, причинен ли существенный вред охраняемым интересам (государства, коллективной организации, граждан), т.е. нет ли в содеянном общих признаков должностного злоупотребления. Наконец, при отрицательных ответах и на эти вопросы следует установить, нет ли в совершенном признаков преступления, предусмотренного ст. 167 УК, т.е. не допускало ли данное лицо каких-либо нарушений во время хранения материальных ценностей из-за своей халатности. Если отсутствуют и эти признаки, то состава преступления нет вообще. При этом не исключено, что недостача образовалась в результате ошибки в учете, отчетности, хищения материальных ценностей другими лицами и т.п.

При выдвигании версий о причинах недостачи ход наших рассуждений основывался на отборе общих признаков, относящихся к различным преступлениям, в данном случае к отдельным формам хищений, злоупотреблению, халатности. При этом не исключено совпадение почти всех элементов состава фактически только двух преступлений — хищения путем злоупотребления и корыстного злоупотребления. Основным критерием их разграничения является цель действий и средства ее достижения, а также специфика самой корысти.

Хищение путем злоупотребления служебным положением условно можно рассматривать в качестве вида корыстного должностного преступления (специального состава), связанного с обращением государственного, коллективного имущества в свою пользу или в пользу других лиц, который (вид) давно приобрел самостоятельность и относится к числу преступлений против собственности. Формула злоупотребления служебным положением, которая содержится в ст. 165 УК, является общей не только для ряда других должностных преступлений, посягающих на нормальную деятельность государственного, коллективного аппарата (родовой объект), но и для специальных составов, содержащихся в других главах УК (преступления

против правосудия, хозяйственные и т.п.), а также для рассматриваемого. Однако в данном случае злоупотребление служебным положением является способом хищения и поэтому не нуждается в дополнительной квалификации по ст. 165 УК, хотя при этом и нарушается нормальная работа государственных и других учреждений, предприятий, организаций и им причиняется вред, однако последний отодвигается на второй план, утрачивая самостоятельное значение.

В отличие от хищения при злоупотреблении служебным положением корысть заключается в стремлении виновного извлечь выгоду материального, имущественного характера иным путем, например, за счет незаконного освобождения от уплаты денежных средств или иного расходования своего имущества, получения иной выгоды материального порядка без непосредственного изъятия имущества из соответствующих фондов и преследования присущей хищению специфической цели, о которой уже упоминалось.

Особую сложность представляет отграничение хищений от злоупотребления служебным положением, связанного с так называемым временным позаимствованием (использованием) государственного, коллективного имущества, которое может выражаться в пользовании вещами на протяжении какого-то времени, в передаче товара в долг или без своевременного оформления денежной операции, в использовании средств с возвратом и т.п. Иначе говоря, здесь имеет место незаконное распоряжение должностным лицом вверенным ему имуществом без его хищения, т.е. обращения в свою пользу или в пользу других лиц. Отсутствует и такой признак, как безвозмездность.

Следует отметить, что такими действиями нередко прикрываются ранее совершенные хищения, например, похищенное имущество в натуре возвращается на место при обнаружении факта хищения или в связи с опасностью разоблачения в ходе инвентаризации материальных ценностей. Судебная практика свидетельствует о том, что иногда материально ответственные лица передают друг другу материальные ценности (или документы, якобы подтверждающие это) в долг для перекрытия недостачи, образовавшейся в силу различных причин, в том числе в результате хищения. Такое временное позаимствование при наличии предварительного сговора между участниками преступной комбинации в отдельных случаях может представлять собой соучастие в хищении в форме пособ-

ничества либо заранее не обещанное укрывательство (ст. 186) при отсутствии признаков злоупотребления.

Передача материальных ценностей или выписка бесто-варных накладных с переброской наличных денег (напри-мер, из одного магазина в другой) иногда осуществляется должностными лицами для сокрытия образовавшейся недо-стачи и вне совершения хищений. В последующем деньги (материальные ценности) возвращаются по принадлежно-сти, а документы "прикрытия" уничтожаются. Такого рода действия, причиняющие существенный вред государствен-ным и коллективным интересам, дают основания для привлечения к уголовной ответственности за злоупотребе-ние служебным положением (естественно, при наличии всех остальных признаков состава этого преступления).

Временное позаимствование в виде использования иму-щества не по назначению, совершенное лицом, не явля-ющимся должностным, квалифицируется по ст. 87 УК (причинение имущественного ущерба путем обмана или зло-употребления доверием при отсутствии признаков хищения).

Пользуясь своим служебным положением, должностное лицо иногда передает вверенное ему или находящееся в его ведении имущество (деньги) другим лицам в ложно понятых интересах государства, коллектива и т.п. Напри-мер, за счет таких средств незаконно возмещаются затра-ты, понесенные исполнителем тех или иных служебных функций, обязанностей и т.п. При этом сам виновный не получает какой-либо выгоды, действуя зачастую как бы бескорыстно. Однако в одних случаях отсутствие личной корыстной заинтересованности должностного лица, пере-давшего имущество в пользу другого лица, представляет собой хищение этого имущества по предварительномуговору группой лиц или соучастие в хищении, а в других (при наличии иной личной заинтересованности) — злоупотребление служебным положением. Правильность квалификации таких действий зависит, во-первых, от того, связана ли передача имущества с его обращением в пользу другого лица именно из корыстных соображений (преследование такой цели), или она не преследовала цели хищения, и, во-вторых, от характераговора (если он имел место). Различные коммерческие сделки, осуще-ствляемые в обход закона, зачастую носят характер злоупотребления служебным положением, иных преступ-лений, в частности, получения взятки (ст. 168), незакон-ных операций с валютными ценностями (ст. 80) и других.

Умышленное незаконное получение должностным лицом

государственных и коллективных средств под видом премий, надбавок к заработной плате, незаконно начисленных пенсий и других выплат путем совершенного с этой целью злоупотребления служебным положением должно квалифицироваться как хищение. При отсутствии такой цели содеянное может представлять собой должностное или хозяйственное преступление.

Обращение в свою пользу государственных или коллективных средств по заведомо фиктивным трудовым соглашениям или иным договорам, под видом заработной платы за работу, услуги, которые фактически не выполнялись или были выполнены не в полном объеме, осуществленное по сговору между должностным лицом и другими лицами, заключившими с ним фиктивную сделку, должно квалифицироваться как хищение по предварительному сговору группой лиц.

Заслуживает внимания вопрос о квалификации преступных действий должностных лиц, объективно способствующих расхитителям, при отсутствии сговора. Такие действия зачастую неправильно квалифицируются как соучастие в хищении.

Следует отметить, что должностные лица нередко допускают запущенность учета материальных ценностей, бесконтрольность за деятельностью подчиненных им материально ответственных лиц и работников бухгалтерии, нарушают установленные формы отчетности о движении материальных ценностей и денежных средств, положение о ведении кассовых операций, проведении ревизий, инвентаризаций и т.п. Указанные нарушения нередко используются расхитителями в преступных целях. В зависимости от обстоятельств дела такие действия могут быть соучастием в хищении (при наличии предварительного сговора), злоупотреблением служебным положением (ст. 165) и халатностью (ст. 167). Существенность вреда (если речь идет о должностном преступлении) в таких случаях заключается в самом факте совершенного в связи с этим хищения.

Одним из видов должностных преступлений, нередко сопровождающих хищение, является *служебный подлог* (ст. 172), совершаемый из корыстных побуждений либо иной личной заинтересованности.

Подлоги учиняются в различных документах, связанных с выдачей, транспортировкой и приемкой материальных ценностей и денежных средств, их учетом, с отчетностью и т.п. В связи с этим возникает вопрос о том,

сохраняет ли подлог свою самостоятельность, если при этом совершается хищение имущества (государственного, коллективного).

Подлог документов не может быть ни формой, ни видом таких хищений. Деяние выполняет роль способа совершения преступления только тогда, когда находится с ним в нераздельной связи, является неотъемлемой частью его объективной стороны. Этот признак в данном случае отсутствует. Различаются и объекты рассматриваемых преступлений. Вопрос осложняется тем, что одни и те же преступные действия виновного, заключающиеся в злоупотреблении служебным положением, иногда как бы включают в себя внесение должностным лицом ложных сведений в документ и изъятие материальных ценностей из сферы деятельности государственной или коллективной организации, предприятия, учреждения. Более того, подлог может находиться в непосредственной причинной связи с изъятием имущества из фондов (включаться в него в качестве необходимого компонента). Проявляется даже определенное тождество преступных действий, направленных на такое изъятие. Имеется некоторое совпадение и субъективных сторон рассматриваемых преступлений. Но направленность умысла здесь проявляется по-разному. Для расхитителя подлог, фальсификация документа — не самоцель, а средство достижения корыстной цели. Однако сам по себе подлог не включает в себя обращения имущества в пользу виновного или других лиц. В результате его совершения иногда происходит только документальное изъятие материальных ценностей из сферы деятельности предприятия, организации, учреждения (например, списание материальных ценностей по фиктивному акту), а фактически имущество остается на месте. Только последующие действия виновного дают возможность осуществить само хищение. Если преступные действия виновного в этот момент прерываются, то речь может идти только о приготовлении к хищению или покушении на его совершение (в зависимости от близости его осуществления).

Подлог нередко выступает и средством сокрытия уже совершенного хищения либо используется для маскировки недостачи, образовавшейся по другим причинам.

При совершении хищений имущества с использованием подлога имеет место как бы ложная конкуренция двух специальных норм, когда содеянное надлежит квалифицировать по совокупности, поскольку ни одна из них не

охватывает содеянного в полном объеме. В то же время совершенное при этом становится более общественно опасным, ухищренным.

В следственной и судебной практике встречаются следующие варианты: 1) подлог выступает средством предварительного создания условий для последующего хищения, например, в виде проведения бестоварной операции путем выписки фиктивных накладных, обеспечивающих создание излишков материальных ценностей для их последующего изъятия; 2) подлог внешне напоминает как бы средство совершения хищения, когда его учинение и изъятие материальных ценностей по времени почти совпадают (например, исправление кассиром по сговору с бухгалтером в ведомости ранее выданной суммы в сторону ее увеличения с изъятием разницы из кассы). На самом деле здесь совершаются два преступления, следующие одно за другим, а само по себе внесение ложных сведений в документ лишь обеспечивает хищение; 3) подлог выступает средством сокрытия уже совершенного хищения. Квалификация таких действий по совокупности сомнений не вызывает, так как в данном случае совершаются два самостоятельных преступления, следующих одно за другим с разрывом во времени.

Одним из вопросов, примыкающих к рассмотренным и вызывающих осложнения при их правовой оценке, является определение момента окончания хищения в связи с документальным оформлением преступных операций. Прежде всего отметим, что само по себе документальное изъятие имущества из фондов (оборота) предприятия, учреждения, организации в определенных случаях может и не совпадать по времени с достижением конечного преступного результата, т.е. цели хищения.

Например, списание материальных ценностей по документам в соответствии с существующими нормами естественной убыли в то время, как в действительности условия хранения таковы, что убыль исключается или является значительно меньшей в результате совершенствования хранения, по существу означает выход из сферы деятельности предприятия указанных материальных ценностей. Однако они до поры до времени могут находиться в складских помещениях, на базах и т.п. и при проверках нередко фигурируют как неучтенные излишки. Последние, как правило, сами по себе "не интересуют" расхитителя. Характер материальных ценностей может быть таким, что их непосредственная реализация затруднена. Конечная

цель хищения в подобных случаях достигается расхитителями за счет совершения ряда преступных комбинаций с изъятием наличных денег, например, за счет документального оформления фиктивных операций, мнимой заготовки сырья у населения по подложным ведомостям на выплату денег под созданные излишки и т.п.

Документальное оформление списания материальных ценностей на потери от производственного брака (с выходом из сферы деятельности предприятия, например, определенного количества сырья) может сопровождаться и частичным изъятием денежных средств под созданные излишки. В таких случаях имеет место покушение на хищение всей стоимости списанного сырья. Если признать, что сам по себе выход материальных ценностей из сферы деятельности предприятия за счет документального списания потерь от брака является окончанным хищением, то возникают проблемы отграничения последнего от покушения на него.

При совершении хищений, связанных с созданием неучтенных излишков материальных ценностей, встречаются многочисленные случаи, когда непосредственный ущерб государственной или коллективной организации как бы отсутствует. Это объясняется тем, что такие излишки, например, в промышленности, могут создаваться расхитителями за счет предусмотренных существующими, зачастую завышенными, нормами потерь в процессе производства, при транспортировке, утрате и т.п. Известно, что такие излишки при их обнаружении подлежат оприходованию самим материально ответственным лицом либо ревизирующим. Однако зачастую они создаются искусственно, путем различного рода злоупотреблений, например, за счет необоснованного списания производственных потерь, путем документального оформления различного рода производственных процессов, фактически не выполняемых, нарушений технологии, фальсификации и ухудшения качества выпускаемой продукции и т.п. Наконец, излишки могут создаваться за счет физических свойств самих материальных ценностей, например, горюче-смазочных материалов, плотность и вес которых изменяются в зависимости от температуры, а отпуск осуществляется в литрах, а не в пересчете на килограммы и т.п.

Созданные излишки могут быть реализованы как на стороне, так и в системе той же организации с изъятием наличных денег, составляющих реальную стоимость товарно-материальных ценностей. При этом возможны создание

и реализация на стороне излишков в виде готовых изделий, а в некоторых случаях и без изготовления последних с изъятием денежных средств за счет приписок якобы изготовленных полуфабрикатов, заготовленного сырья и т.п. Создание излишков обычно связано с пересортицей материальных ценностей. Причем фактическое и документальное движение товарно-материальных ценностей внутри предприятия без изъятия денежных средств еще не свидетельствует о законченном хищении.

Таким образом, момент окончания хищения должен быть связан с фактическим изъятием материальных ценностей из фондов (оборота) и т.п., получением действительной возможности распорядиться ими по своему усмотрению (обратить в свою пользу или в пользу других лиц), а не с документальным оформлением такого изъятия.

Высказанные общие соображения о должностных преступлениях, имеющих связь с хищениями, полностью применимы и к *взяточничеству*. Нет необходимости подробно анализировать состав взяточничества применительно к рассматриваемому вопросу. Отметим только, что в отличие от злоупотребления служебным положением и подлога это преступление не может быть совершено по мотивам иной личной заинтересованности, его корыстность очевидна.

Факт получения взятки в любой форме, независимо от совершения должностным лицом того или иного действия, обусловленного взяткой, образует оконченное преступление. Причем в какой бы форме не выражалось взяточничество, оно всегда нарушает нормальную работу государственного аппарата, внося в нее элементы дезорганизации и разложения. Вместе с тем взяточничество может иметь непосредственное отношение к хищениям государственного, коллективного имущества, если взятка дается за счет таких средств и взяткополучатель об этом осведомлен. Такие действия должны квалифицироваться по совокупности совершенных преступлений, т.е. по статьям 168 и 84 УК. При этом необходимо отметить следующее. С целью избежать ответственности за совершенные преступления расхитители иногда вступают в сговор с ревизирующими и проверяющими лицами и путем вручения им взятки добиваются выгодных для себя выводов в актах ревизий и инвентаризаций, по существу направленных на сокрытие хищений. Получая взятки от расхитителей за счет похищенного, такие лица иногда становятся соучастниками хищений. Будучи осведомленными о преступных

действиях расхитителей, они умышленно скрывают в актах ревизий факты хищений, фальсифицируют документы, оказывают расхитителям содействие в необоснованном списании недостач материальных ценностей, образовавшихся вследствие хищений, и т.п., вступая в сговор с расхитителями и получая за такого рода действия часть похищенного при продолжении преступной деятельности.

“Работники контрольно-ревизионного аппарата, а также иные должностные лица, которые из корыстной или иной личной заинтересованности умышленно скрывают хищения и недостачи, подлежат ответственности за злоупотребление служебным положением, а если такие действия были соединены с соучастием в хищении или со взяточничеством — по совокупности ст. 165 УК и хищения либо взяточничества” (см. п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 3 от 24 июня 1983 г. “О практике применения судами Украины законодательства по делам о хищении продовольственных товаров, их утрате и порче в системе государственной торговли и потребительской кооперации” // Бюлетень ... — С. 69).

Однако встречаются факты, когда взяточничество не является ни соучастием, ни средством совершения хищения, хотя расхитители и получают объективную возможность продолжать преступную деятельность. Дело в том, что взяточполучатели могут быть и не осведомлены о характере преступной деятельности взяточдателей (расхитителей), их преступные действия могут не находиться в причинной связи с хищениями. Поэтому при отсутствии осведомленности, что взятка дается за счет государственных или коллективных средств, они несут уголовную ответственность только по ст. 168 УК. Преступные действия взяточдателей должны быть, естественно, квалифицированы по совокупности статей 84, 170 УК.

Изучение уголовных дел о замаскированных хищениях показывает, что они зачастую сопровождаются *спекулятивной* деятельностью как самих расхитителей, так и других лиц, занимающихся скупкой и перепродажей похищенного.

В юридической литературе высказаны различные суждения по вопросу квалификации таких преступлений. Представляется, что этот вопрос должен решаться прежде всего в зависимости от отношения виновного к самому имуществу, которое расхищается, а затем перепродается. Если такое имущество было вверено ему или находилось в его ведении, то извлечение материальной выгоды фак-

тически происходит как бы за счет самого хищения имущества и реализации (продажи) его по завышенной цене. Но в данном случае отсутствует такой необходимый признак объективной стороны спекуляции, как скупка товаров. Поэтому такие действия надлежит квалифицировать только по ст. 84 УК.

В постановлении Пленума Верховного Суда Украины № 2 от 27 марта 1987 г. "О практике применения судами Украины законодательства по делам о хищении государственного и коллективного имущества на предприятиях и в организациях агропромышленного комплекса" (п. 5) отмечается: "Действия лиц, которые, будучи уполномоченными колхозами или совхозами на доставку продукции в торговую сеть или для реализации на рынке, продали или сдали ее по более высоким по сравнению с товарно-транспортными документами ценам и обратили разницу в свою собственность или в собственность других лиц, необходимо квалифицировать как хищение государственного или коллективного имущества" (Бюлетень ... — С. 73).

Указанные преступления следует ограничивать от злоупотребления служебным положением должностных лиц, а также иных работников торговли либо другого предприятия, осуществляющих реализацию товаров или иных предметов населению и занимающихся при этом спекуляцией (например, за счет изъятия товаров, находящихся в их непосредственном ведении, с оплатой через кассу их стоимости и последующей перепродажей по завышенной цене). Такого рода действия квалифицируются в зависимости от того, осуществляется ли оплата действительной стоимости в кассу торгового предприятия до спекулятивной операции или после нее; осуществляет ли продажу само должностное лицо или другой работник торговли (предприятия). Т.е. указанные действия квалифицируются с учетом их содержания, направленности умысла, признаков специального субъекта.

Аналогично квалифицируются действия указанных лиц, когда они скупают для реализации через магазины и иные предприятия различные товары по цене ниже, например, государственной, а затем продают их по прейскурантной цене, присваивая разницу. Такая реализация нередко сопряжена с хищениями государственного, коллективного имущества, реализацией похищенного, пособничеством расхитителям. Однако, если должностные лица торговой сети вступают в предварительный сговор с расхитителями и реализация похищенного входит в общий

преступный план, в осуществлении которого они принимают непосредственное участие (не приобретают похищенное за деньги, а реализуют, например, изготовленную неучтенную продукцию либо расхищаемые материальные ценности с распределением вырученных денег между участниками группы), такого рода действия следует считать непосредственным участием в самом процессе исполнения преступления. Целенаправленность действий всех участников такой группы, их организованность, обусловленность ролей и групповой способ хищения не позволяют отождествлять действия “реализаторов” похищенного с обыкновенным пособничеством. Преступные действия каждого участника группы являются необходимыми взаимобусловленными звеньями единого преступления — хищения. Каждый из них вносит свою долю в реализацию общего преступного плана и замысла. Причем одни из них полностью совершают те действия, которые образуют состав преступления, предусмотренный ст. 84 УК, а другие дополняют своими действиями объективную сторону данного состава (выполняют частично). Некоторые различия в характере и объеме личной преступной деятельности каждого соисполнителя никакого значения не имеют. Это, конечно, не относится к квалификации действий виновных по размеру похищенного с их непосредственным участием, а также совершенных отдельными из них преступлений, сопутствующих хищению, например, подлогов и т.п.

Общественно опасные последствия наступают в результате совместных действий лиц, предварительно договорившихся о совершении хищения. Извлечение корысти происходит только в результате объединенных усилий каждого из них, объективно и субъективно направленных на совершение именно этого преступления за счет групповых действий, что выступает способом совершения данного преступления.

В тех случаях, когда состав преступления образуется только исполнителем, а другие лица создают лишь условия, облегчая совершение этого преступления, выступая в роли пособников, подстрекателей, организаторов, их действия надлежит квалифицировать с применением ст. 19 УК. Разграничение этих двух ситуаций осложняется тем, что как в первом, так и во втором случаях имеет место распределение ролей между виновными. Однако при соисполнительстве оно носит сугубо технический характер и поэтому не отражается на квалификации. При соучастии и

же в узком смысле слова распределение ролей приобретает самостоятельное значение, поскольку действия каждого из соучастников, кроме исполнителей, взятые сами по себе, состава рассматриваемого преступления не образуют. Достижение преступного результата — изъятие имущества из фондов и его обращение в пользу виновных или других лиц происходит без их непосредственного участия. Они не выполняют непосредственно объективной стороны хищения или ее части. И хотя их преступные действия находятся в причинной связи с наступившими последствиями, однако эта связь иная. Она обращена к действиям исполнителя, к тому, кому они содействуют, способствуют, кого подстрекают и т.п. Квалификация действий соучастников, в частности, пособников, зависит от квалификации действий исполнителя при их осведомленности о размере хищения, характере посягательства и т.п.

Таковы основные вопросы квалификации форм хищения государственного и коллективного имущества, их отграничения друг от друга и от смежных преступлений.

§ 2. Разграничение некоторых преступлений против жизни и здоровья

Преступления против жизни и здоровья столь тесно переплетаются между собой, что их разграничение в следственной и судебной практике всегда вызывает затруднения.

В качестве отправного положения разграничения рассматриваемых преступлений выступают их общие понятия, прежде всего убийства, которое в науке определяется как противоправное, умышленное или неосторожное лишение жизни¹. Однако такое, в принципе правильное определение является слишком общим и поэтому при квалификации содеянного более пригодны общие понятия отдельных видов убийства с последующим рассмотрением признаков конкретных преступлений для выявления их сходства и различий.

Изучение следственной и судебной практики показывает, что ошибки в юридической оценке преступлений против жизни и здоровья наиболее часто встречаются тогда, когда *умышленное или неосторожное убийство*

¹ Уголовное право Украинской ССР на современном этапе. Часть Особенная. — Киев, 1985. — С. 110.

квалифицируется как *причинение тяжких телесных повреждений*, повлекших смерть потерпевшего, а последнее — как убийство (умышленное или неосторожное).

В п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 1 от 1 апреля 1994 г. “О судебной практике по делам о преступлениях против жизни и здоровья человека” указано, что “при умышленном убийстве наступление смерти охватывается умыслом виновного, в случае причинения тяжкого телесного повреждения, вследствие которого наступила смерть потерпевшего, отношение к наступлению смерти проявляется в неосторожности” (Бюлетень ... — С. 80).

Указанное разъяснение является слишком общим и нуждается в дополнительном толковании и конкретизации.

Раскрытие действительного содержания интеллектуального и волевого отношения виновного к фактически наступившим последствиям возможно лишь на основе предметного логико-правового анализа всех обстоятельств происшедшего события с максимально возможной их конкретизацией до уровня признаков, позволяющих делать определенные выводы, с последующим их сопоставлением (сравнением) с признаками соответствующего состава.

Наряду с признаками, непосредственно относящимися к элементам состава соответствующего преступления, особое внимание должно быть уделено таким, которые не укладываются в рамки его традиционного анализа и, в частности, характеризуют: возникшую критическую ситуацию, предшествовавшую совершению преступления, включая поведение не только виновного, но и потерпевшего (оно может быть преступным, провоцирующим, нейтральным), взаимоотношения между ними до случившегося; содержание поводов к возникновению конфликта, их серьезность и обоснованность (они могут быть значительными, незначительными, отсутствовать вообще); способы и орудия совершения преступления; количество, характер и локализацию ранений или иных телесных повреждений (например, в жизненно важные органы человека); причины прекращения преступных действий виновным, его поведение после совершения преступления и т.п.

Применительно к каждому составу преступления роль и значение указанных признаков могут изменяться. Они приобретают собственную значимость при квалификации и разграничении преступлений, но, очевидно, предпочтение следует отдавать тем из них, которые более полно характеризуют фактические признаки. Причем при отгра-

ничении так называемого простого убийства (ст. 94) от тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть, должны быть исключены признаки, указанные в ст. 93 УК (так называемого квалифицированного убийства), и, напротив, учитываться признаки составов убийств, совершенных при смягчающих обстоятельствах (статьи 95, 97, 98).

При разграничении рассматриваемых преступлений необходимо учитывать, что при наличии прямого умысла цель действий, вызываемая соответствующим мотивом, и результат совпадают. При косвенном умысле такое совпадение отсутствует, поскольку виновный стремится достичь иной цели, не относящейся к последствиям. Устремленность к самим действиям здесь выступает в сознании виновного как достигаемый результат. В то же время его сознанием охватываются и общественно опасные последствия, к которым он, однако, относится безразлично. Возможность их наступления он допускает, не стремясь избежать. При таком соотношении цели и результата мотив действий относится к самим действиям, которые расцениваются субъектом как достаточные для его удовлетворения.

Сами по себе действия в данном случае совершаются умышленно — они направлены на причинение тяжкого телесного повреждения. Фактически наступившие последствия (смерть потерпевшего) находятся за пределами умысла индивида. Он нередко не предвидит даже возможности (вероятности) наступления указанных последствий. Они выступают в качестве вторичных результатов его волевых действий. Последствия первого порядка (телесные повреждения) и второго (смерть) трансформируются в сознании виновного в виде различного психического отношения к ним. Однако фактическая сторона совершаемого в любом случае объективно и субъективно свидетельствует о реальной возможности предвидения конечного результата действий — смерти потерпевшего.

Если конечный результат действий сознанием виновного не охватывался, но он мог и должен был его предвидеть, не исключена квалификация содеянного как убийства по неосторожности, которое в общем виде характеризуется тем, что у виновного отсутствует умысел как относительно причинения конкретному лицу телесных повреждений, характеризующихся как тяжкие, так и относительно лишения его жизни. Наступившие последствия являются результатом пренебрежения элементарными правилами предосторожности (преступной самонадеянности или небрежности).

Близость рассматриваемых преступлений объясняется тем, что при причинении смерти потерпевшему по неосторожности в форме преступной самонадеянности виновный, нарушая определенные правила предосторожности, совершает сознательно те или иные действия, приводящие к трагическому исходу (например, направляет ружье на потерпевшего и нажимает на спусковой крючок с целью его поугатать, забыв, что оно заряжено). Сознательное отношение виновного к фактической стороне своих действий само по себе не может являться свидетельством предвидения им смерти потерпевшего (желания или сознательного допущения ее).

При отграничении убийства по неосторожности в форме преступной небрежности от умышленного каждый раз необходимо устанавливать отсутствие при небрежности и наличие при умысле предвидения виновным конкретных общественно опасных последствий своих действий.

Пленум Верховного Суда Украины в п. 23 упомянутого выше постановления от 1 апреля 1994 г. указал: “Вопрос об умысле необходимо решать, исходя из совокупности всех обстоятельств совершенного преступления, в частности, учитывать способ, орудия преступления, количество, характер и локализацию ранений и иных телесных повреждений, причины прекращения преступных действий, предшествующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения” (Бюлетень ... — С. 80).

К этому следовало бы добавить необходимость тщательного анализа самой критической ситуации, предшествующей совершению преступления, которая во многих случаях непосредственно определяет мотивацию преступного действия либо помогает раскрыть ее содержание. Предметное рассмотрение системы “личность — критическая ситуация” может дать возможность установить, является ли совершенное преступление логическим завершением предшествующего формирования антиобщественной направленности личности и проявлением ее агрессивности, сыгравшей основную роль при совершении преступления, либо здесь сказалась “импульсивность” поведения субъекта, его повышенная возбудимость и эмоциональная неуравновешенность, а факт совершения преступления был обусловлен острой конфликтной ситуацией, вызвавшей такую реакцию. Последняя может быть адекватной внешним поводам совершения преступления и неадекватной им, что может оказаться решающим для квалификации содеянного. К тому же провоцирующая ситуация может быть

вызвана противоправным поведением самого потерпевшего, что присуще, например, необходимой обороне и ее превышению, характеризуемым так называемыми вынужденными мотивами действий, а также преступлениям, совершаемым в состоянии сильного душевного волнения (статьи 98, 103).

Преступления, характеризующиеся аффектом, отличаются от других преступлений против жизни и здоровья целым комплексом признаков: 1) ситуативностью и внезапностью возникновения умысла; 2) противоправностью поведения самого потерпевшего, вызвавшего аффект; 3) наличием мотивов мести, расправы над обидчиком, порождающих цель "отмщения"; 4) незначительным разрывом во времени между насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего и ответной реакцией, оказавшейся общественно опасной, преступной.

Не менее важное значение для разграничения рассматриваемой группы преступлений имеет прослеживание причинной связи между действиями виновного и наступившими последствиями. В данном случае для привлечения к уголовной ответственности необходимо установить, что действия виновного при конкретных обстоятельствах совершения преступления создали реальную возможность наступления общественно опасных последствий, превратившуюся в процессе развития явления в действительность. Наступивший результат должен иметь обоснование в действиях виновного, порождаться и обуславливаться ими.

По времени действие предшествует последствию, но не всякое предшествующее явление выступает в качестве его непосредственной причины. Последствия могут быть вызваны и влиянием явлений из другого причинного ряда, а также быть осложнены случайными факторами.

Развитие причинной связи при совершении преступлений против жизни происходит в самых разнообразных объективно существующих условиях (время, обстановка, состояние здоровья потерпевшего и т.п.). В период между причинением телесных повреждений и смертью потерпевшего в организме последнего могут происходить различные изменения. Оперативное и иное вмешательство медицинских работников (а это зачастую имеет место) осложняет прослеживание причинной связи. В таких случаях вопрос о ее сущности не может решаться без судебно-медицинской экспертизы.

Разрыв во времени между причинением телесных повреждений и летальным исходом или, напротив, его

отсутствие сами по себе не свидетельствуют о характере совершенного преступления¹.

Патологические изменения и осложнения в организме потерпевшего могут происходить по-разному, затрудняя установление причинной связи. Если осложнения, вызвавшие смерть, были обусловлены особенностями организма потерпевшего, действиями медицинского персонала и т.п., а не действиями виновного, они не могут быть поставлены ему в вину. Причинная связь между действиями и результатом (смертью) в таких случаях может иметь место, но ее наличие само по себе не предрешает вопроса об ответственности. Надлежит установить, сознавал ли виновный указанные обстоятельства, принимал ли он их в расчет при совершении тех или иных действий. Поскольку по отношению к факту наступления смерти при совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 101 УК, форма вины является неосторожной, необходимо, чтобы лицо имело возможность предвидеть развитие причинной связи между своим действием (бездействием) и указанными последствиями хотя бы в общих чертах. Отсутствие такого предвидения исключает уголовную ответственность. В таких случаях может идти речь о случайных последствиях, которые ни предвидеть, ни предусмотреть нельзя, поэтому они не могут быть вменены в вину.

Таким образом, основным инструментом отграничения умышленного тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть, от умышленного и неосторожного убийства выступают производные признаки объективного и субъективного характера, определяющие прежде всего наиболее существенный отграничительный признак — содержание вины. Причем чем меньше опасности для жизни заключено в самом способе действия, тем больше конкретных и различных признаков деяния (особенно субъективных) приходится использовать для осуществления отграничения. Содержание вины определяется в первую очередь совокупностью обстоятельств, относящихся к объективной стороне преступления. Мотивы рассматриваемых преступлений по своему содержанию обычно совпадают. Цель проявляется и конкретизируется в совершаемых действиях, их характере, свидетельствуя о направленности содеянного.

¹ Весьма распространенной ошибкой, допускаемой следственными органами и судами, является то, что действия лиц, причинивших ранения, в результате которых смерть наступила спустя какое-то время, квалифицируются по ч. 3 ст. 101 УК.

Особую группу преступлений против жизни и здоровья, вызывающих осложнения при квалификации, составляют *преступления, совершенные при превышении пределов необходимой обороны* (статьи 97, 104).

Превышение пределов необходимой обороны определяется законом как явное несоответствие защиты опасности посягательства либо обстановке защиты (ч. 2 ст. 15). С учетом этого анализ действий лиц, находившихся в состоянии необходимой обороны и превысивших ее, обычно сводится к рассмотрению таких вопросов: 1) соответствует ли защита характеру и опасности посягательства; 2) было ли посягательство наличным и неотвратимым; 3) каковы степень и интенсивность нападения и защиты и т.п. Гораздо меньше внимания уделяется субъективным признакам (психологической сущности) самой необходимой обороны и совершаемых при этом преступлений.

Характерно, что о формах вины при совершении преступлений, ставших результатом превышения пределов необходимой обороны, высказывались самые разнообразные суждения, хотя в самом законе указано на явное, т.е. очевидное для всех несоответствие защиты характеру и опасности посягательства, свидетельствующее об умышленности причинения вреда, не вызываемого необходимостью. Причинение посягающему при отражении общественно опасного посягательства вреда по неосторожности не может влечь уголовной ответственности.

Юридический смысл указанных преступлений в значительной мере определяется содержанием первоначальных действий лиц, осуществляющих свое право на защиту от общественно опасного посягательства. В п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 4 от 28 июня 1991 г. "О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств" подчеркивается, что, "решая вопрос о правомерности причинения вреда, надлежит установить, защищалось ли лицо от реального, уже начатого и еще неоконченного общественно опасного посягательства. Лишь при наличии состояния необходимой обороны нужно сделать вывод, превысило оно меры необходимой обороны или нет".

В этом же пункте сказано: "Чтобы установить наличие или отсутствие признаков превышения пределов необходимой обороны, суды должны учитывать не только соответствие или несоответствие орудий защиты и нападения, но и характер опасности, угрожавшей лицу, которое защища-

дось, обстоятельства, которые могли повлиять на реальное соотношение сил нападающих и тех, кто защищается, а именно: место и время, внезапность нападения, неготовность к его отражению, количество нападающих и тех, кто защищается, их физические данные (возраст, пол, инвалидность, состояние здоровья) и иные обстоятельства” (Бюлетень ... — С. 20).

Особого внимания заслуживает указание Верховного Суда (п. 3 указанного постановления) о том, что не является преступлением применение оружия или любых других средств или предметов, независимо от последствий, если они применены для защиты от нападения вооруженного лица или нападения группы лиц, предотвращения противоправного насильственного проникновения в жилище или иное помещение либо если лицо, осуществляющее защиту, не могло вследствие испуга или сильного душевного волнения, вызванного общественно опасными действиями, оценить соответствие защиты характеру посягательства (Бюлетень ... — С. 19).

В этом же постановлении (п. 5) подчеркивается: “При рассмотрении дел суды должны выяснять, имело ли лицо, которое защищалось, реальную возможность эффективно отразить общественно опасное посягательство иными средствами, с причинением нападающему меньшего вреда и почему не использовало такой возможности.

Если в действиях лица суд признает превышение пределов необходимой обороны, в приговоре следует указать, в чем заключается превышение и какие средства защиты в конкретной ситуации не были использованы виновным, чтобы избежать тяжких последствий” (Бюлетень ... — С. 20).

При решении вопроса о наличии или отсутствии превышения пределов необходимой обороны исключительно важное значение приобретает установление направленности действий обороняющегося. Лицо должно сознавать не только наличие посягательства и его общественную опасность, но и то, что в результате предпринимаемых им мер правоохраняемые интересы будут защищены. В осознании этих факторов и проявляется целенаправленность его действий. Причем лицо стремится не только совершить оборонительные действия, но и достичь тем самым определенного положительного результата — отразить нападение, пресечь его, задержать преступника и т.п. Пределы защиты от общественно опасного посягательства определяются прежде всего тем, как обороняющийся сам

оценивал наличие посягательства и собственные возможности для его отражения, а затем уже — имело ли данное лицо реальные основания считать, что в результате нападения правоохраняемые интересы были поставлены под угрозу причинения вреда, и насколько предпринятые меры по их защите соответствовали сложившейся обстановке. Поскольку превышение пределов необходимой обороны начинается с необходимой обороны (при отсутствии таковой невозможно и ее превышение), субъективная сторона совершаемых при этом преступлений определяется направленностью первоначальных действий обороняющегося, хотя в процессе защиты она может претерпевать определенные изменения. Раздельное рассмотрение отношения лица к необходимой обороне и к ее превышению помогает более предметно раскрыть действительное содержание совершаемых при этом преступлений.

С объективной стороны преступления, совершенные в результате превышения пределов необходимой обороны, характеризуются прежде всего активными действиями, направленными на отражение посягательства. При эксцессе обороны виновный несет ответственность как бы за превышенную часть необходимой обороны. Эксцесс не исключает избрания явно несоразмерных со степенью опасности посягательства средств защиты в момент нападения. Однако и в данном случае можно мысленно представить характер действий обороняющегося, которые укладывались бы в рамки необходимой обороны.

Механизм изменения содержания направленности действий при переходе от необходимой обороны к ее превышению весьма своеобразен. Желание лица отразить нападение подменяется стремлением достичь результата любыми средствами и методами, не считаясь с возможными последствиями. По сути, эти последствия им сознательно игнорируются (что бывает чаще) либо воспринимаются как вполне допустимые. Защита оказывается опаснее самого посягательства. Причем общественная опасность совершаемых при этом действий и возможных последствий не может не осознаваться лицом из-за ее очевидности.

Избрание явно несоразмерных с нападением средств защиты обуславливается как ошибочным представлением о характере угрожающей опасности, так и вполне осознанным стремлением причинить вред посягающему. Правильная квалификация содеянного в данном случае зависит не только от всестороннего выяснения направленности умысла виновного, мотивов и целей совершаемых им действий,

но и от установления степени осознанности виновным всей обстановки происшедшего. При ошибочном представлении обороняющегося об угрожающей опасности важно выяснить, допускал ли он возможность наступления определенных последствий, совершая те или иные действия, и чем при этом руководствовался. Если выяснится, что, обороняясь, лицо не проявило должной предусмотрительности, т.е. действовало неосторожно, уголовная ответственность исключается вообще.

Анализ судебной практики показывает, что наиболее часто превышение пределов необходимой обороны совершается с косвенным умыслом, реже — с прямым. Причиняемый при этом вред оказывается опаснее самого посягательства прежде всего из-за нечеткого представления обороняющимся реальных возможностей наступления последствий. Поскольку при косвенном умысле субъект не желает наступления последствий, у него отсутствует и цель достижения того результата, который фактически наступает. В этих случаях направленность действий обороняющегося на отражение нападения не совпадает с наступившими последствиями. Однако здесь речь идет не о сложной форме вины (по отношению к действиям и наступившим последствиям), а о своеобразном содержании самого умысла виновного, в данном случае косвенного. При прямом умысле, как уже отмечалось, цель действий и результат совпадают. При эксцессе обороны это выражается в том, что виновный, отражая посягательство, желает наступления общественно опасных последствий — причинения смерти (ст. 97) либо тяжких телесных повреждений (ст. 104), хотя уровень их предвидения и конкретизации может быть разным. Кстати, именно этот аспект меньше всего учитывается при квалификации преступлений против жизни и здоровья, в том числе рассматриваемых.

Для правильной квалификации содеянного важное значение имеет выяснение содержания волевого отношения лица, оказавшегося в условиях обороны, к происходящим событиям и к собственным действиям. Оно может изменяться как в процессе отражения нападения в целом, так и применительно к его отдельным стадиям. Речь идет о начале нападения и его немедленном отражении; о продолжении оборонительных действий при упорстве посягающего; о моменте окончания нападения при вынужденном отказе нападающего от доведения своих намерений до конца и причинении ему при этом вреда; о его задержании и оказании им сопротивления обороняющемуся или

другим лицам и насильственном преодолении такого сопротивления и т.п. Установление содержания волевого отношения лица к указанным обстоятельствам помогает определить характер предпринятых оборонительных действий, их мотивы, цели, а также установить наличие или отсутствие необходимой обороны, ее эксцесса либо совершение виновным иного преступления.

При отражении посягательства на правоохраняемые интересы обороняющийся может ставить перед собой различные цели и руководствоваться различными мотивами. Цель и мотив действий определяют общую направленность его поведения в данный момент.

Однако мотивы превышения пределов необходимой обороны в любом случае носят вынужденный характер. Они появляются лишь в связи с общественно опасным посягательством и обуславливаются общественно полезной направленностью действий субъекта — стремлением выполнить свой долг перед обществом и государством, обезвредить преступника, защитить государственные, коллективные интересы, самого себя или других лиц. Основная цель совершаемых на их почве действий — защита интересов государства, общества, личности. Она достигается путем причинения вреда посягающему. По содержанию цель и мотив при необходимой обороне и при ее превышении как бы совпадают и внешне характеризуются общими чертами положительной направленности. Но при эксцессе обороны речь идет о совершении преступлений, мотивация которых характеризуется осознанием общественной опасности предпринимаемых действий, желанием или сознательным допущением последствий, указанных в законе.

Наибольшую сложность представляет квалификация действий, ставших результатом превышения пределов необходимой обороны не в момент нападения, а несколько позже — при развитии и продолжении посягательства. Именно в таких случаях чаще всего преступления, совершаемые при превышении пределов необходимой обороны, не отграничиваются от других посягательств на жизнь и здоровье. Сознательное избрание явно несоразмерных с опасностью и характером нападения средств защиты иногда ведет к совершению самостоятельного преступления, например, убийства на почве мести и расправы над преступником (ст. 94). О наличии таких мотивов свидетельствуют обстановка совершения преступления, отсутствие реальной угрозы посягательства, когда нападение

окончено либо вообще реально еще не возникало, а также другие фактические обстоятельства происшедшего.

В п. 3 указанного постановления Пленума Верховного Суда Украины от 28 июня 1991 г. отмечено: “При решении вопроса, не с запозданием ли применена оборона, следует исходить из того, что для лица, которое обороняется, по обстоятельствам должно быть очевидным, что в применении средств защиты отпала необходимость. Если такое убеждение отсутствовало и тот, кто защищался, допускал ошибку относительно необходимости продолжать защиту, то следует считать, что он находился в состоянии необходимой обороны. Суды должны иметь в виду, что переход использованных при нападении орудий или иных предметов от нападающего к лицу, которое защищается, не всегда свидетельствует об окончании посягательства” (Бюлетень ... — С. 19).

В то же время избрание явно несоразмерных средств защиты в процессе продолжающегося посягательства может представлять собой и превышение пределов необходимой обороны. При этом следует иметь в виду, что фактические последствия при защите от посягательства не всегда полностью охватываются сознанием виновного. Обороняющийся может в какой-то мере утратить способность к правильной оценке угрожающей опасности из-за страха, волнения и т.п., избрав при этом несоразмерные средства защиты. Наступление более тяжких последствий, чем это было необходимо для отражения посягательства, само по себе не влечет уголовной ответственности. Это вызывается тем, что при внезапности нападения, специфике условий посягательства и т.п. обороняющийся не всегда в состоянии точно взвесить характер опасности и избрать соразмерные средства защиты. Но это только одна сторона вопроса.

Насилие со стороны нападающего, вся обстановка происходящего события могут породить особое, так называемое аффективное состояние лица и совершение на этой почве таких преступлений, как убийство или причинение тяжких телесных повреждений в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения — физиологического аффекта (статьи 95, 103). Такие действия имеют только внешнее сходство с оборонительными. В отличие от превышения пределов необходимой обороны преступления, совершаемые в состоянии сильного душевного волнения, характеризуются тем, что противоправные действия потерпевшего не представляют столь значительной опасности, как это имеет место при необходимой обороне и

превышении ее пределов. В таком качестве выступает противозаконное насилие или тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего. Определяющим мотивом совершения преступления является гнев, порождающий стремление причинить вред обидчику. В результате эмоциональной напряженности и крайнего возбуждения субъект частично утрачивает контроль за своими действиями¹. Это и определяет квалификацию содеянного.

Превышение пределов необходимой обороны, несомненно, тоже сопровождается определенным волнением лица, вставшего на защиту правоохраняемых интересов. Однако испытываемое при этом волнение не заслоняет основной цели действий — отразить нападение, защититься от преступника, задержать его и т.п. К общественно полезной мотивации, порождающей решимость отразить посягательство, могут присоединяться и другие сопутствующие мотивы, вызванные смятением, страхом, возмущением, негодованием, озлобленностью, ненавистью и т.п. Но такие мотивы все же не являются определяющими для превышения пределов необходимой обороны. Они характерны для совершения преступлений в состоянии сильного душевного волнения, вызываемого гневом и эмоциональной напряженностью сложившейся ситуации, а не целью защиты, которая не преследуется и не осуществляется. Преступления, совершенные в состоянии аффекта, предполагают отсутствие разрыва во времени между обстоятельствами, вызвавшими душевное волнение, и ответной, к тому же неадекватной, реакцией вичовного, следующей за оскорблением, насилием и т.п. Эксцесс обороны чаще всего имеет место в момент самого посягательства и только иногда после него, когда обороняющемуся не ясен момент окончания нападения, а также если он ожидает возобновления посягательства.

Значительный разрыв во времени между нападением и защитой исключает как необходимую оборону, так и превышение ее пределов. С момента окончания посягательства исчезает и необходимость обороны. Однако обороняющийся может продолжать защищаться от не существующего в реальности посягательства. Для правильной оценки таких действий важно установить, имело ли данное лицо достаточное основание считать, что посягательство еще не окончилось и возможно его продолжение.

¹ Полная утрата лицом контроля за своими действиями присуща патологическому аффекту, исключаящему уголовную ответственность.

Следует принимать во внимание и субъективный фактор, т.е. то, связаны ли предпринятые действия с защитой от общественно опасного посягательства и его пресечением или виновный преследовал иные цели, руководствовался мотивами, не имеющими отношения к защите правоохраняемых интересов. Необходимость выяснения указанных обстоятельств полностью относится и к так называемой преждевременной защите.

Если виновному было ясно (и это подтверждено материалами дела), что нападение или его угроза отсутствовали либо действия посягающего нейтрализованы, пресечены и т.п. и вред ему причиняется без необходимости, то это свидетельствует о совершении обычного преступления на почве мести, расправы — убийства, причинения телесных повреждений различной тяжести.

Ошибочное представление о создавшейся обстановке при необходимой обороне и ее эксцессе всегда связано с имеющимся налицо (действительным) посягательством, представляющим реальную общественную опасность. Именно такое посягательство или его угроза порождают право на необходимую оборону. Ложное восприятие обстановки посягательства и степени угрожающей опасности чаще всего возникает в результате поведения самого потерпевшего, что особенно характерно для мнимой обороны, которая характеризуется отсутствием фактического посягательства.

Мотивы и цели совершаемых при этом действий в какой-то мере совпадают с оборонительными, но в отличие от них имеют окраску страха и испуга. Поведение потерпевшего, которое кажется угрожающим, необычность создавшейся обстановки и эмоциональная напряженность порождают ошибочную оценку ситуации и ответную реакцию в виде отражения посягательства, которого в действительности не существует, с причинением потерпевшему неоправданного либо извинительного (оправданного) вреда.

Близость мотива и цели при необходимой обороне и при мнимой защите от фактически не существующего посягательства наводит на мысль о совпадении форм вины совершаемых при этом преступлений. На самом деле такого совпадения может и не быть.

В п. 9 упомянутого постановления Пленума Верховного Суда Украины от 28 июня 1991 г. указано, что “действия, совершенные в состоянии мнимой обороны, т.е. когда лицо, которое защищается, добросовестно заблуждается относительно реальности посягательства, должны рассматриваться как совершенные в состоянии необходимой обороны.

Когда при этом были превышены пределы защиты, допустимой в условиях соответствующего реального посягательства, лицо должно нести ответственность за превышение пределов необходимой обороны или в зависимости от обстоятельств дела за неосторожное преступление" (Бюлетень ... — С. 21).

Такое указание, в целом правильное, нуждается в пояснении. Очевидно, ответственность за неосторожное причинение вреда возможна, если лицо, не сознавая мнимости посягательства, в силу обстоятельств дела могло это сознавать, так как в противном случае не исключается так называемая извинительная ошибка, исключаящая ответственность.

Таким образом, искаженное представление обороняющегося о нападении и защите возможно в нескольких вариантах, имеющих самостоятельное правовое значение:

1) обороняющийся неправильно оценивает степень общественной опасности реально существующего посягательства либо собственные силы и возможности для его отражения, в результате чего применяет явно несоразмерные нападению средства защиты, превышая пределы необходимой обороны;

2) угроза общественно опасного посягательства преувеличивается, и поэтому ответные меры обороняющегося оказываются не соответствующими степени угрожающей опасности; либо обороняющийся еще до возникновения реальной угрозы нападения причинил вред будущему противнику (преждевременная защита), что при очевидности этой угрозы влечет ответственность за превышение пределов необходимой обороны, а при отсутствии посягательства — за обычное преступление;

3) общественно опасное посягательство прекратилось, но обороняющемуся не был ясен момент его окончания, и поэтому он продолжал обороняться, причинив вред посягающему, что соответствует необходимой обороне, если отсутствует применение явно несоразмерных с нападением средств защиты, свидетельствующих о превышении ее пределов;

4) общественно опасное посягательство отсутствовало, его не было и не могло быть вообще либо оно прекратилось, что по обстоятельствам происшедшего было очевидно (т.е. совершено преступление, не имеющее отношения к превышению пределов необходимой обороны, — на почве мести, расправы и т.п.);

5) лицо воспринимает действия потерпевшего как пося-

гательство на него самого либо на иные правоохраняемые интересы, хотя в действительности такового не было и в этом оно могло разобратся (ответственность наступает за неосторожное причинение вреда);

б) поведение потерпевшего давало основания полагать, что посягательство на правоохраняемые интересы имело место, но такое предположение оказалось ошибочным и лицо добросовестно заблуждалось по поводу случившегося (налицо — извинительная ошибка при мнимой обороне, исключая уголовную ответственность).

Таковы основные положения разграничения рассматриваемых групп преступлений против жизни и здоровья, имеющие, на наш взгляд, важное практическое значение.

§ 3. Отграничение хулиганства от некоторых смежных преступлений

Одним из наиболее распространенных преступлений, квалификация и отграничение которых от смежных преступлений связаны с затруднениями, является хулиганство (ст. 206).

При этом допускаются такие типичные ошибки: 1) неправильное отграничение хулиганства от преступлений против личности в зависимости от содержания и направленности умысла, мотивов и целей совершения преступления; 2) ошибочное определение квалифицирующих признаков злостного хулиганства, в частности, особой дерзости и исключительного цинизма (ч. 2 ст. 206); 3) расширительное толкование некоторых признаков особо злостного хулиганства, в частности, использования других предметов, специально приспособленных для причинения телесных повреждений, и попытки применения оружия при совершении хулиганских действий (ч. 3 ст. 206)¹.

Первая группа ошибок порождается неверной оценкой фактических обстоятельств содеянного, поверхностным исследованием и недостаточно полным выяснением наиболее существенных из них, позволяющих раскрыть внутреннюю, психологическую природу совершенного преступления и правильно его квалифицировать. Две последних группы ошибок связаны прежде всего с ошибочным толкованием закона.

¹ Другие вопросы квалификации хулиганства и его отграничения от смежных преступлений не рассматриваются как не представляющие особой сложности.

Правильность квалификации при рассмотрении дел о хулиганстве в целом в значительной мере зависит от четкого представления о юридической природе рассматриваемого преступления. Действующее законодательство не дает определения общего понятия преступлений против общественного порядка, к которым относится хулиганство. Это понятие выводится теоретически. *Преступлением против общественного порядка* принято считать такое предусмотренное уголовным законом умышленное общественно опасное действие, совершенное из различных низменных побуждений, которое грубо нарушает общественный порядок, выражает явное (очевидное для всех, в том числе для виновного) неуважение к нему и тем самым причиняет существенный вред общественным отношениям, составляющим суть этого порядка.

Из предложенного понятия видно, что наиболее важными и определяющими признаками преступлений против общественного порядка являются: 1) объект посягательства — общественный порядок; 2) общественно опасные действия, причиняющие данному объекту существенный вред при отсутствии повода к такого рода действиям или его незначительности; 3) умышленность деяний; 4) низменность побуждений к их совершению.

Понятие общественного порядка в юридической литературе раскрывается с различных позиций. Будем исходить из того, что под *общественным порядком* как родовым объектом следует понимать состояние фактически складывающихся в соответствии с общепринятыми правилами общежития и нормами общественных отношений, регулируемых и охраняемых уголовно-правовыми нормами, направленными на обеспечение спокойных условий социально полезной деятельности, отдыха и быта людей, общественной нравственности. Таковы наиболее существенные черты, присущие общественным отношениям, составляющим общественный порядок в узком смысле слова, достаточном для решения вопроса квалификации рассматриваемой группы преступлений и их отграничения от смежных преступлений.

Необходимо также подчеркнуть, что действующее законодательство, характеризуя хулиганство, говорит о явном неуважении к обществу, свидетельствующем о направленности таких действий против любой личности. Преступник стремится в нарочито грубой, вызывающей форме выразить пренебрежение к интересам окружающих, к другим людям, к человеческой личности вообще, к элементарным

правилам общежития. И хотя хулиганство зачастую сопровождается причинением телесных повреждений, уничтожением, повреждением имущества и т.п., это не свидетельствует о его двуобъектности. Мы уже отмечали, что каждое преступление почти всегда затрагивает ряд общественных отношений. Но в качестве объекта выступают только те из них, которым причиняется вред данным преступлением всегда, в любом случае. Не составляет исключения и хулиганство, единственным объектом которого является общественный порядок. Другие общественные отношения, которым зачастую причиняется вред, выступают в качестве дополнительных (факультативных) последствий. Их может и не быть. Однако наличие таких объектов повышает степень общественной опасности данного преступления. В определенных случаях их признаки могут служить основой отграничения хулиганства от других преступлений либо указывать на совокупность преступлений.

В юридической литературе высказаны различные суждения о сущности хулиганства и принципах его отграничения от других преступлений. Одни криминалисты придают значение исключительно объективным признакам, другие — субъективным, третьи, хотя и указывают на необходимость учета как тех, так и других признаков, все же предпочтение отдают первым. Недооценка роли и значения субъективных признаков, проявляющихся вовне, и порождает многие ошибки при разграничении преступлений.

Вполне очевидно, что проявление неуважения к обществу возможно не только при хулиганстве. Многие преступления, в частности, против личности, если они совершены публично, в общественных местах и т.п., в той или иной мере нарушают общественный порядок и являются проявлением неуважения к обществу. Однако квалификация таких действий не может измениться только в зависимости от места их совершения¹.

Вряд ли вообще возможно какое-либо противопоставление объективных признаков преступления субъективным и наоборот. Но преувеличение значения объективных при-

¹ Пленум Верховного Суда Украины неоднократно указывал, что при отнесении тех или иных действий к хулиганским необходимо исходить из характера, содержания и направленности умысла, мотивов и целей совершения преступления, а не только из того, что преступление совершено в общественном месте.

знаков практически приводит не только к неоправданному расширению сферы применения ст. 206 УК, но и затрудняет отграничение хулиганства от других преступлений.

Круг преступлений, соприкасающихся с хулиганством, весьма широк. Они фигурируют в различных главах УК (в гл. 2 — ст. 89, в гл. 3 — статьи 98, 101, 102, 106, 107, в гл. 4 — ст. 126, в гл. 5 — ст. 145, в гл. 9 — статьи 187³, 188, 188¹, 189, 189¹, 190, 190¹)¹.

Однако наибольшую сложность представляют вопросы *отграничения хулиганства от преступлений против личности*.

В судебной практике при разрешении этих вопросов наблюдаются две крайности. В одних случаях преступления, совершаемые на личной почве (независимо от цели действий и других субъективных признаков), квалифицируются как хулиганство, а в других хулиганские проявления квалифицируются как преступления против личности лишь потому, что они были совершены не публично.

Известно, что действующее законодательство не связывает нарушение общественного порядка с его публичностью, с присутствием посторонних граждан и другими подобными признаками. И все же некоторые практические работники считают, что публичность действий или их последствий является неотъемлемым признаком хулиганства и что хулиганство не может не носить открыто публичный характер. Однако если разобраться, под публичностью они понимают присутствие не каких-то третьих лиц, а даже одного потерпевшего, что, естественно, сближает эту точку зрения с противоположной. Основа решения вопроса состоит в выяснении того, что следует понимать под сущностью хулиганства, каковы его основные признаки, в чем заключаются мотивы, цели действий, каково их соотношение с другими признаками состава преступления.

В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Украины № 3 от 28 июня 1991 г. “О судебной практике по делам о хулиганстве” подчеркивается, что суды обязаны “выяснять все фактические обстоятельства дела, в том числе направленность умысла, мотивы, цель, последствия и характер действий каждого из участников хулиганства, а также сопровождалась ли эти действия нарушением общественного порядка и явным неуважением к обществу.

¹ Здесь перечислены только основные преступления, соприкасающиеся с хулиганством. В действительности их значительно больше.

При этом судам надлежит привести в приговоре доказательства, подтверждающие виновность каждого из подсудимых в совершении хулиганства, а также обосновать квалификацию действий каждого из них" (Бюлетень ... — С. 149).

В п. 16 этого же постановления подчеркивается: "Суды должны отграничивать хулиганство от других преступлений в зависимости от направленности умысла виновного, мотивов, целей и обстоятельств совершенных им действий.

Действия, сопровождавшиеся угрозами убийством, оскорблением, нанесением побоев, причинением телесных повреждений, совершенные в семье, квартире, в отношении родственников, знакомых и вызванные личными неприязненными отношениями, неправильными действиями потерпевших и др., должны квалифицироваться по статьям УК, предусматривающим ответственность за преступления против личности. Такие действия могут квалифицироваться как хулиганство лишь в тех случаях, если они одновременно были сопряжены с грубым нарушением общественного порядка и выражали явное неуважение к обществу" (Бюлетень ... — С. 153).

Однако содержание направленности умысла при хулиганстве и его мотивации в постановлении не раскрывается, что обуславливает необходимость дополнительных пояснений.

Хулиганство, по мнению большинства криминалистов, — это формальное преступление, поскольку при его совершении грубое нарушение общественного порядка является и процессом, и результатом действий. Оно считается оконченным в момент совершения хулиганских действий независимо от фактически наступивших последствий. Поэтому мотив и цель преступления здесь относятся к самим действиям, при наступлении последствий их содержание остается неизменным. Указанные последствия обычно представляют собой менее опасные по сравнению с хулиганством, так называемые побочные преступления, выступающие в качестве **формы**, средства совершения самого хулиганства. В таком качестве выступает насилие с причинением телесных повреждений или издевательством над личностью, которое длительное время и упорно не прекращалось либо было связано с уничтожением или повреждением имущества, с сопротивлением лицам, пресекающим хулиганство, и т.п., что свидетельствует о его злостности. В то же время после прекращения хулиганства нередко совершаются иные преступления, ответствен-

ность за которые предусмотрена статьями 176², 176³, 176⁵, 187², 189¹, 189² УК, а также ряд других преступлений (статьи 207, 212). Содеянное в таких случаях квалифицируется по совокупности. В определенных случаях хулиганство перерастает в еще более опасную форму — в умышленное убийство на этой почве (п. “б” ст. 93).

Исследователи давно обратили внимание на многозначность хулиганских мотивов. Ими могут быть: озорство, стремление проявить пренебрежение к окружающим, к обществу, противопоставить свое поведение другим людям, проявить жестокость, эгоизм и т.п.

Однако в целом хулиганский мотив можно определить как осознанное стремление проявить неуважение к обществу путем совершения различных циничных и дерзких действий, грубо нарушающих общественный порядок. Именно это является определяющим для любых хулиганских проявлений и дает возможность правильно установить характер направленности умысла, а следовательно, и юридическую природу совершенного преступления.

Специфика мотива порождает и специфику цели совершения хулиганства — проявить явное, очевидное для всех, в том числе для самого виновного, неуважение к общественному порядку.

Указанные хулиганские мотивы и соответствующие им цели проявляются в специфических действиях, присущих рассматриваемому преступлению, определяя направленность умысла.

О форме вины при хулиганстве в юридической литературе высказаны две точки зрения. Подавляющее большинство ученых считает, что хулиганство возможно только с прямым умыслом¹. Эту точку зрения мы полностью разделяем. Другие допускают при совершении хулиганства и наличие косвенного умысла². Характерно, что расхождения во мнениях возникают при анализе хулиганства не в чистом виде, а когда оно сопровождается совершением побочных преступлений.

Совершая нарочито грубые, явно неуважительные дей-

¹ Даньшин И.Н. Ответственность за хулиганство по советскому уголовному праву. — Харьков, 1971. — С. 80; Куц Н.Т. Преступления против общественного порядка и общественной безопасности. — Киев, 1974. — С. 14; Яценко С.С. Ответственность за преступления против общественного порядка. — Киев, 1976. — С. 71.

² Наклович М.Л. Кримінально-правова боротьба з хуліганством. — Львів, 1974. — С. 48.

ствия по отношению к окружающим, лицо не может не сознавать, что им нарушается общественный порядок. Поскольку речь идет о грубом нарушении общественного порядка, выражающем явное неуважение к обществу, что присуще любому хулиганству, сознательное допущение указанных последствий исключено. Желание или осознание неизбежности нарушения общественного порядка как результата, совпадающего с действиями, предполагает наличие у виновного прямого умысла.

При хулиганстве имеет место совпадение характера умысла и его направленности в ходе совершения всех действий, образующих состав этого преступления. Избранная форма совершения преступления на личной почве может приобрести хулиганскую направленность лишь в том случае, если виновный не только проявляет неуважение к обществу, но и осознает неизбежность развития событий, ведущих к грубому нарушению общественного порядка, выражающему явное неуважение к обществу. Это означает и внутреннее, вполне осознанное принятие именно такой цели.

В основе хулиганской мотивации лежит противопоставление окружающим — пренебрежение общественными интересами, нравственными принципами, регулирующими человеческое общение¹.

Наиболее часто хулиганские мотивы сочетаются с мстью, ненавистью, стремлением воспрепятствовать законной деятельности представителей власти и общественности по охране общественного порядка и т.п. При перерастании преступлений, совершаемых из этих и других побуждений, последние трансформируются в хулиганский мотив либо замещаются им, и он становится определяющим, ведущим мотивом, побуждая лицо избрать такие средства и методы совершения преступления, которые находят свое объективное выражение в хулиганстве².

В то же время если преступление вызвано мотивами, лишенными хулиганского содержания, связано с постановкой другой цели, оно не может быть квалифицировано как хулиганство. Возможность сочетания мотивации наглядно проявляется в образовании совокупности хулиган-

¹ Более подробно об этом см. Тарарухин С.А. Преступное поведение. Социальные и психологические черты. — С. 98.

² Ковалкин А.А., Котов Д.П. Мотивы хулиганства // Вопросы борьбы с преступностью. — Вып. 18. — 1973. — С. 43.

ства и других преступлений, в их перерастании в хулиганство, о чем уже упоминалось.

Объективное проявление хулиганских мотивов обычно заключается в беспричинном приставании к посторонним гражданам, в их оскорблении, избиении, неадекватной реакции на незначительные замечания по поводу недостойного поведения и т.п.

При отграничении хулиганства от преступлений против личности необходимо установить причины возникновения конфликтной ситуации, почему, на почве чего были совершены те или иные действия. Особую роль играет выяснение поведения субъекта, предшествующего совершению преступления, характера взаимоотношений между обвиняемым и потерпевшим до конфликта. Если потерпевший сам совершил какие-либо неправомерные действия, которые существенно затронули интересы виновного, то возникшие в связи с этим мотивы ответных действий обычно не могут рассматриваться как хулиганские. Наличие неприязненных взаимоотношений между обвиняемым и потерпевшим, вызванных поведением последнего, также, как правило, не свидетельствует о хулиганстве. Наконец, в возникшем конфликте могут быть повинны обе стороны, в равной мере хулиганствующие, что не исключает квалификации такого рода действий по ст. 206 УК.

Определенную сложность при квалификации представляют случаи перерастания хулиганства в более опасные преступления.

До сих пор мы исходили из того, что хулиганство является определяющим фактором, а другие преступления против личности выступают в роли формы или способа совершения этого преступления либо являются побочными, утрачивая самостоятельность. При разнородности совершаемых преступлений, выходящих за пределы состава хулиганства, действия виновных квалифицируются по совокупности.

В следственной и судебной практике встречаются и другие случаи, когда иные преступления, являясь более опасными, чем хулиганство, выступают на первый план, а совершаемые при этом хулиганские действия становятся как бы второстепенными либо, напротив, сохраняют свою самостоятельность.

Наиболее тяжким по сравнению с хулиганством является прежде всего *убийство из хулиганских побуждений*. В принципе здесь возможны два варианта совершения преступления. Один из них заключается в том, что

виновное лицо лишает жизни из хулиганских побуждений, но это не сопровождается побочными хулиганскими действиями. Другой характеризуется тем, что в момент убийства совершаются иные хулиганские действия или ему предшествует ряд действий, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу. Аналогичные проявления хулиганства могут быть и после совершения убийства. Основой для юридической оценки совершаемых действий, как при первом, так и при втором вариантах является решение вопроса: во всех ли случаях п. "б" ст. 93 УК охватывает признаки ст. 206 УК, или в определенных случаях оба эти преступления все же сохраняют свою самостоятельность. Иначе говоря: является ли обязательным при совершении убийства из хулиганских побуждений грубое нарушение общественного порядка в смысле ст. 206 УК или эти признаки выходят за пределы состава убийства. По этому поводу существуют различные суждения, однако нельзя смешивать хулиганские побуждения в качестве мотива деяния с хулиганством как преступлением. Совпадение мотива при убийстве из хулиганских побуждений и хулиганством как самостоятельным преступлением против общественного порядка еще не дает оснований полагать, что последнее, сопровождающееся убийством, всегда поглощается этим более тяжким преступлением. В одних случаях убийство является формой проявления хулиганства, когда оно выступает в качестве основной цели, в других — убийство из хулиганских побуждений одновременно сопровождается другими хулиганскими действиями против иных лиц, их оскорблением, нанесением побоев и т.п. Такие действия, совершенные до убийства, в момент его совершения или после него, образуют самостоятельный состав преступления и должны квалифицироваться отдельно по ст. 206 УК. Это вызвано тем, что совершаемые при этом преступления вызываются различной направленностью умысла и условиями его реализации, а также различиями в целях действия, обусловленного одними и теми же хулиганскими побуждениями.

Если виновным помимо убийства из хулиганских побуждений были совершены иные умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, то содеянное должно квалифицироваться по п. "б" ст. 93 и ст. 206 УК.

Умышленное убийство из ревности, мести и других побуждений, возникших на почве личных отношений,

независимо от места его совершения не должно квалифицироваться по п. "б" ст. 93 УК.

В постановлении Пленума Верховного Суда Украины № 1 от 1 апреля 1994 г. "О судебной практике по делам о преступлениях против жизни и здоровья человека" (п. 9) сказано: "По п. "б" ст. 93 УК Украины необходимо квалифицировать умышленное убийство из хулиганских побуждений, когда оно совершено на почве явного неуважения к обществу, пренебрежения общечеловеческими правилами общежития и нормами морали, а также без какой бы то ни было причины или с использованием малозначительного повода.

Нельзя рассматривать как совершенное из хулиганских побуждений умышленное убийство в ссоре или драке, которую начал сам потерпевший, а также из ревности, мести или иных мотивов, возникших на почве личных отношений, хотя при этом и был нарушен общественный порядок. Если кроме убийства из хулиганских побуждений виновный совершил еще и другие хулиганские действия (реальная совокупность), содеянное надлежит квалифицировать по соответствующей части ст. 206 и статье Уголовного кодекса, предусматривающей ответственность за убийство" (Бюлетень ... — С. 77).

Несколько иные основания существуют для квалификации хулиганских действий, сопряженных с причинением тяжких телесных повреждений.

Ни у кого не вызывает сомнения, что причинение тяжких телесных повреждений (ст. 101 УК) может являться завершающим этапом хулиганских действий и формой их проявления. Но в отличие от умышленного убийства из хулиганских побуждений указанное преступление в целом характеризуется иными мотивами. Нет необходимости подчеркивать, что преступления, ответственность за которые предусмотрена статьями 206 и 101 УК, посягают на различные объекты, что они, будучи разнородными, различаются и по другим признакам состава. В то же время причинение тяжких телесных повреждений выходит за пределы не только простого, но и квалифицированного (злостного и особо злостного) хулиганства. Ни одна из указанных норм, взятая отдельно, не охватывает содеянного с надлежащей полнотой, если хулиганство сопровождается причинением тяжких телесных повреждений. Вот почему они не могут не образовать в этих случаях совокупности преступлений.

В п. 14 названного выше постановления Пленума Вер-

ховного Суда Украины “О судебной практике по делам о хулиганстве” сказано: “Совершение преступлений, предусмотренных ст. 101, ч. 2 и ч. 3 ст. 89, ч. 2 ст. 145 УК, из хулиганских побуждений подлежит квалификации по совокупности с хулиганством. По совокупности преступлений также необходимо квалифицировать неосторожное убийство, совершенное во время хулиганства” (Бюлетень ... — С. 152).

Хулиганство может выступать в роли формы, способа, средства совершения другого, более тяжкого преступления только в тех случаях, когда мотивы совершаемых действий совпадают между собой и являются хулиганскими либо когда мотив более тяжкого преступления является безразличным с точки зрения уголовного права. Вполне очевидно, что умышленное причинение тяжких телесных повреждений, совершение преступлений по неосторожности, в том числе убийства, выходят за пределы ст. 206 УК.

Таковы отправные положения об отграничении хулиганства от некоторых преступлений против личности, встречающие наибольшие затруднения в следственной и судебной практике. Отграничение хулиганства от других преступлений представляется менее сложным.

Вторая группа ошибок, наиболее часто встречающихся в следственной и судебной практике, связана с *разграничением отдельных видов хулиганства*.

При этом, например, упускается из виду, что признаки дерзости и цинизма свойственны любому хулиганству как форме проявления явного неуважения к интересам окружающих (любых граждан) и моральным, нравственным требованиям всего общества, что в зависимости от степени проявления дерзости или цинизма действия виновного могут рассматриваться не только как злостное хулиганство, но и как простое, предусмотренное ч. 1 ст. 206 УК, и даже как мелкое, влекущее административную ответственность.

В п. 8 упомянутого постановления Пленума Верховного Суда Украины по делам рассматриваемой категории не случайно подчеркивается, что “при квалификации хулиганских действий по ч. 2 ст. 206 УК по признаку особой дерзости или исключительного цинизма судам надлежит учитывать в каждом случае конкретные обстоятельства дела, в том числе время, место и характер совершения этого преступления.

Злостным хулиганством по признаку особой дерзости может быть признано такое преступное нарушение обще-

ственного порядка, которое выражало явное неуважение к обществу, сопровождалось, например, насилием с причинением телесных повреждений или издевательствами над потерпевшим, длительное время и упорно не прекращалось, или было связано с уничтожением или повреждением имущества, срывом массового мероприятия, воспрепятствованием нормальной деятельности учреждения, предприятия или общественного транспорта и др.

Злостным хулиганством, отличавшимся исключительным цинизмом, могут быть признаны хулиганские действия, которые сопровождались демонстративным пренебрежением к общепринятым нормам морали, например, проявлением бесстыдства, издевательствами над больными, стариками, лицами, пребывающими в беспомощном состоянии, и т.п.” (Бюлетень ... — С. 150).

В ч. 2 ст. 206 УК помимо названных квалифицирующих признаков указаны и другие — она предусматривает ответственность за хулиганство, связанное с сопротивлением представителям власти или общественности, выполняющим обязанности по охране общественного порядка, или иным гражданам, пресекающим хулиганские действия, а также совершенное лицом, ранее судимым за такое же преступление.

Употребленное в законе понятие “связанное” равнозначно понятиям “сопровождающееся”, “сопряженное”. Этим подчеркивается, что в данном случае, сопротивление представителям власти, общественности или отдельным гражданам не обязательно должно выражаться в форме хулиганства (совершаться из хулиганских побуждений), хотя это в отдельных случаях и не исключено.

Сопротивление, оказанное лицу, пресекающему хулиганство, не охватывается данным составом преступления лишь в случае совершения более тяжкого преступления.

Сопротивление после прекращения хулиганских действий (в связи с задержанием виновного) не должно рассматриваться как квалифицирующее обстоятельство и подлежит квалификации по совокупности с хулиганством (п. 9 указанного постановления Пленума Верховного Суда Украины).

К особо злостному хулиганству относятся действия, предусмотренные ч. 1 или ч. 2 ст. 206 УК, если они совершены с применением или попыткой применения огнестрельного оружия, а равно других предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений (ч. 3 ст. 206 УК).

В п. 12 названного постановления Пленума Верховного Суда Украины по делам данной категории подчеркивается, что квалификация по указанным признакам применяется не только в случаях, когда виновный с помощью этих предметов причинил или пытался причинить телесные повреждения, но и тогда, когда их использование во время хулиганских действий создавало реальную угрозу для жизни и здоровья граждан (Бюлетень ... — С. 151).

Далее, в п. 13 постановления, разъясняется, что к предметам, специально приспособленным для причинения телесных повреждений, следует относить такие предметы, которые были приспособлены виновным для указанной цели заранее или во время совершения хулиганских действий, а также предметы, которые хотя и не подвергались предварительной обработке, но были специально подготовлены виновным для той же цели.

“Разъяснить судам, — сказано в этом же пункте, — что при наличии указанных обстоятельств предметы хозяйственно-бытового назначения, специальные средства, как-то: резиновая палка, газовый пистолет с баллончиком, ручная газовая граната, а также иные подобные средства, которыми возможно причинение телесных повреждений, в соответствии с ч. 3 ст. 206 УК могут быть признаны предметами, специально приготовленными для нанесения телесных повреждений” (Бюлетень ... — С. 152).

В п. 15 постановления обращено внимание судов на необходимость отграничения хулиганства, совершенного группой лиц, от преступлений, предусмотренных статьями 71, 187³ УК, и разъяснено, что массовые беспорядки предусматривают наличие толпы, участники которой, руководствуясь различными мотивами, непосредственно совершают погромы, разрушения, поджоги и иные подобные действия или оказывают вооруженное сопротивление властям и этим могут дезорганизовать и даже парализовать на какое-то время деятельность органов власти и управления, создавая угрозу для общественной безопасности.

При групповом же хулиганстве эти признаки отсутствуют. Виновные, действуя из хулиганских побуждений, пытаются лишь грубо нарушить общественный порядок.

В отличие от массовых беспорядков действия, предусмотренные ст. 187³, могут исходить не от толпы, а от отдельной группы лиц и не сопровождаться погромами, разрушениями, поджогами и иными подобными действиями.

Мы рассмотрели только отправные положения, связан-

ные с квалификацией хулиганства и отграничением его от смежных преступлений.

* * *

В данной книге рассмотрены наиболее важные вопросы теории и практики квалификации преступлений. Автор не смог исчерпывающе осветить всю проблему и избежать дискуссионности отдельных положений. Но он будет считать свою задачу выполненной, если книга окажется полезной для правильного применения закона и его дальнейшего совершенствования.

Понятия и категории уголовного права

(краткий словарь)

АБОРТ КРИМИНАЛЬНЫЙ — незаконное искусственное прерывание беременности врачом вне стационарного лечебного учреждения или при наличии противопоказаний либо лицом, не имеющим специального медицинского образования (ст. 109 УК).

АВАРИЯ НА ТРАНСПОРТЕ — признается таковой в зависимости от вида транспортных средств и характера повреждения, причиненного вреда: на железнодорожном транспорте она должна влечь производство среднего ремонта; на водном состоит в потоплении судна, посадке его на мель, столкновении судов, порче винта и т.п. Уголовная ответственность наступает за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, повлекшее аварию (ст. 77 УК), за умышленное повреждение путей сообщения и транспортных средств, повлекшее или могущее повлечь аварию (ст. 78 УК), за самовольную без надобности остановку поезда, повлекшую аварию (ст. 217 УК).

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР — обязательные требования, предъявляемые к некоторым категориям лиц, освобожденных из мест лишения свободы (к особо опасным рецидивистам, осужденным к лишению свободы за тяжкие преступления, и др.): являться в органы милиции в установленные сроки, давать необходимые объяснения, не посещать определенные места города, района и т.п. Злостное нарушение указанных правил влечет уголовную ответственность (ст. 196¹).

АЗАРТНЫЕ ИГРЫ — игра в карты, рулетку, “наперсток” на деньги, вещи и иные ценности. Статья 213¹ УК предусматривает уголовную ответственность за организацию азартных игр (нелегальных, незарегистрированных).

АРЕСТ НЕЗАКОННЫЙ — заключение под стражу не на основании или не в порядке, регламентируемых уголовно-процессуальным законодательством. Заведомо незаконный арест, задержание или привод влекут уголовную ответственность по ст. 173 УК.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ — предшествующее административное наказание, служащее обязательным условием уголовной ответственности при совершении правонарушения не впервые, если не истек годичный срок после наложения административного взыскания (см., например, ч. 1 ст. 155⁶, ч. 1 ст. 161, ч. 1 ст. 187⁴, ч. 1 ст. 196¹, ч. 2 ст. 199 УК).

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ УМЫСЕЛ — один из видов определенно-го умысла, при котором виновный желает наступления любого из двух предвидимых им результатов. Ответственность возможна только за фактически наступившее последствие.

АМНИСТИЯ — полное или частичное освобождение лиц, совершивших преступление, от уголовной ответственности либо от наказания, если они осуждены, а также замена указанным лицам наказания на более мягкое, осуществляемые высшим органом государственной власти. В отношении отдельных лиц применяется в форме помилования.

АНАЛОГИЯ — применение закона по сходству. В уголовном праве не допускается.

АУТЕНТИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ ЗАКОНА — один из видов его легального толкования, осуществляемый органом, его издавшим. Имеет общеобязательный характер.

АФФЕКТ — кратковременное, резко выраженное сильное душевное волнение, вызванное противоправным поведением потерпевшего (в виде ярости, гнева, страха и т.п.). Различается двух видов: физиологический — если лицо сознает и контролирует свое поведение (рассматривается как смягчающее обстоятельство), и патологический, исключающий уголовную ответственность в силу невменяемости лица в данный момент. Отдельными нормами предусмотрена уголовная ответственность за убийство в состоянии сильного душевного волнения (ст. 95 УК) и причинение в таком состоянии тяжких или средней тяжести телесных повреждений (ст. 103 УК).

БАНДА — преступное сообщество из двух и более лиц, которое характеризуется вооруженностью, устойчивостью, сплоченностью, целенаправленной и, как правило, длительной преступной деятельностью. Уголовная ответственность наступает за организацию банды, участие в ней и в осуществляемых ею нападениях (ст. 69 УК).

БЕЗДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОЕ — общественно опасное и противоправное поведение лица, выразившееся в несовершении действий, которые оно могло и должно было совершить для предотвращения последствий, охватываемых его сознанием и волей, т.е. умышленное или неосторожное поведение.

ВАЛЮТНЫЕ ЦЕННОСТИ — иностранная валюта, платежные документы и фондовые ценности в иностранной валюте, а также драгоценные металлы, натуральные драгоценные камни, за исключением ювелирных и других бытовых предметов. Нарушение правил осуществления валютных операций влечет уголовную ответственность по ст. 80 УК, сокрытие валютной выручки — по ст. 80¹ УК.

ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО — собирательное понятие, охватывающее три вида преступлений: получение взятки (ст. 168 УК), дачу взятки (ст. 170 УК) и посредничество во взяточничестве (ст. 169 УК).

ВИНА — психическое отношение лица к своему действию или бездействию и их последствиям в форме умысла или неосторожности.

ВИНОВНОСТЬ — процессуальная форма признания того, что данное лицо совершило преступление (умышленно или по неосторожности).

ВЛАДЕНИЕ — одно из обязательных правомочий собственника, наряду с пользованием и распоряжением имуществом.

ВМЕНЯЕМОСТЬ — нормальное состояние психики человека, отличающегося избирательным поведением, т.е. способностью отдавать отчет в своих действиях и руководить ими. Это свойство положено в основу возможности привлечения лица к уголовной и иной ответственности (невменяемость ее исключает).

ВОВЛЕЧЕНИЕ В ПРЕСТУПНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — умышленные действия, направленные на вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность либо в совершение отдельных преступлений, участие в них путем физического или психического воздействия (побоев, запугивания, угроз, обмана, уговоров, подкупа и т.п.). Уголовная ответственность за эти действия предусмотрена ст. 208 УК.

ВРАЧЕВАНИЕ НЕЗАКОННОЕ — занятие врачеванием как профессией лицом, не имеющим надлежащего образования, если это причинило расстройство здоровья или смерть (ст. 226 УК).

ВЫМОГАТЕЛЬСТВО — требование передачи имущества или права на имущество, сопровождаемое угрозой насилия, разглашения позорящих сведений, уничтожения, повреждения имущества потерпевшего или его близких (статьи 86², 144 УК).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТАЙНА — сведения военного, экономического и иного характера, имеющие важное государственное значение и охраняемые государством, включенные в специальный перечень, который утверждается Кабинетом Министров Украины. Предусмотрена уголовная ответственность за государственную измену в виде выдачи государственной или военной тайны иностранному государству (ст. 56 УК), разглашение государственной тайны (ст. 67 УК), утрату документов, содержащих государственную тайну (ст. 68 УК), а также за шпионаж (ст. 57 УК).

ГРАБЕЖ — открытое похищение имущества, совершенное без насилия или с насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего, либо сопровождаемое угрозой применения такого насилия (статьи 82, 141 УК).

ГРУППА ПРЕСТУПНАЯ — два и более лиц, совместно совершающих одно и то же преступление. Рассматривается какотягчающее обстоятельство при назначении наказания (см. организованная группа) и квалифицирующий признак изнасилования (ч. 3 ст. 117 УК), а также ряда других преступлений. В указанных в законе случаях приобретают значение: наличие предварительного сговора на совершение преступления (кражи, грабежа и др.), признак организованности (например, при квалификации по ч. 3 ст. 86² УК — вымогательства, по ч. 3 ст. 154 УК — спекуляции и др.).

ГИПОТЕЗА — структурная часть нормы права, содержащая условия ее применения (в уголовном праве обозначается в наименовании статьи). В формальной логике — предположительное суждение о явлении, факте и т.п. (ее низшим уровнем является версия). В этом значении употребляется криминалистами.

ДАВНОСТЬ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА — срок, по истечении которого обвинительный приговор, если он не был приведен в исполнение, не может быть исполнен. В законе установлены дифференцированные сроки давности в зависимости от тяжести назначенного наказания. Если со времени постановления приговора прошло 15 лет и давность не была прервана совершением нового преступления, он не может быть приведен в исполнение (ст. 49 УК).

ДАВНОСТЬ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ — это срок, по истечении которого лицо не подлежит уголовной ответственности за совершенное им преступление. В законе установлены различные сроки давности в зависимости от тяжести совершенного преступления, определяемой санкцией. Течение срока давности начинается со дня совершения преступления. Он прерывается совершением нового преступления и приостанавливается, если виновный скроется от следствия и суда. По истечении 15 лет лицо, если оно не совершило нового преступления, не подлежит уголовной ответственности (ст. 48 УК).

ДЕЗЕРТИРСТВО — самовольное оставление военнослужащим войсковой части или иного места службы с целью уклонения от военной службы, а равно неявка с той же целью на службу при назначении, переводе, из командировки, отпуска, лечебного учреждения (ст. 241 УК).

ДЕЗОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО УЧРЕЖДЕНИЯ — терроризирование осужденных, вставших на путь исправления, либо нападение на администрацию, а также организация с той же целью преступных группировок (ст. 69¹ УК).

ДЕЛИКТ — синоним правонарушения, в том числе преступления.

ДЕЯНИЕ ПРЕСТУПНОЕ — осознанный волевой акт человеческого поведения (в форме действия или бездействия), представляющий общественную опасность и предусмотренный уголовным законом.

ДИСПОЗИЦИЯ — часть нормы Особенной части УК, в которой называется конкретное преступление или описываются его основные признаки. Различают простую, описательную, бланкетную и ссылочную диспозиции.

ДЛЯЩЕЕСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЕ — преступление, состоящее в действии, растянутом во времени (побег, дезертирство, хранение, ношение оружия и т.п.), момент окончания которого связан с изменением условий совершения, явкой с повинной либо задержанием виновного.

ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО — лицо, осуществляющее постоянно или временно функции представителя власти, либо занимающее постоянно или временно на предприятиях, в учреждениях, организациях независимо от форм собственности должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, либо выполняющее такие обязанности по специальному полномочию (ч. 2 ст. 164 УК).

ДОЛЖНОСТНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ — нарушение должностным лицом обязанностей, обусловленных его служебным положением, с причинением существенного вреда государственным, коллективным интересам, или охраняемым законом интересам отдельных граждан, или интересам субъектов предпринимательской деятельности (ч. 1 ст. 164 УК).

ДЕЙСТВИЕ ЗАКОНА ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ — преступность и наказуемость деяния определяются законом, действовавшим во время совершения этого деяния (ст. 6 УК). Действие закона в пространстве означает его распространение на территорию Украины. Лица, совершившие преступления за пределами Украины, подлежат уголовной ответственности в соответствии с Уголовным кодексом Украины, если они привлечены к уголовной ответственности или преданы суду на ее территории (ч. 1 ст. 5 УК). На этих же основаниях несут ответственность пребывающие в Украине лица без гражданства, совершившие преступления за ее пределами (ч. 2 ст. 5 УК). Иностранцы подлежат уголовной ответственности за преступления, совершенные за границей в случаях, предусмотренных международными договорами (ч. 4 ст. 5 УК).

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ ОТ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ — прекращение по своей воле начатых преступных деяний (приготовления, покушения) при наличии возможности довести преступление до конца, что исключает уголовную ответственность, если содеянное не содержит состава иного преступления (ст. 18 УК).

ДЕЯТЕЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ — полное или частичное устранение виновным вредных последствий совершенного деяния, что наряду с возмещением причиненного материального ущерба, явкой с повинной, способствованием раскрытию преступления рассматривается как смягчающее обстоятельство при назначении наказания (ст. 40 УК).

ДОКТРИНАЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ЗАКОНА — синоним научного толкования, не носящего обязательного характера.

ДОНОС ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫЙ — заведомо не соответствующее действительности устное или письменное сообщение суду, прокурору или органу дознания, к компетенции которых относится возбуждение уголовного дела, о якобы совершенном преступлении (ст. 177 УК).

ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ НАКАЗАНИЯ — освобождение от наказания до окончания срока, назначенного по приговору суда. Может быть безусловным (лиц, заболевших тяжелым, неизлечимым заболеванием, по амнистии, в связи с помилованием, истечением сроков давности исполнения приговора, отпадением общественной опасности лица) и условно-досрочным, а также с заменой наказания более мягким.

ДУШЕВНОЕ ВОЛНЕНИЕ — психическое состояние лица, возникшее в результате насилия или иного противоправного поведения потерпевшего, когда виновный частично утрачивает контроль над своими действиями и способность руководить ими. Рассматривается как смягчающее вину обстоятельство (п. 4 ст. 40 УК). См. также АФФЕКТ.

ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ КОРЫСТНАЯ — стремление к незаконному получению имущества, иных материальных выгод для себя лично или для других лиц либо к освобождению от платежей или иного расходования личного имущества, денежных средств.

ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ ИНАЯ ЛИЧНАЯ — стремление к получению выгод неимущественного характера в виде различного рода благ, привилегий и т.п., обусловленное карьеризмом, подхалимством, протекционизмом, местью, завистью, семейственностью и др.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ВЛАСТЬЮ ИЛИ СЛУЖЕБНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ — умышленное использование должностным лицом своего служебного положения вопреки интересам службы из корыстной или иной личной заинтересованности, если это деяние причинило вред охраняемым интересам (ч. 1 ст. 165 УК) или повлекло тяжкие последствия (ч. 2 ст. 165 УК).

ЗАРАЖЕНИЕ ВЕНЕРИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНЬЮ — заведомое поставление другого лица через половое сношение или иным путем в опасность заражения венерическим заболеванием, а также заражение таким заболеванием лицом, знавшим о наличии у него этой болезни (ст. 108 УК).

ЗАРАЖЕНИЕ СПИДОМ влечет ответственность по ст. 108² УК. Ответственность за заражение им лица медицинскими, фармацевтическими работниками и работниками иных сфер установлена ст. 108³ УК.

Разглашение медицинским работником или иным должностным лицом сведений о проведении медицинского осмотра на предмет выявления заражения вирусом СПИДа или заболевания СПИДОМ, а также результатов осмотра, ставших известными в связи с выполнением служебных или профессиональных обязанностей, карается по ст. 108⁴ УК.

ИЗНАСИЛОВАНИЕ — половое сношение с применением физического насилия, угрозы или с использованием беспомощного состояния потерпевшей (ст. 117 УК).

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ НАКАЗАНИЯ — назначение наказания в пределах предусмотренных законом санкций с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, смягчающих и отягчающих обстоятельств.

ИСПОЛНИТЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ — лицо, непосредственно совершившее преступление (ч. 3 ст. 19 УК). Таковым признается также лицо, использовавшее для этого малолетних, невменяемых, животных, стихийные силы природы.

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ БЕЗ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ — один из видов наказания (ст. 29 УК), заключающийся в том, что осужденный привлекается к труду по месту прежней работы или в иных местах в районе его проживания с удержанием определенной части заработной платы (не более 20 процентов).

ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ СРОК — назначается при условном осуждении продолжительностью от 1 года до 3 лет с требованием несо-

вершения нового преступления (ст. 45 УК). По истечении указанного срока лицо считается несудимым. В случаях систематического нарушения общественного порядка и т.п. условное осуждение может быть отменено с направлением осужденного для отбывания наказания, назначенного приговором. При совершении преступления в период испытательного срока суд к наказанию, назначенному по новому приговору, присоединяет полностью или частично наказание по предыдущему приговору (ст. 43 УК).

КАЗУС — невинное причинение вреда (случай). В отличие от преступления (умышленного и неосторожного) оно лишено элемента предвидения последствий, возможности и должествования такого предвидения.

КАЗУАЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ЗАКОНА — официальное разъяснение смысла закона исполнительным органом, например, Верховным Судом Украины, применительно к конкретному случаю.

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ — уголовно-правовая оценка деяния, которая заключается в установлении тождества (соответствия) признаков фактически совершенного действия (бездействия) признакам юридического состава, определяемого уголовным законом как преступление.

КВАЛИФИЦИРОВАННЫЙ ВИД ПРЕСТУПЛЕНИЯ — преступление, совершенное приотягчающих обстоятельствах, указанных в законе, предусматривающем ответственность за него. Эти обстоятельства могут относиться к любому признаку состава (предмету посягательства, характеристике потерпевшего и т.п.).

КЛЕВЕТА — распространение (сообщение хотя бы одному лицу) заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений (ст. 125 УК).

КОНТРАБАНДА — незаконное перемещение товаров, валюты, ценностей через таможенную границу Украины помимо таможенного контроля или с сокрытием от него, совершенное в крупных размерах либо группой лиц, организовавших для занятия контрабандой, а равно такое же перемещение исторических и культурных ценностей, наркотических средств, ядовитых, сильнодействующих, радиоактивных, взрывчатых веществ, оружия и боеприпасов (кроме гладкоствольного охотничьего оружия и боевых припасов к нему), предусмотренных ст. 70 УК.

КОРЫСТЬ — один из низменных мотивов в виде стремления к наживе, обогащению, получению прав на имущество и т.п. путем совершения различных преступлений — хищений, взяточничества и др. В случаях, когда данный мотив не предусмотрен как признак состава, он рассматривается при назначении наказания как обстоятельство, отягчающее ответственность (ст. 41 УК).

КРАЖА — тайное похищение чужого имущества при наличии у преступника уверенности, что он действует незаметно для потерпевшего и других лиц или что они заблуждаются по поводу преступности его действий (статьи 81, 140 УК).

КРАЙНЯЯ НЕОБХОДИМОСТЬ — одно из обстоятельств, исключающих общественную опасность и противоправность деяния в

случае, когда лицо вынуждено действовать для предотвращения наступления вреда правоохраняемым интересам путем причинения менее значительного вреда иным интересам при условии невозможности устранения опасности другим путем. Угрожающая опасность должна быть в наличии и реальной, т.е. фактически существующей (ст. 16 УК).

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА — один из видов дополнительного наказания, применяемый только в случаях, указанных в законе. Состоит в принудительном, безвозмездном изъятии в собственность государства всего или части лично принадлежащего осужденному имущества. Вещественные доказательства, деньги, ценности, нажитые преступным путем, на основании норм УПК обращаются в доход государства независимо от характера совершенного преступления.

ЛЕГАЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ЗАКОНА — разъяснение смысла и содержания закона издавшим его органом либо по поручению такого органа (например, Верховным Судом Украины по отдельным категориям уголовных или гражданских дел).

ЛЕЧЕНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ — применяется к лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии невменяемости или совершившим такие деяния в состоянии вменяемости, но заболевшим душевной болезнью до постановления приговора судом (ст. 13 УК).

Лицо, осужденное за преступление, совершенное на почве алкоголизма или наркомании, может быть направлено судом (независимо от назначенного уголовного наказания) на принудительное лечение, которое осуществляется в местах лишения свободы либо в специальных медицинских учреждениях (ст. 14 УК).

ЛИШЕНИЕ ПРАВА занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью — одно из наказаний, назначаемое в случае, когда суд признает невозможным сохранение за виновным указанных прав, в связи с которыми было совершено преступление или которые были при этом использованы. Может применяться в качестве основного и дополнительного наказания (ст. 31 УК).

ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ — один из основных видов наказания, заключающийся в принудительной изоляции осужденного от общества. Отбывается в исправительно-трудовых учреждениях (колониях) различных режимов или в тюрьме — в зависимости от тяжести и характера содеянного и личности осужденного. Несовершеннолетние отбывают лишение свободы в воспитательно-трудовых колониях общего и усиленного режимов, женщины — в колониях общего и строгого режимов, лица, признанные особо опасными рецидивистами, — в колониях особого режима или в тюрьме (ст. 25 УК).

МАТЕРИАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ — преступления, имеющие реальные (измеримые) последствия. Их окончание связывается с конкретным вредом собственности, личности и т.п.

МЕРА НАКАЗАНИЯ — наказание определенного вида и размера, назначенное осужденному приговором суда.

МНИМАЯ ОБОРОНА — применение мер защиты против несуществующего посягательства на правоохраняемые интересы с причинением вреда потерпевшему в случае, когда вся обстановка происшедшего, в том числе и его поведение, давали основание для такого заблуждения, исключаяющего уголовную ответственность. Если лицо могло и должно было разобраться в случившемся и неоправданно причинило вред потерпевшему, возможна уголовная ответственность за преступления, совершенные по неосторожности или при превышении пределов необходимой обороны.

МОТИВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ — один из элементов субъективной стороны состава преступления в виде внутреннего осознанного побуждения — стремления к его совершению (корысть, месть, ревность, гнев и т.п.).

МОШЕННИЧЕСТВО — завладение чужим имуществом или правом на имущество, а также получение иных благ путем обмана или злоупотребления доверием (статьи 83, 143 УК).

МУЖЕЛОЖСТВО — половое сношение мужчины с женщиной, совершенное с применением насилия, угрозы или с использованием беспомощного состояния потерпевшего (ст. 122 УК).

НАКАЗАНИЕ — особая мера государственного принуждения за совершенное преступление, применяемая только по приговору суда от имени государства.

НАРКОМАНИЯ — болезнь, характеризующаяся непреодолимым влечением к наркотикам и сопровождающаяся поражением внутренних органов, неврологическими и психическими расстройствами, социальной деградацией личности.

НАРКОТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА — природные и синтетические вещества, употребление которых вызывает наркоманию (марихуана, гашиш, анаша, опий, героин и др.).

НЕБРЕЖНОСТЬ ПРЕСТУПНАЯ — вид неосторожной вины, имеющий место в случаях, когда лицо, совершая общественно опасное деяние, не предвидит возможного наступления общественно опасных последствий, однако должно и может их предвидеть.

НЕВМЕНЯЕМОСТЬ — обусловленная болезненным состоянием психики или слабоумием неспособность лица отдавать отчет в своих действиях или руководить ими в момент совершения общественно опасного деяния. Каждый из этих критериев в отдельности или оба вместе исключают вменяемость.

НЕДОНЕСЕНИЕ — несообщение органам государства о достоверно известном подготавливаемом или совершенном преступлении (прикосновенность к нему в форме бездействия). Уголовная ответственность за недонесение наступает только в случаях, предусмотренных законом (ст. 187 УК).

НАПРАВЛЕННОСТЬ УМЫСЛА — конкретное содержание прямого умысла, определяемого в зависимости от цели и мотивов дея-

ния. Имеет особое значение при разграничении преступлений, совпадающих между собой по остальным элементам и признакам (например, некоторых видов убийств), при изменении содержания преступления в момент его осуществления, а также при установлении пределов ответственности соучастников.

НЕЗАКОННАЯ ОХОТА — охота с нарушением специальных правил, которые устанавливаются законодательными и иными нормативными актами (ст. 161 УК).

НЕЗАКОННОЕ ЗАДЕРЖАНИЕ — противоправное воспрепятствование лицу (путем физического или психического насилия) выбирать по своей воле место пребывания (ст. 123 УК).

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА — действия, совершенные с целью защиты от общественно опасного посягательства интересов или прав того, кто защищается, или иного лица, интересов общества или государства путем причинения посягающему вреда, если такие действия были обусловлены потребностью немедленного предотвращения или пресечения посягательства (ч. 2 ст. 15 УК).

Не является преступлением применение (независимо от последствий) оружия или каких-либо иных средств или предметов, если оно осуществлено для защиты от нападения вооруженного лица или группы лиц, для предотвращения противоправного насильственного проникновения в жилище или иное помещение либо если лицо, осуществляющее защиту, не могло вследствие испуга или сильного душевного волнения, вызванного общественно опасными действиями, оценить соответствие защиты характеру посягательства (ч. 3 ст. 15 УК).

НЕОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ лицом медицинского персонала без уважительных на то причин влечет уголовную ответственность, если это могло повлечь для больного наступление тяжких последствий (ч. 1 ст. 113 УК). В случае их наступления, например, смерти больного, содеянное квалифицируется по ч. 2 ст. 113 УК.

НЕОСТОРОЖНОСТЬ — одна из форм вины, при которой лицо, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, легкомысленно рассчитывает на их предотвращение (преступная самонадеянность) либо не предвидит возможности наступления таких последствий, хотя должно и может их предвидеть (преступная небрежность).

НЕОТВРАТИМОСТЬ НАКАЗАНИЯ — обязательное применение наказания за любое преступление.

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ (НЕКОНКРЕТИЗИРОВАННЫЙ) УМЫСЕЛ — одна из разновидностей умышленной формы вины, когда виновный желает (сознательно допускает) любое из возможных последствий. Ответственность наступает в зависимости от последствий, которые фактически имели место.

НЕПРИМЕНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ — освобождение лица, совершившего преступление, от наказания при наличии предусмотренных уголовным законом оснований, которые подразделяются на две группы: 1) освобождение от уголовной ответственности и в силу

этого — от применения наказания (например, в силу истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности — ст. 48 УК, утраты общественной опасности деяния — ст. 50 УК); 2) истечение сроков давности, например, исполнения обвинительного приговора (ст. 49 УК).

НОРМАТИВНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ЗАКОНА — один из видов его официального толкования (законодательным органом), обязательного для всех должностных лиц и граждан. Распространяется на все случаи, предусмотренные конкретной нормой, законом.

ОБРАТНАЯ СИЛА ЗАКОНА — распространение действия на случаи, имевшие место до вступления его в силу, если он смягчает ответственность или вовсе ее устраняет. Закон, усиливающий ответственность за деяние или устанавливающий ее, обратной силы не имеет.

ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ — общественное спокойствие, неприкосновенность жизни и здоровья населения, наличие условий для труда и отдыха граждан; нормальная деятельность государственных и общественных организаций, учреждений, предприятий (обеспечивается группой норм, содержащихся в гл. X УК).

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ — объективный (материальный) признак преступления или иного правонарушения, выражающий его вредоносность для общества и состоящий в причинении или угрозе причинения вреда правоохраняемым интересам (охраняемым законом общественным отношениям).

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ — общественные отношения, охраняемые уголовным законом (их перечень дан в ст. 7 УК).

ОГРАНИЧИТЕЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ЗАКОНА — понимание его смысла несколько уже, чем это позволяет его словесная формулировка.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ НАКАЗАНИЯ — имеет место по окончании срока его отбывания, в случаях условно-досрочного освобождения и досрочного освобождения по болезни, а также в связи с амнистией и помилованием.

Кроме того, лицо, совершившее преступление, может быть по приговору суда освобождено от наказания, если будет признано, что в силу последующего безупречного поведения и добросовестного отношения к труду это лицо ко времени рассмотрения дела в суде перестало быть общественно опасным (ч. 2 ст. 50 УК).

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ — является возможным, если будет признано, что ко времени расследования или рассмотрения дела в суде совершенное деяние в связи с изменением обстановки утратило характер общественно опасного или лицо перестало быть таковым (ч. 1 ст. 50 УК).

ОСНОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ — наличие в действиях (бездействии) лица состава конкретного преступления.

ОСОБАЯ ЖЕСТОКОСТЬ — умышленное причинение потерпевшему мучений и страданий путем нанесения множества телесных повреждений, пытки, истязания, применения медленно действующего яда. Об особой жестокости может свидетельствовать также причинение заведомо для виновного особых страданий близким потерпевшему лицам, присутствующим на месте преступления, глумление над трупом (кроме случаев его уничтожения или расчленения с целью скрыть преступление). Является одним из признаков убийства, совершенного при отягчающих обстоятельствах (п. "е" ст. 93 УК).

ОСОБО ОПАСНЫЙ РЕЦИДИВИСТ — лицо, признанное таковым по приговору суда в связи с прежними судимостями за тяжкие преступления при определенных условиях, указанных в законе (ст. 26 УК).

ОСТАВЛЕНИЕ В ОПАСНОСТИ — заведомое неказание необходимой и явно не терпящей отлагательства помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии и лишенному возможности принять меры к самосохранению, если виновный был обязан заботиться о пострадавшем либо сам поставил его в опасное для жизни положение (ст. 111 УК).

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УГОЛОВНАЯ — правовое последствие совершения преступления, заключающееся в применении к виновному мер государственного принуждения в форме наказания.

ОТРАСЛЬ ПРАВА — совокупность однородных по юридическому содержанию норм. На этой основе выделяются уголовное, административное, гражданское и другие отрасли права.

ОТСРОЧКА ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА — перенесение исполнения обвинительного приговора на срок от 1 года до 2 лет с осуществлением контроля за поведением осужденного. По истечении срока отсрочки суд выносит определение об освобождении осужденного от отбывания наказания либо о направлении его для отбывания назначенного приговором лишения свободы (ст. 46¹ УК).

ОТЯГЧАЮЩИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА — обстоятельства совершения преступления, наличие которых свидетельствует о повышенной общественной опасности как деяния, так и самого преступника, что влечет более суровое наказание. Их исчерпывающий перечень дан в ст. 41 УК. Если обстоятельства выступают в роли квалифицирующих, то при назначении наказания они не учитываются, поскольку их оценка дана в самом законе.

ПЕРЕДАЧА НА ПОРУКИ — одна из форм освобождения от уголовной ответственности с применением мер общественного воздействия. Возможна при условии, что лицо раскаялось в совершенном деянии, содержащем признаки преступления, не представляющего большой общественной опасности, с установлением контроля за его поведением. Если на протяжении года лицо не оправдывает выявленного ему доверия, оно может быть привлечено к уголовной ответственности за это деяние (ст. 51 УК).

ПОБОИ — умышленное нанесение потерпевшему множества ударов, причинивших физическую боль (ст. 107 УК).

ПОГАШЕНИЕ СУДИМОСТИ — автоматическое снятие судимости по истечении установленного законом срока (ст. 55 УК).

ПОДЛОГ ДОКУМЕНТОВ — подделка подлинных или составление фальшивых документов. Различается служебный подлог (ст. 172 УК) и подделка документов, штампов, печатей, сбыт их, а также использование поддельных документов частным лицом (ст. 194 УК).

ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВО — один из видов соучастия в преступлении, который выражается в склонении к его совершению, укреплении решимости сделать это и т.п. (ст. 19 УК).

ПОКАЗАНИЕ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЕ — умышленное сокрытие фактов, обстоятельств, сознательное искажение истины свидетелем, потерпевшим, экспертом (переводчиком) в суде либо в процессе предварительного следствия или дознания (ст. 178 УК).

ПОКУШЕНИЕ НА ПРЕСТУПЛЕНИЕ — умышленное действие, непосредственно направленное на совершение преступления, если последнее не было доведено до конца по причинам, не зависящим от воли виновного. Различается оконченное и неоконченное покушение. Первое предполагает совершение всех действий, которые, по мнению виновного, должны были привести к преступному результату, второе характеризуется невыполнением всех действий, могущих привести к такому результату. При квалификации покушения на преступление следует ссылаться на ч. 2 ст. 17 УК.

ПОМИЛОВАНИЕ — акт верховной власти, полностью или частично освобождающий осужденного от наказания либо заменяющий назначенное ему судом наказание более мягким. Помилование может заключаться также в снятии судимости с лица, ранее отбывавшего наказание.

ПОПУСТИТЕЛЬСТВО — умышленное невоспрепятствование совершению преступления при наличии возможности принять меры, необходимые для его пресечения или предотвращения, при условии, что воспрепятствование является служебной или иной правовой обязанностью лица, несущего в данном случае ответственность за злоупотребление властью или служебным положением либо за халатность (статьи 165, 167 УК).

ПОСОБНИЧЕСТВО — соучастие в преступлении в виде оказания помощи (содействия) в его осуществлении исполнителем или группой лиц — советами, указаниями, предоставлением орудий (средств) совершения преступления, устранением препятствий, а также в виде заранее обещанного сокрытия преступления, орудий и средств его совершения, следов, предметов, добытых преступным путем, самого преступника.

ПРАВОНАРУШЕНИЕ — антиобщественное деяние, причиняющее вред обществу, государству, гражданам и наказуемое по закону. В зависимости от степени общественной опасности выделяются административные проступки и преступления.

ПРАВООТНОШЕНИЕ — урегулированные нормами права общественные отношения, участники которых являются носителями субъективных прав и обязанностей.

ПРАВОПОРЯДОК — составная часть общественного порядка, заключающаяся в охране личности и прав граждан, нравственности и общественного спокойствия, обеспечении дисциплины граждан в общественных местах и в быту.

ПРАВОСОЗНАНИЕ — совокупность взглядов, идей, выражающих отношение людей и социальных групп к праву, законности, правосудию, их представление о том, что является правомерным или неправомерным.

ПРАВОСПОСОБНОСТЬ — способность лица иметь права и обязанности.

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ — способность лица быть субъектом преступления (что определяется вменяемостью и достижением соответствующего возраста), т.е. обладать по закону способностью иметь и осуществлять свои права и выполнять обязанности, в данном случае — нести уголовную ответственность.

ПРЕВЫШЕНИЕ ВЛАСТИ ИЛИ СЛУЖЕБНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ — умышленное совершение должностным лицом (в том числе представителем власти) действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, если при этом причинен существенный вред правоохраняемым интересам из корыстной или иной личной заинтересованности (ст. 166 УК).

ПРЕВЫШЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ — явное (очевидное) несоответствие причиненного посягающему вреда опасности посягательства и обстановке защиты. Возможна уголовная ответственность за совершение при таких обстоятельствах убийства (ст. 97 УК) и причинение тяжких телесных повреждений (ст. 104 УК).

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ВЛАСТИ — должностное лицо, облеченное властными полномочиями, распространяющимися на лиц, не находящихся у него в служебном подчинении.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ — предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на общественные отношения (интересы государства, общества в целом или имеющие общественное значение права и интересы граждан). Признаками преступления являются общественная опасность и противоправность (включающая виновность). Наказуемость — следствие, результат преступления, не являющийся его необходимым атрибутом, так как возможно применение иных мер воздействия.

ПРЕЮДИЦИЯ — обязательность предшествующего уголовной ответственности за некоторые составы преступлений (ч. 1 ст. 155⁶ УК — незаконная торговая деятельность, ч. 1 ст. 161 УК — незаконная охота и др.) привлечения к иной ответственности, в частности, административной (см. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ).

ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ — первая стадия совершения умышленного преступления в виде создания для этого условий, приискания или приспособления орудий преступления и т.п. (ст. 17 УК).

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА — меры, применяемые взамен уголовного наказания к несовершеннолетним, совершившим преступления, не представляющие большой общественной опасности, если по характеру содеянного и личности виновного они могут быть исправлены с помощью этих мер (ст. 10 УК).

ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ — необходимая связь между действием (бездействием) лица и преступным результатом. Отсутствие причинной связи между противоправным действием (бездействием) и вредными последствиями исключает уголовную ответственность за их наступление.

ПРОСТУПОК — противоправное поведение, влекущее дисциплинарную или административную ответственность (в широком смысле слова включает и уголовно наказуемое деяние — преступление).

ПРОДОЛЖАЕМОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ — преступление, состоящее из ряда действий (эпизодов), посягающих на один и тот же объект, объединенных единством умысла (целью) и составляющих одно преступление.

ПРИНУЖДЕНИЕ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ — совершение лицом, производящим дознание или предварительное следствие, незаконных действий, вынуждающих к даче показаний при допросе (ч. 1 ст. 175 УК); те же действия, соединенные с применением насилия или издевательством над личностью допрашиваемого, наказываются по ч. 2 ст. 175 УК.

РАЗБОЙ — нападение с целью завладения имуществом, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья лица, подвергшегося нападению, или с угрозой применения такого насилия (статьи 86, 142 УК). Разбой считается оконченным с момента нападения.

РЕЦИДИВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ — вид множественности преступлений. Различают фактический и легальный рецидив. Первый — это повторное совершение преступления, второй связан с судимостью и особой ответственностью. Выделяют также общий, специальный и особо опасный рецидивы, уголовно-правовой, криминологический и пенитенциарный.

РЕЦИДИВИСТ — лицо, которое после осуждения приговором суда за совершение преступления вновь совершает одно или несколько преступлений.

РАСПРОСТРАНИТЕЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ — раскрытие содержания нормы несколько шире, чем позволяет ее словесная формулировка.

РАСТРАТА — одна из форм хищения государственного или коллективного имущества в виде издержания (передача другому лицу, дарение, продажа и т.п.) либо израсходования вверенных или находящихся в ведении виновного материальных ценностей (ст. 84 УК).

САМОГОНОВАРЕНИЕ — изготовление или хранение с целью продажи самогона и других крепких спиртных напитков домашней выработки либо изготовление с этой целью аппаратов для их выработки, торговля указанными спиртными напитками или аппаратами (ст. 149 УК).

САМОНАДЕЯННОСТЬ ПРЕСТУПНАЯ — один из видов неосторожной формы вины, характеризуется тем, что виновный, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий своего действия (бездействия), легкомысленно рассчитывает на их предотвращение.

САМОУПРАВСТВО — самовольное (с нарушением установленного законом порядка) осуществление своего действительного или предполагаемого права, причинившее существенный вред гражданам либо государственным, коллективным организациям, предприятиям, учреждениям (ст. 198 УК).

Самоуправство, совершенное должностным лицом с использованием служебного положения, представляет собой превышение власти (ст. 166 УК).

САНКЦИЯ — часть нормы, предусматривающая ответственность за нарушение уголовного закона (совершение конкретного преступления).

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ ЗАКОНА — направлено на установление связей и взаимозависимости толкуемой нормы с другими близкими по содержанию нормами, а также на определение места, которое она занимает в общей структуре нормативного акта, уголовного закона.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ — исключительная мера наказания, применяемая только за совершение особо тяжких преступлений.

СМЕШАННАЯ (СЛОЖНАЯ) ФОРМА ВИНЫ — характеризуется разным психическим отношением лица к своим действиям (умыслом) и последствиям (неосторожностью), как, например, при причинении тяжких телесных повреждений, повлекших смерть (ч. 3 ст. 101 УК).

СМЯГЧАЮЩИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА — обстоятельства, характеризующие совершенное преступление или личность виновного, учет которых судом ведет к назначению более мягкого наказания, чем при их отсутствии. Примерный перечень этих обстоятельств приведен в ст. 40 УК.

СНЯТИЕ СУДИМОСТИ — решение суда о признании лица не имеющим судимости до истечения установленного законом срока.

СОВОКУПНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ — наличие в действиях лица признаков двух и более разнородных преступлений, каждое из которых квалифицируется самостоятельно. Различается реальная совокупность — совершение нескольких преступлений в разное время — и идеальная совокупность — совершение двух и более преступлений одним действием (ст. 42 УК).

СОВОКУПНОСТЬ ПРИГОВОРОВ — назначение наказания по нескольким приговорам в отношении одного и того же лица (ст. 43 УК).

СОПРОТИВЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ ВЛАСТИ или представителю общественности, выполняющему обязанности по охране общественного порядка, — активное воспрепятствование или противодействие им в выполнении обязанностей по охране общественного порядка либо понуждение к выполнению явно незаконных действий (ст. 188 УК).

СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ — совокупность объективных и субъективных элементов и признаков, характеризующих совершенное преступление (объект посягательства, объективная сторона, субъект преступления, субъективная сторона). Состав является единственным основанием уголовной ответственности.

СОУЧАСТИЕ — умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении преступления (ст. 19 УК).

СПЕКУЛЯЦИЯ — скупка товаров и иных предметов, на которые установлены розничные цены в предприятиях (организациях) торговли, а также иных предприятиях, осуществляющих реализацию товаров и других предметов населению, и их перепродажа с целью наживы (ст. 154 УК).

СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ — физическое, вменяемое лицо, достигшее определенного возраста — 16 лет, а за такие преступления, как убийство, кража и др., — 14 лет (ст. 10 УК).

СУДИМОСТЬ — юридические последствия осуждения за преступление, один из элементов уголовной ответственности. Заключается в ограничении прав осужденного, не входящем в содержание наказания, в течение определенного срока (в зависимости от тяжести совершенного преступления, вида и размера назначенного наказания). Рассматривается как квалифицирующий признак ряда преступлений. При назначении наказания учитывается как обстоятельство, отягчающее ответственность. Служит основанием для признания лица особо опасным рецидивистом. Судимость может быть погашена или снята в установленном законом порядке (ст. 55 УК).

ТЕЛЕСНЫЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ — противоправное умышленное или неосторожное причинение вреда здоровью человека, выразившееся в нарушении анатомической целостности или физиологических функций органов и тканей. Различаются по степени тяжести (статьи 101—106 УК).

ТОЛКОВАНИЕ ЗАКОНА — разъяснение смысла и содержания закона в целях правильного и единообразного его применения. Может быть грамматическим, логическим, систематическим, историческим и т.п. Выделяется также официальное и научное.

ТЯЖКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ — преступления, представляющие повышенную общественную опасность. Их исчерпывающий перечень дан в ст. 7¹ УК.

УБИЙСТВО — умышленное или неосторожное лишение жизни другого человека. Различают убийство простое (ст. 94 УК), совершенное при отягчающих обстоятельствах (ст. 93 УК) и при смягчающих обстоятельствах (статьи 95—98 УК).

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА — направление деятельности государства, связанное с применением уголовно-правовых мер борьбы с преступностью, определением задач, форм и содержания этой борьбы, а также предупреждения преступлений.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО — отрасль права, представляющая совокупность юридических норм, определяющих преступность и наказуемость деяний, опасных для общества (государства) в данный момент.

УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС — систематизированный законодательный акт, определяющий, какие общественно опасные деяния являются преступлениями, и устанавливающий наказания за их совершение.

УГОН ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ (автомобилей всех видов, мотоциклов, тракторов или иных самоходных машин) без цели их хищения — незаконное умышленное, открытое или тайное завладение чужим транспортным средством, поездка на нем (ст. 215³ УК).

УГОН ИЛИ ЗАХВАТ железнодорожного состава, воздушного, морского или речного судна, а также захват вокзала, аэродрома, порта или иного транспортного предприятия, учреждения, организации (ст. 217² УК).

УГОЛОВНОЕ ПРАВООТНОШЕНИЕ — специфическое правовое отношение, возникшее между лицом, совершившим преступление, и государством в лице органов юстиции (государство обязано привлечь виновного к уголовной ответственности при наличии достаточных оснований и в пределах, установленных законом для данного деяния, а лицо обязано нести такую ответственность с обеспечением его прав).

УГРОЗА — выражение словесно, письменно, действиями или другим способом намерения нанести физический, материальный или иной вред отдельному лицу или общественным интересам. Является одним из признаков некоторых составов преступлений, например, вымогательства, разбоя и др. Угроза совершить убийство при наличии реальных оснований опасаться ее исполнения наказывается по ст. 100 УК. Угроза убийством, насилием или уничтожением имущества в отношении работника прокуратуры либо органа внутренних дел или безопасности, а также в отношении его близких родственников в связи с исполнением им служебных обязанностей карается по ст. 189² УК. Угроза или насилие в отношении должностного лица, общественного работника или гражданина, выполняющего общественные обязанности, наказывается по ст. 190 УК.

УКЛОНЕНИЕ ОТ ВОИНСКОЙ СЛУЖБЫ — выражается в самовольной отлучке (оставлении части или места службы, дезертирстве, самовольном оставлении части в боевой обстановке), а также в членовредительстве или иных направленных на уклонение действиях.

УКРЫВАТЕЛЬСТВО — умышленное сокрытие преступника, орудий и средств совершения преступления, его следов либо предметов, добытых преступным путем. Ответственность наступает в

случаях, указанных в законе (статья 20, 186 УК). Если укрывательство было заранее обещано, оно рассматривается как соучастие в форме пособничества.

УМЫСЕЛ — одна из форм вины, когда лицо, совершившее преступление, сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия и предвидело его общественно опасные последствия. Если лицо желало их наступления — в наличии прямой умысел, если сознательно допускало — косвенный умысел (ст. 8 УК).

Различают также заранее обдуманый и внезапно возникший, конкретизированный, альтернативный и неконкретизированный (неопределенный) умысел.

УСЛОВНОЕ ОСУЖДЕНИЕ — мера уголовно-правового воздействия, применяющаяся судом к лицу, осужденному к лишению свободы или исправительным работам. Если суд, учитывая обстоятельства дела и личность виновного, придет к убеждению о нецелесообразности отбывания виновным назначенного наказания, он может постановить об условном неприменении наказания, назначив испытательный срок (ст. 45 УК).

ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВО — изготовление с целью сбыта, а также сбыт поддельных казначейских билетов, билетов Национального банка Украины, металлических монет, государственных ценных бумаг или иностранной валюты (ст. 79 УК).

ФОРМАЛЬНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ — общественно опасные действия, которые оцениваются как преступные независимо от фактически наступивших последствий (разбой, бандитизм, клевета, оскорбление и т.п.).

ХАЛАТНОСТЬ — невыполнение или ненадлежащее выполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие небрежного или недобросовестного к ним отношения, причинившее существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам отдельных граждан (ст. 167 УК).

ХИЩЕНИЕ — изъятие государственного или коллективного имущества с целью безвозмездного обращения его в свою пользу или пользу других лиц. В зависимости от способа посягательства различаются формы хищений — кража, грабеж, присвоение, растрата и др.

ХУЛИГАНСТВО — умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное (очевидное) неуважение к обществу (ст. 206 УК).

ЦЕННЫЕ БУМАГИ — акции, облигации, векселя, чеки, коносаменты и т.п.

ЦЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ — мысленная модель результата, которого намеревался достичь виновный, совершая преступление.

ШПИОНАЖ — передача или собирание с целью передачи иностранному государству, иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную или военную тайну, совершенные иностранцем или лицом без гражданства во вред интересам Украины (ст. 57 УК).

ШТРАФ — денежное взыскание, налагаемое судом в пределах, установленных законом (ст. 32 УК).

ШЕЛЬФ — продолжение материка под морскими водами до глубины примерно 200 м.

ЭПИДЕМИЯ — умышленное распространение эпидемий, эпизоотий, эпифитотий с целью ослабления государства является формой диверсии, наряду со взрывами, поджогами и т.п. (ст. 60 УК).

ЭКСЦЕСС ОБОРОНЫ — превышение пределов необходимой обороны в виде явного (очевидного) несоответствия защиты характеру и опасности посягательства.

ЭКСЦЕСС ИСПОЛНИТЕЛЯ — выход исполнителя за пределы предварительного сговора с другими соучастниками, за что он несет ответственность самостоятельно.

ЭВЕНТУАЛЬНЫЙ УМЫСЕЛ — синоним косвенного умысла.

ЯВКА С ПОВИННОЙ — рассматривается как обстоятельство, смягчающее ответственность (ст. 40 УК).

ЯДОВИТЫЕ ВЕЩЕСТВА — изготовление, приобретение или хранение с целью сбыта, а равно сам сбыт ядовитых и сильнодействующих веществ (ст. 229 УК).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
---------------	---

Глава I

ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. Понятие квалификации и ее юридические основания.....	8
--	---

§ 2. Установление фактических обстоятельств содеянного — общая предпосылка квалификации	22
---	----

Глава II

КВАЛИФИКАЦИЯ ЕДИНИЧНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. Понятие единичного преступления и его общая характеристика	36
--	----

§ 2. Квалификация единичного преступления при конкуренции норм	46
---	----

§ 3. Особенности квалификации единичного преступления при соучастии	62
--	----

Глава III

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЕДИНИЧНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ЭЛЕМЕНТАМ И ПРИЗНАКАМ

§ 1. Общетеоретические вопросы разграничения преступлений	80
--	----

§ 2. Разграничение единичных преступлений по объективным признакам	89
---	----

§ 3. Разграничение единичных преступлений по субъективным признакам.....	106
---	-----

Глава IV

КВАЛИФИКАЦИЯ И РАЗГРАНИЧЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

§ 1. Квалификация хищений государственного и коллективного имущества и их отграничение от других преступлений.....	132
--	-----

§ 2. Разграничение некоторых преступлений против жизни и здоровья	156
§ 3. Отграничение хулиганства от некоторых смежных преступлений.....	171

ПРИЛОЖЕНИЕ

Понятия и категории уголовного права (краткий словарь)	185
---	-----

Т19 Тарарухин С.А. Квалификация преступлений в следственной и судебной практике. — Киев: "Юринком", 1995. — 208 с. Научно-практическое издание.

ISBN 5-7707-4573-8

В монографии рассматривается процесс уголовно-правовой оценки преступного деяния, анализируются научные основы и методические правила проведения этого процесса, определяются логико-правовые закономерности установления состава преступления. Наряду с общетеоретическими в работе выделены конкретные вопросы квалификации единичного преступления, а также разграничения и квалификации отдельных видов преступлений, вызывающих затруднения на практике.

Книга предназначена для работников следствия, суда, прокуратуры, адвокатуры, научных работников, преподавателей и студентов юридических вузов.

Т 1203021100-000
"Юринком"-95 Без объявл.

ББК X 628.1

"Юринком" — редакция "Бюллетеня законодательства и юридической практики Украины"

Главный редактор В.С.Ковальский
Специальный редактор Л.Н.Козаченко

Компьютерная верстка Т.Н.Виноградова
Компьютерный набор Е.В.Горб

© А.А.Стеценко, художественное оформление, 1995

Сдано в набор 15.10.94. Подписано в печать 15.03.95.
Формат 84x108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Печать высокая.
Усл.печ.л. 6,5. Усл. кр.-отт. 8,45. Заказ № 5-76.
Отпечатана с оригинал-макета, изготовленного в "Юринком",
Акционерным обществом "Киевская книжная фабрика",
252054, Киев-54, ул. Воровского, 24.
